ПИСЬМА

О

СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ

РОССІИ

11го АПРѢЛЯ 1879 — 6го АПРѢЛЯ 1880.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ

Придворнаго книгопродавца К. К. Ретгера (подъ фирмою Шмицдорфъ)

Невскій проспектъ 5.

2 III г
Ф.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Августа 1881 г.

459
37

Типографія придворнаго книгопродавца К. К. Ретгера, Невскій просп., 5.

Печатаемыя нынѣ двѣнадцать писемъ о современномъ состояніи Россіи были представлены, какъ означено въ заглавіи, въ смутный годъ съ апрѣля 1879 по апрѣль 1880. Онѣ писаны двумя одномыслящими лицами вмѣстѣ, хотя подписывались лишь однимъ изъ нихъ. Изъ настоящаго изданія исключено все касавшееся случайныхъ вопросовъ, злобы дня того года; обсужденіе основныхъ вопросовъ оставлено безъ измѣненія. Вѣроятно письма эти остались бы еще долго подъ спудомъ, еслибъ недавнія сокрушающія событія не вынудили насъ считать дѣломъ совѣсти—высказать наше мнѣніе вслухъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I Письмо 11-го Апрѣля 1879 года	1
II Письмо	15
III Письмо	29
IV Письмо	37
Приложеніе къ письму IV	46
V Письмо	52
VI Письмо	66
VII Письмо	72
VIII Письмо	81
IX Письмо	93
X Письмо	105
XI Письмо	115
XII Письмо 6-го Апрѣля 1880 г.	128
Приписка	147

I ПИСЬМО

11-го АПРѢЛЯ 1879 ГОДА.

Въ этомъ письмѣ мнѣ принадлежатъ только объединеніе фактовъ и выводъ изъ нихъ. Самые факты извѣстны у насъ всѣмъ и каждому, не обращаютъ даже на себя вниманія по своей обыкновенности.

Не зачѣмъ касаться механическихъ, полицейскихъ мѣръ для искорененія видимаго зла; онѣ одинаковы въ цѣломъ свѣтѣ. Можно сказать только слѣдующее: безумные фанатики, открыто жертвующіе собою для совершенія злодѣйства, чрезвычайно рѣдки, но звѣрскихъ душъ, готовыхъ на преступленіе, когда есть надежда скрыться отъ преслѣдованія, очень много. Единственно вслѣдствіе того число такихъ случаевъ въ Европѣ исчерпывается нѣсколькими примѣрами въ столѣтіе; у насъ между двумя верховными покушеніями совершился рядъ открытыхъ убійствъ надъ лицами всякаго званія, отъ государственныхъ людей до гимназистовъ. Въ Европѣ этого нѣтъ, потому что тамъ нельзя совершить уличнаго убійства и не быть захваченнымъ; у насъ можно. Въ Европѣ городовой, видящій какъ злоумышленникъ, покусившійся на жизнь генерала Дрентельна, падаетъ на мосту, бросаетъ коня на произволъ судьбы и хромая плетется къ извощику, понялъ бы что этотъ человѣкъ спасается отъ преслѣдованія и задержалъ бы его; тамъ и другіе полицейскіе, снабженные на этотъ предметъ свистками, не дали бы

ему скрыться изъ виду; тамъ дрожки, поджидавшія недѣлю на одномъ мѣстѣ убійцъ Мезенцова, были бы арестованы на другой день, и такъ далѣе. Очевидно что русская полиція, даже въ Петербургѣ, гораздо слабѣе всякой европейской, но зато и русскіе заговорщики мало прикрыты. Они отвергаются чрезвычайнымъ большинствомъ образованнаго слоя, а народъ готовъ растерзать ихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что энергическіе люди могутъ въ короткій срокъ раздавить безпочвенный русскій заговоръ, прекратить опасность съ его стороны на нѣкоторое время, но едва ли — вырвать съ корнемъ. Полицейскія мѣры ничего съ корнемъ не вырываютъ, а въ этомъ все дѣло.

Въ Россіи существуютъ до трехъ сотъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Изъ каждаго заведенія выпадаютъ ежегодно нѣсколько воспитанниковъ. Значительная часть этого набора попадаетъ въ ряды нигилистовъ. Пока такое явленіе продолжается, нигилизмъ можно прижать, обезоружить, но не искоренить. Министерство Просвѣщенія тутъ ни причемъ; оно не можетъ отвѣчать за исключенныхъ и добровольно ушедшихъ. Можно замѣтить развѣ одно. Въ Европѣ за каждымъ учебнымъ заведеніемъ для культурнаго сословія стоитъ нѣсколько низшихъ, обучающихъ умѣнью честно заработывать хлѣбъ и подбирающихъ неудачныхъ учениковъ, выбрасываемыхъ первыми. У насъ же между классическимъ преподаваніемъ и полною безграмотностію почти нѣтъ середины. Воспитаннику, которому теорія небесной механики оказалась не подъ силу, негдѣ учиться чему либо не столь высокому, но болѣе хлѣбному, и онъ идетъ въ нигилисты чтобы не умереть съ голода; а въ тоже время техниковъ всякаго рода выписываютъ изъ за границы по неимѣнію своихъ.

Но эта причина только усиливаетъ напряженіе нашихъ ядовитыхъ наростовъ. Созданы они отчасти искуственно вызваннымъ, несоразмѣрнымъ съ потребностію, наплывомъ дѣтей бѣднѣйшихъ сословій въ обще-образовательныя за-

вѣденія, отчасти легкомысленнымъ подражаніемъ нынѣшнимъ революціоннымъ идеямъ запада, какъ заговоръ 14-го декабря былъ подражаніемъ тогдашнимъ конституціоннымъ идеямъ. Своего въ нихъ ничего нѣтъ, а потому вопросъ объ ихъ происхожденіи имѣетъ лишь относительную важность. Другое дѣло, по какимъ причинамъ всесильное русское правительство не можетъ справиться съ давно обнаруженнымъ и безпочвеннымъ заговоромъ. Тутъ встаетъ вопросъ о правильности постановки всего правительственнаго дѣйствія, и по этой только причинѣ я считаю себя обязаннымъ высказать свое убѣжденіе.

Не трудно было бы искоренить враждебную обществу шайку, еслибы всѣ органы власти, отъ крупныхъ до мелкихъ, въ точности исполняли свои обязанности; но правительство можетъ дѣйствовать лишь посредствомъ администраціи, какова она есть. Съ перваго же слова я обязанъ освѣтить неутѣшительную, но общеизвѣстную и несомнѣнную истину: въ настоящее время правительство не настолько владѣетъ своею администраціею, чтобы провести сверху до низу духъ какой либо мѣры; оно можетъ проводить только форму, которая часто прилагается на практикѣ въ смыслѣ, прямо противуположномъ правительственной волѣ.

Въ такомъ непомѣрно громадномъ бюрократическомъ механизмѣ каковъ русскій, въ которомъ рѣшеніе по каждому дѣлу обусловливается хорошо подобранными формальностями, всякій начальникъ отдѣленія сильнѣе министра въ дѣлахъ своего круга дѣйствій, каждый изъ нихъ можетъ вынудить желательное для себя рѣшеніе у зауряднаго министра, теряющагося въ хаосѣ текущихъ дѣлъ. Это такая доказанная истина, что о ней никто не споритъ. Каждый слышалъ десятки анекдотовъ о томъ, какъ министръ пробовалъ постановить рѣшеніе, сдѣлать назначеніе противъ воли начальника отдѣленія или директора,—и сдался. Но изъ этого выходитъ, что если вслѣдствіе какого либо вреднаго направленія, вкравшагося въ общество, найдется въ длинномъ іерархическомъ

ряду хотя одно лицо имъ зараженное, то начиная съ этой ступени мѣра осуществляется въ духѣ этого лица а не въ правительственномъ, — конечно съ точнымъ соблюденіемъ формальностей. Извѣстно что тонкой прослойки какого либо посторонняго тѣла между двумя стеклами достаточно чтобы переломить лучь, дать ему иное направленіе. Но какъ въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ сильно распространенъ духъ безсодержательнаго либерализма и недовольства всѣмъ настоящимъ, и какъ при томъ въ Россіи все выростающее изъ зипуна почти поголовно воплощается въ чиновничествѣ (кромѣ военныхъ), не говоря объ инородцахъ, часто враждебныхъ по принципу, то наша администрація переполнена лицами дѣйствующими не въ правительственномъ духѣ—тѣми именно прослойками, въ которыхъ лучь преломляется. До верховной власти не могутъ конечно доходить факты, ежедневно звенящіе въ ушахъ каждаго изъ насъ: какъ такой то мѣстный начальникъ выгоняетъ чиновниковъ, выписывающихъ добросовѣстные журналы, а не нигилистическіе листки; какъ другой жалуется на тупоуміе ребенка-сына, читающаго Герцена какъ календарь, безъ увлеченія; какъ слѣдователь предупреждаетъ заговорщика, котораго онъ долженъ арестовать, чтобъ тотъ скрылъ поличное; какъ вице-директоръ говоритъ своему чиновнику, радующемуся что одинъ изъ убійцъ Мезенцова наконецъ пойманъ: «не далеко же вы пойдете на службѣ съ такими идеями»; какъ секретарь консисторіи отвѣчаетъ на замѣчаніе, что большинство нигилистовъ выходитъ изъ духовнаго званія: «еще бы, мы ближе къ народу, кому же стоять за него»—и такъ далѣе, безъ конца. Все это не безъименные анекдоты, а число ихъ легіонъ. Но если въ государственной службѣ оказывается не мало процентовъ такихъ личностей, то въ длинномъ іерархическомъ ряду почти каждая правительственная мѣра должна пройдти чрезъ руки одной изъ нихъ, и съ этого времени будетъ сбита съ прямаго пути. Изъ министровъ только три: иностранныхъ дѣлъ, военный и морской, по особому складу

ихъ вѣдомствъ, могутъ проводить рѣшенныя мѣры въ ихъ подлинномъ духѣ. Многіе уже сознаютъ нынѣ и всѣ чувствуютъ, что наше правительство не вполнѣ владѣетъ своей административной машиной, а потому оказывается не совсѣмъ властнымъ противъ общественныхъ явленій, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ.

Есть еще другая причина этой немощи. Если считать у насъ столько то процентовъ чиновниковъ неблагонадежныхъ и столько то вполнѣ надежныхъ, то остается еще гораздо большая масса среднихъ, податливыхъ въ своемъ мнѣніи, но не утратившихъ завѣтнаго русскаго чувства и готовыхъ, по настроенію минуты, рисковать собою для предупрежденія злаго умысла, — или же оправдать Вѣру Засуличъ. Безъ малѣйшаго сомнѣнія большинство присяжныхъ, надворныхъ совѣтниковъ, вынесшихъ это безобразное оправданіе, были не Минины, но и не Мараты, и думали прежде всего о себѣ; они непремѣнно стали бы на сторону правительства и закона, еслибъ у насъ отдѣльному лицу можно было опереться на правительство. Дѣло въ томъ что надворные совѣтники стали въ процессѣ Засуличъ на сильнѣйшую сторону, сильнѣйшую въ тѣхъ мелкихъ отношеніяхъ, изъ которыхъ слагается ихъ жизнь. Уже въ то время, до убійствъ, красный кружокъ былъ у насъ единственной связной группой; поддакивавшіе ему избѣгали неудобства быть осмѣянными въ уличныхъ листкахъ, представленными въ карикатурѣ въ балаганныхъ театрахъ, оскорбленными въ публичныхъ собраніяхъ извѣстнаго рода; они часто выигрывали противъ другихъ даже на службѣ, пользуясь общимъ безпристрастіемъ начальниковъ, людей прямыхъ, и особымъ покровительствомъ кривыхъ. Какъ ни была и есть ничтожна сила красныхъ въ русской массѣ, она все таки связная сила, знающая и поддерживающая своихъ. *Наше правительство своихъ не знаетъ.* Всякій русскій человѣкъ можетъ быть выгнанъ изъ службы своимъ начальникомъ, краснымъ, за то что онъ не красный, и нигдѣ не найдетъ управы. Каж-

дый знаетъ много такихъ случаевъ. При всеподавляющемъ нашемъ бюрократизмѣ русское правительство для каждаго отдѣльнаго лица какъ бы не существуетъ. Гдѣ оно, въ чемъ оно, какъ до него достигнуть? Выходитъ что изъ правящей дѣлами бюрократіи многіе становятся поперегъ правительству, огромное большинство, не имѣющее строго опредѣленнаго мнѣнія, не всегда находитъ лично удобнымъ для себя дѣйствовать въ правительственномъ духѣ; остающійся процентъ людей съ твердыми убѣжденіями не много можетъ сдѣлать. Какъ же расчитывать на удачное преслѣдованіе цѣлей съ такимъ орудіемъ дѣйствія, когда при томъ оно единственное, незамѣнимое покуда орудіе, даже въ своемъ личномъ составѣ?

Самыя условія бюрократическаго быта служатъ проводникомъ безсодержательному красному либерализму, служащему въ свою очередь подпочвой для настоящаго нигилизма. Человѣкъ живущій практическою жизнію въ какомъ бы то ни было званіи — въ земствѣ, на желѣзной дорогѣ, въ промышленномъ предпріятіи, ежедневно соприкасается съ толпою и видитъ собственными глазами исходъ своихъ мѣропріятій; онъ безпрестанно наталкивается на случаи, заставляющіе его свѣрять дѣйствительность съ идеями, взятыми имъ на вѣру; черезъ нѣсколько лѣтъ такой жизни онъ не можетъ уже оставаться глухимъ утопистомъ и проникается живою средою, не заносною а своею, русскою, въ которой вращается. Для чиновника канцеляріи или учителя (къ нимъ еще надобно причислить большинство сотрудниковъ періодической нашей печати) рѣдко возможенъ житейскій опытъ. Чиновникъ, особенно же Петербургскій, вычитываетъ свои идеи или принимаетъ ихъ съ чужихъ словъ, не видитъ практическихъ послѣдствій своихъ распоряженій, не можетъ повѣрять своихъ мнѣній на опытѣ и судитъ все на свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи, къ которой однажды прилѣпился, — случайно или по складу своего ума. Оттого наши чисто-канцелярскіе дѣятели, дослужившіеся даже до званія дѣятелей

государственныхъ (а такихъ не мало), остаются во многихъ отношеніяхъ существами полудѣтскими, съ заимствованными понятіями безъ собственной провѣрки. При такой заквасѣ людей самый утопическій либерализмъ, дѣйствительно привлекательный въ чистой теоріи, легко внѣдряется въ душу. Намъ же почти два вѣка ставили въ первое достоинство— объевропеиться; тѣ изъ насъ, которые жили преимущественно въ безвоздушномъ пространствѣ офиціальной среды, и объевропеились въ самомъ модномъ и прогрессивномъ вкусѣ. Все это въ порядкѣ вещей.

Нельзя не замѣтить также, что наша періодическая печать, издающаяся покуда за немногими исключеніями для того же казеннаго слоя людей, проникнута его же духомъ— и по житейскому воспитанію своихъ дѣятелей, и въ видахъ лучшаго сбыта товара. Одно находитъ оправданіе въ другомъ, и обратно. Большинство казеннаго общества, единственнаго, стоящаго до сихъ поръ на виду, заодно съ большинствомъ печати, мало соприкасаются съ русскою почвою, оба живутъ присочиненными идеалами, чужими готовыми выводами, легко переходящими въ крайность потому именно, что они у насъ не подлежатъ повѣркѣ домашнимъ опытомъ, какъ чужіе. Изъ такой постановки дѣла истекаетъ слѣдующее странное явленіе. Русскій либеральный чиновникъ желалъ бы одарить Россію учрежденіями либеральными до несостоятельности, до-хаоса, но не хочетъ позволить обсуждать свои эксперименты тѣмъ, надъ которыми ихъ производитъ; онъ давитъ по мѣрѣ силъ всякое проявленіе земской, и вообще народной жизни, происшедшее безъ его предварительнаго разрѣшенія, какъ самовольство противъ своего офиціальнаго права; печать поступаетъ почти также въ защиту своихъ «либеральныхъ принциповъ». Земля покуда молчитъ, — кто же ее спрашиваетъ? — и все это навѣянное броженіе на поверхности, въ слоѣ, который можно назвать чисто казеннымъ (созданнымъ правительствомъ и имъ живущимъ), совершенно безсильное для

какого либо общаго дѣла, служитъ тѣмъ не менѣе подпочвой, хотя бы безсознательной, явленіямъ самымъ неподходящимъ, которыя за границей называются «революціоннымъ духомъ Россіи».

Возможно ли присмотрѣть сверху за безчисленной русской бюрократіей, сосредочивающей въ себѣ всю власть и ежегодно размножающейся своей собственной силой. Уже покойный Государь замѣчалъ, что у насъ гораздо больше чиновниковъ чѣмъ ихъ нужно для службы. Но каждый начальникъ желаетъ управлять сколь можно болѣе обширнымъ вѣдомствомъ; каждый русскій человѣкъ, перерядившійся въ нѣмецкое платье, считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ жить на казенный счетъ. При безмѣрной численности этой почти праздной массы, въ нее легко вкрадываются не только ненадежныя личности, но настоящіе злоумышленники, какъ оказывалось во время послѣдней польской смуты, какъ оказывается и нынѣ, при нашей смутѣ домашней.

Нѣтъ возможности исправить администрацію, оставляя её на нынѣшнихъ основаніяхъ. Развѣ мыслимо улучшить ея личный составъ болѣе строгою разцѣнкою людей, когда всѣ грамотные и даже полуграмотные слои русскаго общества облечены уже въ казенный мундиръ? Въ другихъ странахъ, даже въ бюрократической Франціи, можно измѣнить наличный составъ администраціи въ правительственномъ духѣ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ лишь часть образованнаго общества; у насъ же, вслѣдствіе недостаточной еще глубины культурнаго слоя и непомѣрнаго, не имѣющаго подобія, распространенія казенной службы на все и на всѣхъ, внѣ наличнаго административнаго состава не остается почти ничего. Для того чтобы удалить всѣхъ неблагонадежныхъ людей пришлось бы упразднять не лица, а мѣста и званія, по недостатку замѣстителей. Кромѣ того, кто же будетъ упразднять? Пусть послѣдуетъ Высочайшій указъ; на основаніи его добросовѣстный начальникъ удалитъ, можетъ быть, самыхъ сомнительныхъ, но начальникъ красный, какихъ

много, выгонитъ подъ этимъ предлогомъ самыхъ благонадежныхъ. Произойдетъ только перекладываніе изъ однаго ящика въ другой.

Худшее послѣдствіе такого положенія дѣлъ заключается не въ томъ даже, что правительство не вполнѣ владѣетъ своимъ орудіемъ-администраціей, а въ томъ что у него нѣтъ покуда ни какого другаго орудія даже на крайній случай. Когда правительство обращается къ Россіи, какъ не разъ случалось, оно употребляетъ аллегорію. Кромѣ простонародья, заключающаго въ себѣ громадныя силы, но для устоя а не для дѣйствія, внѣ арміи и администраціи не существуетъ почти никакой сознательной Россіи, способной содѣйствовать правительству. Съ тѣхъ поръ какъ крупное помѣстное дворянство, бывшее дѣйствительнымъ продолженіемъ правительства, улетучилось неизвѣстно куда, въ русскихъ областяхъ попадаются кой какіе обрывки, отпадающіе на ходу отъ арміи и администраціи, обрывки болѣе благонадежные можетъ быть чѣмъ все прочее, такъ какъ они постепенно проникаются русскою жизнію, но совершенно безсильные по неимѣнію значенія, средствъ и даже достаточной численности для того чтобы сплотиться въ нѣчто цѣлое. Безсильные сами по себѣ, эти обрывки кромѣ того не имѣютъ подъ собой никакой почвы, разъединены съ народомъ, такъ какъ при дѣйствующихъ положеніяхъ земскія учрежденія, хотя могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ распоряжаться населеніемъ, но совершенно лишены возможности руководить имъ.

Такимъ образомъ, для охраненія правильнаго развитія русской жизни правительство вооружено одною силою—казенною администраціею, не поддающеюся присмотру по своей громадности и разнородности, и представляющею по своей отчужденности отъ народной жизни богатое поле для распространенія тѣхъ именно вредныхъ уклоненій, которыя приходится и придется еще подавлять.

Исключительное владычество бюрократіи имѣло конечно

свои причины въ нашей исторіи, какъ всякое явленіе дѣйствительности. Оно возникло въ ту еще пору, когда московскіе великіе князья стали собирать Россію и подводить подъ одинъ уровень самостоятельные прежде города и области; но разрослось и все поглотило съ того времени, когда великій Преобразователь взялъ на себя, независимо отъ управленія, еще и воспитаніе своего народа. При такой задачѣ правительство могло довѣрять только своимъ людямъ, выбраннымъ и наставленнымъ имъ чиновникамъ, не потому чтобы оно сомнѣвалось въ вѣрности прочихъ, а потому что эти прочіе не соотвѣтствовали духу новаго направленія. Вслѣдствіе того правительство временно выходило изъ своей прямой задачи — общаго руководства народною жизнію; оно уже не руководило, а все дѣлало своими руками, исключительно чрезъ своихъ людей, какъ великій императоръ дѣлалъ собственноручно модели на показъ своимъ неумѣлымъ кораблестроителямъ. Толчокъ былъ данъ, правительственная опека разрослась и охватила самомалѣйшія проявленія общественной дѣятельности, можно сказать вытравила изъ Россіи самодѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріучила всякаго русскаго человѣка, выучившагося съ грѣхомъ пополамъ геометріи, жить не иначе какъ на счетъ государства. Затѣмъ преобразованія Сперанскаго закрыли послѣдній промежутокъ оставшійся между верховною властію и администраціей, слили ихъ въ одно, облекли послѣдняго чиновника полномочіемъ и окончательно обратили Россію въ чиновничье царство. Кромѣ этихъ преобразованій Сперанскаго, никогда не имѣвшихъ достаточнаго повода и заслонившихъ бюрократическою стѣною верховную власть отъ народа, создавшемуся порядку была конечно въ свое время законная причина, но порядокъ этотъ пережилъ свой законный срокъ и ведетъ въ настоящее время не къ силѣ, а къ обезсиленію правительства.

При дарованіи Россіи земскихъ учрежденій было упу-

щено изъ виду между прочимъ то соображеніе, что въ государствѣ исключительно бюрократическомъ, какъ оно установилось въ теченіи воспитательнаго періода, плодотворная земская дѣятельность не можетъ легко развиться; для нея не остается ни людей, ни вещественныхъ средствъ. Люди поглощаются казенной службой, содержаніе ихъ поглощаетъ всѣ доходы земли. Къ этому естественному препятствію присовокупилось еще временное — разъѣздъ самостоятельныхъ владѣльцевъ послѣ упраздненія крѣпостнаго права; за временнымъ явилось предумышленное — явное недовѣріе, выказываемое земству сверху, заставившее устраниться отъ него послѣднихъ видныхъ людей. При такой обстановкѣ дѣла можно вызвать не земскую дѣятельность, а лишь игру въ нее, или же создать для будущаго законоположенія, остающіяся покуда мертвою буквою. Земская жизнь можетъ вполнѣ развиться у насъ тогда лишь, когда правительство рѣшится гласно признать свою воспитательную задачу оконченною и возвратится въ кругъ естественныхъ отправленій государственной власти, сокращая сообразно съ тѣмъ служебный составъ и расходы на него, возвращая излишекъ людей и денегъ земству. Столь великое преобразованіе, вѣнчающее прежнія преобразованія царствованія, разрѣшилось бы двумя послѣдствіями неизмѣримой важности.

1) На мѣсто нынѣшней, выбивающейся изъ рукъ администраціи, которую можно назвать гуртовой, явилась бы администрація инаго склада, соразмѣрная по составу и стоимости съ своей задачей, набираемая изъ общественныхъ дѣятелей уже выказавшихъ себя, дорожащая своимъ положеніемъ и уважаемая, всегда исправимая въ личномъ составѣ, доступная надзору, сознающая себя вполнѣ правительственною. Съ такою администраціею можно будетъ проводить на конецъ не форму только, а духъ мѣропріятій.

2) За администрацію станетъ тогда не воображаемая, а дѣйствительная, живая Россія, въ лицѣ своего сознательнаго

слоя и крестьянскихъ обществъ, слоя, къ которому можно будетъ обращаться не безплодно. Русскія области снова наполнятся образованными и вліятельными людьми, хозяевами своей мѣстности, а при новыхъ вещественныхъ средствахъ, возвращаемыхъ землѣ, развитіе благосостоянія и просвѣщенія двинется вдвое быстрѣе. Кромѣ того, сокращеніе нынѣшнихъ непомѣрныхъ казенныхъ штатовъ соразмѣрно съ дѣйствительною потребностію дастъ еще значительную экономію и вслѣдствіе того, возможность облегчить рабочій народъ, нынѣ непосильно обремененный. Земское самоуправленіе станетъ прямымъ и отвѣтственнымъ продолженіемъ царской службы въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя ускользаютъ отъ глазъ и сознательнаго руководства государственной администраціи. Связное общество не потерпитъ въ средѣ своей противо-общественныхъ явленій, присмотритъ за ними лучше всякой полиціи, поможетъ правительству искоренить ихъ ради собственнаго спокойствія.

По личному моему убѣжденію (должно сказать что убѣжденіе это начинаетъ преобладать у насъ внѣ служебной среды) въ одномъ лишь постепенномъ развитіи земства можетъ заключаться наша родная конституція, сохраняющая за Россіей ея русскую личность, признающая Царя Царемъ а не главою исполнительной власти, не подражательная ложь, о которой мечтаютъ оторванные отъ почвы кружки, замѣняющая нравственную правду большинствомъ голосовъ и личную совѣсть Государя безличной и даже передъ Богомъ неотвѣтственной баллотировкой. Нынѣ выборъ между этими двумя направленіями становится неотложнымъ.

При сознательно подобранной администраціи и состоятельномъ земствѣ русское правительство будетъ знать своихъ людей и легко разоблачитъ отщепенцевъ. Отдѣльной личности станетъ тогда возможно опереться на власть, какъ на нѣчто живое и осязательное. Одно это послѣдствіе совершитъ полный переворотъ въ настроеніи умовъ. Всѣ не окончательно развращенные люди, которыхъ приходится дѣля-

ностo девять на сто, были бы тогда, явно и тайно, съ верховною властію и присмотрѣли бы за общею безопасностію. Нынѣ же русскій человѣкъ, безъ казеннаго предписанія, имѣетъ только номинальное право, но не имѣетъ возможности присмотрѣть за чѣмъ нибудь. Явленія подобныя русскому нигилизму, не вызываемыя никакими бытовыми условіями, заводятся и держутся только при спутанности общественныхъ началъ, когда никто прямо не отвѣтственъ и прямо не заинтересованъ въ общемъ дѣлѣ.

Смѣю ли присовокупить.

Не будучи славянофиломъ, невольно приходишь къ заключенію, что если со временъ великаго императора Петра мы далеко подвинулись въ просвѣщеніи и могуществѣ, то общественное развитіе Россіи едва ли не придется начать съ изнова, со дня кончины царя Алексѣя Михаиловича, какъ будто всего послѣдующаго, вплоть до великаго дня 19 февраля 1861 года вовсе не существовало. Недавнее прошлое слишкомъ жертвовало внутреннимъ наружному. Если свѣтлыя надежды великодушнаго Монарха и съ нимъ всей Россіи, возлагавшіяся на этотъ поворотный въ русской исторіи день, до сихъ поръ не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, то объясненія нечего искать въ другой причинѣ кромѣ той, что ветхій государственный строй—созданіе иной эпохи и иныхъ потребностей—могъ только начертать новый порядокъ, но не могъ вдохнуть въ него жизнь. На насъ сбылась притча о новомъ винѣ и старыхъ мѣхахъ. Дарованное намъ право быть гражданами вызвало доселѣ не развитіе русской дѣйствительности на обширной какъ міръ почвѣ отечества, которую оно нашло безлюдной, а грёзы и безчинство въ искусственномъ столпленіи людей, созванныхъ воспитательной эпохой со всѣхъ концовъ земли подъ казенную крышу. Чаемое и послѣднее преобразованіе истекаетъ само собою изъ преобразованій уже совершенныхъ; оно не только вѣнчаетъ, но вызываетъ ихъ изъ идеи въ бытіе, даетъ всѣмъ имъ почву. Оно не могло осуществиться безъ личной сво-

боды, безъ независимаго суда, безъ предварительныхъ узаконеній о земствѣ, а потому потребность въ немъ естественно вызывается послѣ всѣхъ.

Всевѣнчающее преобразованіе положитъ конецъ нашему нравственному неустройству, возвращая каждое общественное отправленіе на его законное мѣсто и возбуждая самодѣятельность, которой теперь нѣтъ простора; но оно труднѣйшее изо всѣхъ, потому что у верховной власти не имѣется для проведенія его прямаго орудія, какимъ была служебная среда при освобожденіи крѣпостныхъ. Нельзя возложить на эту среду задачу рѣзать себя по живому тѣлу, какъ нельзя было въ первомъ случаѣ положиться вполнѣ на помѣстное дворянство, и еще въ гораздо большей степени. Горячее участіе къ осуществленію такой цѣли со стороны земства, общественнаго мнѣнія Россіи и большинства печати несомнѣнно; созрѣвшую общественную истину достаточно назвать по имени, всякій её пойметъ. Совсѣмъ иное дѣло офиціальный міръ; старые порядки слишкомъ въѣлись въ его привычки, вкусы и понятія, слишкомъ для него выгодны и удобны. Но для воли русскаго Государя, когда онъ правъ передъ исторіей, нѣтъ препятствій въ предѣлахъ его царства.

II ПИСЬМО.

Существованіе у насъ революціоннаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ нигилизма, кажется съ перваго взгляда необъяснимымъ. По общему сознанію оно лишено всякаго оправданія въ условіяхъ нашего быта, всякаго историческаго повода, и даже тѣни надежды хотя бы на минутный успѣхъ; и однакожъ оно не встрѣтило покуда ни какого отпора со стороны общества, а до послѣднихъ событій находило даже снисхожденіе, не къ своей безобразной теоріи, всѣми отвергаемой, а къ преступнымъ личностямъ и къ ихъ увлеченію. Что это значитъ? Роспространеніе соціалистскихъ мечтаній понятно въ такихъ странахъ какъ Франція и Германія, гдѣ двѣ пятыхъ населенія оторваны отъ почвы и скучены въ городахъ несвязною толпою, гдѣ безвѣрныя массы погрузились въ соціализмъ не только какъ въ экономическую теорію, а какъ въ религію; гдѣ онѣ періодически остаются безъ насущнаго хлѣба при каждомъ промышленномъ застоѣ, при каждомъ промахѣ хозяина фабрики: гдѣ имъ покровительствуютъ такія силы какъ муниципальныя власти Парижа и крайнія партіи народнаго представительства; гдѣ сосредоточеніе всѣхъ отправленій жизни страны въ одномъ городѣ каковъ Парижъ (относительно Прусскаго королевства можно сказать уже Берлинъ), наполненномъ извращенною чернью, представляетъ возможность захватить власть въ расплохъ; гдѣ верховная власть съизвѣка поддерживалась однѣми высшими сословіями и дорога имъ однѣмъ, а въ нынѣ-

шнее время лишились вдобавокъ своей неприкосновенности во мнѣніи, вслѣдствіе удавшихся революцій и уличныхъ бунтовъ. На западѣ революціонное движеніе имѣетъ поводы и надежду, независимо даже отъ степени осуществимости его конечныхъ стремленій; тамъ она сила по одной численности, и какъ всякая сила находитъ вожаковъ, льстецовъ и слугъ въ политическихъ кругахъ и печати, а въ Германіи, со времени разрыва съ Римомъ, даже въ значительной части католическаго духовенства. Понятно что тамъ его трудно подавить; но у насъ совсѣмъ не то. У насъ не существуетъ ни одного изъ этихъ условій: ни бездомнаго и безвѣрнаго народа, ни стѣсненія въ заработкѣ (до такой степени что ни одинъ слуга и рабочій не дорожитъ своимъ мѣстомъ), ни зависимости труда отъ колебаній биржи, ни сосредоточенности народной жизни въ одномъ городѣ, ни организованнаго покровительства врагамъ общества; наша верховная власть всесословна въ глазахъ самаго народа и не расшатана. Со временъ самозванцевъ и до чигиринскаго дѣла мы не видали иного способа къ возбужденію смуты въ русской землѣ, кромѣ подлога царскаго имени или царской воли, чѣмъ самымъ подсѣкается въ корнѣ мысль о возможности сознательнаго переворота посредствомъ народа. При относительной же малочисленности, несамостоятельности и отчужденности отъ почвы образованнаго слоя, вся сила Россіи заключается въ народѣ. Но кромѣ того, если только не впадать въ непростительную ошибку, принимая либеральное болтанье и недовольство нынѣшнимъ переходнымъ положеніемъ дѣлъ за революціонный духъ, то и въ образованномъ слоѣ развѣ одинъ человѣкъ на тысячу сочувствуетъ преступнымъ умысламъ; къ нимъ привлекаются почти исключительно оторванныя отъ общества, бездомныя личности. Нашихъ нигилистовъ никто не покрываетъ сверху и не поддерживаетъ снизу. Невольно спрашиваешь себя: могла ли бы въ другомъ мѣстѣ такая ничтожная горсть ничтожныхъ людей, идущихъ въ разрѣзъ общественному убѣжденію, обнаруживать свое суще-

ствованіе — не говорю уже съ такою дерзостію какъ у насъ, но просто обнаруживать его? Въ Германіи полагаютъ около девятисотъ тысячъ соціалистовъ, но они считаютъ такую численность недостаточною для дѣйствія, на которое покуда и не покушаются, довольствуясь проповѣдью; тамъ нѣтъ отдѣла бунтарей, есть только распространители. У насъ нѣсколько тысячъ общественныхъ подонковъ, растворенныхъ во сто милліонной отвергающей ихъ массѣ населенія, осмѣливаются мечтать о дѣйствіи! Есть же причина такой разницы. Съ другой стороны, заговоръ нѣсколькихъ тысячъ людей уже не заговоръ а враждебная секта, происки которой не могутъ укрыться отъ глаза общества. У насъ найдется не мало людей (самъ я знаю такихъ), хотя и не терпящихъ нашихъ революціонеровъ, но тѣмъ не менѣе знакомыхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ по разнымъ поводамъ, знающихъ многихъ другихъ по именамъ, даже попадавшихъ случайно на ихъ собранія, и все же невыдающихъ того что знаютъ. Обществу въ массѣ извѣстно о заговорѣ едва ли менѣе чѣмъ правительству; общество заговору не сочувствуетъ и однакожъ молчитъ о немъ. Въ этомъ молчаніи заключается черта существенно присущая нынѣшнему русскому настроенію и объясняемая отчасти (далеко не вполнѣ) убѣжденіемъ въ очевидной невозможности разшевелить Россію, не только въ пользу утопіи, но чего бы то ни было. Полное объясненіе иное. Еслибъ люди, о которыхъ я сказалъ, имѣли какой нибудь просторъ дѣйствій, какую либо свободу общественной группировки, они стали бы всѣми силами и сообща противодѣйствовать направленію, пагубному по ихъ убѣжденію, и не колеблясь соединили бы свои усилія съ усиліями правительства. Но прямо они доносить не пойдутъ.

Какъ наглядный образчикъ такихъ отношеній, прошу позволенія привести недавній, извѣстный мнѣ случай. Къ одному изъ первыхъ нашихъ писателей явился молодой человѣкъ и разсказалъ, что недавно еще онъ былъ ярымъ нигилистомъ, членомъ тайныхъ ложъ; но прочитавъ разоблаченія

этого писателя и свѣривъ ихъ съ собственнымъ опытомъ, пришелъ къ убѣжденію что нашъ нигилизмъ есть дѣло напускное, иноземное, направленное внѣшними и внутренними врагами исключительно къ ослабленію Россіи; что узнавъ это разъ, онъ не можетъ оставаться безучастнымъ къ подобному явленію; убѣдившись же, какъ бывшій заговорщикъ, въ недостаточности правительственныхъ средствъ для искорененія зла, предлагаетъ учредить общество, которое разоблачило и убило бы шайку нигилистовъ въ глазахъ Россіи. Что отвѣчалъ писатель? Онъ выразилъ конечно полное сочувствіе видамъ обращеннаго нигилиста, но отъ образованія всякаго общества отказался по увѣренности, что членовъ охранительнаго общества, соединившихся по собственному почину, потребуютъ къ отвѣту за недозволенныя сборища и неразрѣшенную пропаганду, а въ случаѣ утвержденія плана ихъ властями они станутъ во всѣхъ глазахъ чѣмъ то въ родѣ полицейскихъ агентовъ и утратятъ всякое значеніе. Молодой человѣкъ, готовый пойти на борьбу со зломъ какъ гражданинъ, не хотѣлъ стать доносчикомъ. Такихъ много. Этотъ одиночный случай рисуетъ ярко и вѣрно причину бездѣйствія лучшей, сознательной, а потому сильнѣйшей части нашего общества передъ всякимъ внутреннимъ зломъ.

Отношеніе къ этому явленію второй, болѣе многочисленной части верхняго русскаго слоя, части, которую можно назвать культурною толпою, иное. Половина эта имѣетъ очень смутное понятіе объ ученіи нигилизма, считаетъ также успѣхъ его невозможнымъ, а потому не опасается послѣдствій; на личность же нигилистовъ въ большинствѣ смотрѣла до послѣднихъ событій снисходительно, видя въ нихъ не болѣе какъ протестъ своего рода противъ гнетущаго произвола бюрократіи, въ которомъ, по ея наглядному сужденію, заключается весь нашъ государственный строй. Каждый изъ насъ много разъ слышалъ такое сужденіе. Замѣчательно, что оно высказывается всего чаще чиновниками же, умѣ-

ющими какъ то искренно совмѣстить въ себѣ вѣру въ спасительность канцелярскаго управленія съ глубокимъ недовольствомъ его послѣдствіями.

Долженъ высказать по этому поводу несомнѣнную истину, бросающуюся въ глаза всякому, даже не наблюдательному человѣку. Чувство громаднаго большинства нынѣ живущихъ русскихъ людей культурнаго слоя распадается, можно сказать, на двое: съ одной стороны историческая, прочная вѣра въ личную верховную власть; съ другой стороны глубокое недовольство и полное недовѣріе ко всему правительственному строю сверху до низу. Подобное недовольство—явленіе весьма извѣстное въ исторіи; оно наступаетъ неизбѣжно къ той порѣ, когда стародавнія формы государственнаго склада ветшаютъ и требуютъ обновленія, когда никто и ничто не чувствуетъ себя на мѣстѣ и не находитъ вокругъ себя достаточнаго простора для осуществленія назрѣвшихъ потребностей; особенно же когда изъ стараго порядка вырвана уже душа и остались однѣ формы. Большинство не умѣетъ назвать существенныхъ причинъ своего недовольства, высказываетъ только мелочи, какъ оно не умѣло бы опредѣлить причинъ тягостнаго вліянія испорченнаго воздуха на свое дыханіе, хотя бы ясно его чувствовало; но такое поголовное недовольство не подлежитъ у насъ сомнѣнію.

Должно сказать что недовольство усиливается еще особой, самой законной причиной: общей тревогой русскихъ родителей, отдающихъ дѣтей въ школу какъ на ставку азартной игры, въ которой на однаго выигрывающаго двое и трое, если не больше, губятся или нравственнымъ совращеніемъ, или выкидываніемъ вонъ съ «волчьимъ паспортомъ» какъ у насъ называютъ.

Изъ приведенныхъ и многихъ другихъ причинъ складывается общее настроеніе, которое нельзя назвать иначе какъ повсемѣстнымъ недовольствомъ современнаго русскаго человѣка формами своей обстановки.

Очевидно что такое общественное настроеніе, выражаю-

щееся обдуманнымъ безучастіемъ образованнаго слоя ко всякому злу, по невозможности самостоятельнаго противодѣйствія ему, и снисходительнымъ отношеніемъ значительной части слоя полу-образованнаго къ преступнымъ личностямъ, въ которыхъ она видитъ не болѣе какъ протестъ противъ положенія дѣлъ, смутно возбуждающаго ея неудовольствіе, что подобное настроеніе совершенно исключаетъ всякое общественное содѣйствіе въ борьбѣ съ появившимся зломъ. Противъ него остаются только административныя средства, не вполнѣ достаточныя даже во внѣшнемъ, полицейскомъ отношеніи, и совершенно безсильныя въ отношеніи нравственномъ.

Такимъ образомъ въ русской общественной жизни образовалось, можно сказать, пустое мѣсто, до котораго не досягаетъ въ должной мѣрѣ ни одна изъ государственныхъ силъ. Въ этомъ пустомъ мѣстѣ могло завестись безнаказанно что угодно, а по повѣтрію времени завелся нигилизмъ. Какъ заговоръ, нигилизмъ слишкомъ распространенъ, чтобы полиція могла вполнѣ и скоро съ нимъ справиться; не такъ легко выловить изъ общественныхъ подполій нѣсколько тысячъ безъименныхъ заговорщиковъ, какъ задержать нѣсколько сотъ извѣстныхъ лицъ, участвовавшихъ въ свѣтскомъ заговорѣ 14-го декабря 1825 года. Но какъ политическая партія, эти нѣсколько тысячъ бездомныхъ людей ничтожны и всякое общество, въ которомъ для подобнаго явленія не находится достаточныхъ соціальныхъ поводовъ, какъ у насъ, отвергающее его сверху и снизу, какъ у насъ—живо вымело бы съ помощію правительства этотъ соръ изъ избы; только у насъ нѣтъ и при нынѣшнихъ государственныхъ формахъ не можетъ быть пекущагося о себѣ общества.

Употребленное выраженіе «пустое мѣсто» не аллегорія; это пустое мѣсто дѣйствительно образовалось въ нашемъ государственномъ складѣ. Пока старая администрація имѣла дѣло съ Россіей обращенной въ страдательный матеріялъ, съ Россіей, усыпленной на полтора слишкомъ вѣка воспи-

тательной системой и сторожимой сборнымъ интересомъ помѣстнаго дворянства, бюрократія могла проводить свои мѣры до почвы, по крайней мѣрѣ механически; но съ 19-го февраля 1861 года, при первомъ признакѣ жизни со стороны управляемыхъ, она спуталась и раздѣлилась въ самой себѣ; въ виду новыхъ явленій у нея не оказалось ни правильнаго пониманія ихъ, ни большаго рвенія руководить ими въ правительственномъ духѣ, ни годныхъ орудій для содѣйствія или противодѣйствія чему нибудь. Между правительствомъ, какъ орудіемъ власти, и обществомъ, соприкасающимися съ тѣхъ поръ лишь наружно, положительно образовалась пустота, дающая просторъ всякому противозаконному явленію.

Пустотой этой воспользовалось западно-революціонное движеніе, такъ какъ покуда ничего самороднаго русскаго, ни въ хорошемъ, ни въ дурномъ смыслѣ, не оказалось для ея наполненія. Послѣднему неоткуда было взяться. Почти уже два вѣка тому назадъ внутренняя работа русскаго общества надъ собою была остановлена и замѣнена заносными, часто передѣлываемыми, чисто теоретическими формами. Все вниманіе правительства сосредоточивалось въ это время на личномъ образованіи русскихъ людей на западный ладъ; вмѣстѣ съ тѣмъ орудіе его, бюрократія, стала относиться къ управляемымъ можно сказать педагогически, какъ относятся наставники къ несовершеннолѣтнимъ. Понятно что при такихъ условіяхъ въ русской землѣ исчезли и не могли завязаться вновь единомышленные кружки, сборныя мнѣнія и даже интересы; общество разсыпалось. Одиночное же лицо, безъ связи съ другими, безсильно для дѣйствія, оно отвыкаетъ стоять дружно даже за личную пользу, какъ мы видимъ ежедневно на примѣрахъ нашихъ акціонерныхъ компаній; какъ же ему стоять за пользы правительства и общества? Разъединенные люди по неволѣ впустятъ въ свою среду всякую, даже ничтожную группу людей, обладающую сборною силою; такимъ образомъ они впустили въ Россію нигилизмъ. Проповѣдь его пришла и непремѣнно должна

была придти къ намъ съ запада какъ ученіе, вмѣстѣ со всякимъ другимъ ученіемъ, также какъ контрабанда приходитъ рядомъ съ очищеннымъ пошлиною товаромъ. Что за дѣло до того, что оно не было вызвано никакою внутреннею потребностію? Въ соціализмѣ выражается такой же естѣственный плодъ западной мысли и жизни какъ все прочее, а насъ учили преклоняться передъ всѣмъ европейскимъ. Другой вопросъ, какимъ образомъ нигилизмъ успѣлъ у насъ привиться, если бы отвѣтомъ не служила наша несвязность; онъ воззвалъ исключительно къ безпочвеннымъ людямъ, какіе есть вездѣ, и положилъ зародышъ мелкой, но сплоченной группѣ людей въ разъединенномъ обществѣ. Не опасаясь скораго отпора со стороны бездѣйственной массы, онъ легко могъ укрыться на время отъ такой полиціи какъ наша, а затѣмъ русская учебная система дала ему рекрутъ въ изобиліи.

Должно сказать: система эта, какъ многія наши учрежденія, истекла не изъ внутреннихъ потребностей, а изъ отжившихъ понятій воспитательной эпохи, считавшей первою обязанностію (когда то правильно) прививать наибольшему числу русскихъ людей высшее епропейское образованіе для самаго образованія, не справляясь съ тѣмъ, что имъ дѣйствительно нужно и полезно, не только по нашимъ, но даже по общимъ современнымъ условіямъ. На западѣ между народными школами для низшаго слоя населенія и классическими для высшаго устроенъ во всѣхъ городахъ и городкахъ цѣлый рядъ практическихъ училищъ, въ которыхъ каждое сословіе и каждая профессія находятъ потребное для себя знаніе; вслѣдствіе чего, за исключеніемъ выдающихся способностей или счастливаго случая, громадное большинство людей не выходитъ изъ наслѣдственной среды, что одинаково удобно и для нихъ самихъ, и для развитія народной производительности. У насъ же, гдѣ петровскій переворотъ и безъ того раздвоилъ русскій народъ на два рѣзко противуположные пласта — объевропеившійся (бывшій до послѣдняго

времени исключительно казеннымъ) и материковый, между которыми нѣтъ почти соприкосновенія по недостатку промежуточныхъ звеньевъ; гдѣ вслѣдствіе того человѣку низшихъ слоевъ почти не открывается иного способа выдвинуться, кромѣ того чтобы выйти въ господа, т. е. попасть на казенное жалованье; гдѣ нельзя устроить вдали отъ промышленныхъ центровъ небольшаго завода, ни воспользоваться въ деревнѣ сельско-хозяйственной машиной по неимѣнію мастеровъ для исправленія испорченнаго механизма; гдѣ промышленная предпріимчивость находится въ полномъ застоѣ, вслѣдствіе необходимости выписывать каждаго техника изъ за границы, тамъ именно система народнаго образованія старается не исправить, а увѣковѣчить эту бѣду. За немногими исключеніями въ Россіи существуютъ однѣ общеобразовательныя заведенія. Въ Европѣ онѣ воспитываютъ людей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, у насъ же исключительно кандидатовъ въ чиновники. Когда сынъ русскаго дьячька или мѣщанина хочетъ чему нибудь учиться, онъ можетъ выучиться только искусству надѣть вицмундиръ, стать чиновникомъ или учителемъ; иного въ Россіи внѣ столицъ не преподается. Вмѣстѣ съ тѣмъ этому мѣщанскому сыну, лишенному предварительнаго домашняго развитія, чрезвычайно трудно слѣдить за курсами, установленными для дѣтей образованныхъ сословій, отчего большая часть отстаетъ на полу-пути. Наше общеобразовательное учебное устройство не даетъ готовыхъ дѣятелей для различныхъ слоевъ населенія, его готовый плодъ есть студентъ, окончившій университетскій курсъ; оно пригодно, слѣдовательно, лишь для того обезпеченнаго общественнаго слоя, дѣти котораго могутъ отдавать четверть человѣческаго вѣка на предварительное образованіе, не заботясь о средствахъ жизни. Но какъ внѣ этой учебной системы нѣтъ ничего, то при нынѣшнемъ повальномъ стремленіи къ диплому и его правамъ, по ней тянутся всѣ, имущіе и неимущіе. Каковы же послѣдствія? Исчислено, что изъ тысячи русскихъ сту-

дентовъ шестьсотъ не кончаютъ курса; въ гимназіяхъ пропорція отпадающихъ еще большая. Низшихъ и среднихъ техническихъ школъ, съ болѣе доступнымъ курсомъ, которыя могли бы подбирать неудавшихся классиковъ, въ областяхъ почти вовсе нѣтъ, такъ что выпадающіе падаютъ прямо на улицу. Изъ этой массы бѣдняковъ, вышедшихъ изъ своего званія и не попавшихъ въ иное, не знающихъ никакого занятія для снисканія хлѣба, не трудно набрать охотниковъ въ ряды какого бы то ни было тайнаго союза, дающаго имъ точку опоры.

Въ началѣ нынѣшняго царствованія въ Россіи пробудилось сильное стремленіе къ ученію, увѣнчавшее почти двухъвѣковыя усилія преемниковъ Петра великаго. Масса дѣтей самыхъ бѣдныхъ сословій хлынула въ школы. Еслибъ этимъ пробужденіемъ воспользовались для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей народа, крайне бѣднаго всякимъ производительнымъ знаніемъ, оно дало бы богатѣйшую жатву, тьму людей, прирощающихъ силы государства во всѣхъ отношеніяхъ, сытыхъ, довольныхъ и спокойныхъ; но его пустили по старой колеѣ, подготовляющей исключительно чиновниковъ. Путь оказался слишкомъ тернистымъ для большинства, чаемая чаша также оказалась переполненной, и всякій школьникъ новаго наплыва, отставшій отъ своего берега и не приставшій къ чужому, сталъ годенъ только въ рекруты нигилизма. Нельзя не замѣтить при этомъ, что достигающіе цѣли, т. е. какого нибудь жалованья или иного пріюта на житейскомъ полѣ, почти всѣ замѣняютъ прежніе утопическіе идеалы самыми будничными стремленіями; можно поэтому сказать съ увѣренностію, что не утопія, а голодъ и необходимость чьей либо поддержки влекутъ въ тайныя общества девять изъ десяти неудавшихся искателей казеннаго жалованья. У насъ возражаютъ иногда противъ этого, бросающагося въ глаза, вывода такими аргументами, что многіе магистры агрономіи и технологіи не находятъ занятій, а сосланные политическіе преступники отказываются отъ

ручной работы, заявляя желаніе жить литературнымъ трудомъ. Разсуждающіе такимъ образомъ не отдаютъ себѣ отчета, кажется, въ той наглядной истинѣ, что магистры обыкновенно учатъ или надзираютъ, а не работаютъ сами, и что въ странѣ, гдѣ трудно отыскать мастероваго для починки зубчатаго колеса, не находится естественно большихъ занятій и для магистровъ технологіи; что человѣкъ, готовившійся всю молодость въ чиновники, не прокормится неизвѣстной и непривычной ему ручной работой.

Сводя вмѣстѣ вышеизложенные несомнѣнные факты оказывается:

1) Никакая, даже наилучше устроенная администрація, не могла бы собственными силами истребить въ корнѣ злой умыселъ, успѣвшій уже обратиться изъ заговора въ секту; тѣмъ менѣе способна на это русская администрація, представляющая собой не администрацію въ европейскомъ смыслѣ слова, а какое то поголовное административное ополченіе, лишенное внутренняго единства и связанное съ правительствомъ довольно слабо, во всякомъ случаѣ не органически.

2) Русское общество не имѣетъ покуда ни права, ни возможности дѣйствовать связно, почему при нынѣшнихъ порядкахъ нельзя разсчитывать на помощь съ его стороны. Сознательная вѣрность правительству народа и громаднаго большинства образованнаго слоя, эта неизмѣримая нравственная сила, остается такимъ образомъ безплоднымъ личнымъ чувствомъ, ни сколько не пособляющимъ власти въ борьбѣ со зломъ.

3) Зло притаилось можно сказать въ нравственныхъ пустотахъ нашего государственнаго строя, на которыя неорганизованное русское общество не въ состояніи воздѣйствовать и въ которыя администрація, со своими механическими средствами, не въ состояніи проникнуть; такъ что усиліе направляется покуда, и то не вполнѣ успѣшно, только противъ личности нигилистовъ; нигилизмъ же какъ ученіе остается безъ всякаго противодѣйствія.

4) Укрывшись относительно безопасно въ подпольяхъ общества, русское революціонное движеніе успѣло разрости, набирая въ свои ряды безпочвенныхъ, оторвавшихся отъ всякаго сословія людей, тѣхъ же самыхъ людей, изъ которыхъ набиралось въ старину казачество украинъ. Если нигилизмъ и пріобрѣлъ нѣсколькихъ покровителей въ высшихъ сословіяхъ, то значеніе его заключается никакъ не въ этихъ личностяхъ, а въ его бездомной толпѣ.

5) Толпу эту ему поставляетъ почти исключительно казенная школа, увѣковѣчивающая преданія воспитательнаго періода при условіяхъ, вовсе къ нему не подходящихъ.

6) Хотя послѣднія событія сильно потрясли безучастіе, столь долго оказываемое обществомъ къ появившемуся злу, но безучастіе это принесло уже свои плоды, давъ возможность враждебной шайкѣ устроиться на русской землѣ и примѣниться къ ея условіямъ, такъ что она теперь можетъ пополняться многочисленными общественными выкидышами, даже помимо снисхожденія несвязной окружающей среды.

Заключеніе ясно. Революціонное движеніе не нашло въ Россіи почвы въ смыслѣ общественныхъ условій, но нашло достаточно обильный личный матеріалъ. Трудно доступное въ своихъ подпольяхъ для преслѣдованія полицейскаго, и не опасаясь окружающихъ людей, какъ гражданъ, это революціонное движеніе, не искорененное во время, грозитъ стать для современной Россіи нравственно тѣмъ же, чѣмъ была вещественно запорожская Сѣчь для старой Польши: прибѣжищемъ всѣхъ отчаянныхъ людей, не находящихъ себѣ мѣста въ общественномъ строѣ. Подземная крамола не въ силахъ конечно поколебать русскій государственный порядокъ, какъ видимая Сѣчь не разрушила польскаго, но можетъ затормозить дальнѣйшее его развитіе и тѣмъ самымъ довести до какой нибудь катастрофы.

Ясно также что нигилизмъ составляетъ не сущность, а лишь форму нашей язвы. Въ промежуткѣ времени, какое мы переживаемъ, между разрушеніемъ крѣпостнаго госу-

дарственнаго склада и полнымъ окончаніемъ новаго, общество естественно является не осѣвшимся, въ немъ появилось громадное число людей выбитыхъ изъ привычной колеи или вызванныхъ изъ толпы новыми потребностями, къ которымъ они не успѣли еще приготовиться и примѣниться. Имъ нужно жить. Соціализмъ есть ни что иное какъ случайное знамя этихъ людей, какъ современный ярлыкъ бродящихъ общественныхъ осадковъ, укрывшихся въ трещинахъ и пустотахъ нашего государственнаго зданія; онъ есть буквально особый видъ казачества второй половины XIX вѣка, явленіе, проходящее чрезъ всю русскую исторію, но съ соотвѣтствующимъ времени ярлыкомъ. Завтра имя этого осадка легко замѣнится инымъ, но главное дѣло все таки будетъ не въ осадкѣ, а въ трещинѣ, дающей ему пріютъ. Наша администрація безъ общества уподобляется молоту безъ наковальни, который не раздробляетъ злыхъ сѣмянъ, а только глубже вгоняетъ ихъ въ почву. Можно думать что соціализмъ, составляя явленіе заносное, чуждое русской жизни, все же безопаснѣе всякаго самороднаго противугосударственнаго произведенія собственной почвы, которое успѣло бы пріютиться въ нашихъ нравственныхъ пустыряхъ, за что нельзя ручаться въ будущемъ. Русскій простой народъ не увлечется западными теоріями, но у него есть свои мечтанія, которыми руководители, менѣе грубые чѣмъ нынѣшніе заговорщики, съумѣли бы, чего добраго, воспользоваться. Кромѣ того что таже революціонная секта можетъ снова разрости изъ нѣсколькихъ не подобранныхъ сѣмянъ, но еслибъ удалось даже раздавить ее безъ остатка механическими мѣрами (что довольно сомнительно) оставляя по прежнему между правительствомъ и обществомъ пустое поле для посѣва будущихъ доморощенныхъ плевелъ, то такой успѣхъ принесъ бы по всей вѣроятности облегченіе весьма кратковременное. Въ дурныхъ явленіяхъ никогда не оказывается недостатка если есть для нихъ просторъ.

Административныя мѣры заставятъ зло притаиться, но

вырвать его съ корнемъ можетъ только довершеніе великаго преобразованія, начатаго въ 1861 году. Послѣ полицейскихъ мѣръ Россія ждетъ законодательныхъ. Нынѣшнее царствованіе безповоротно положило начало новому періоду русской исторіи, замѣняющему петровскій воспитательный періодъ, но по общему закону переходныхъ эпохъ продолжаетъ дѣйствовать посредствомъ прежнихъ заржавленныхъ орудій, не проникающихъ уже вглубь иной, имъ же вызванной жизни. Идеалъ новаго періода очевиденъ всѣмъ: органическое развитіе общества и органическое единеніе его съ правительствомъ и народомъ, вмѣсто управленія механическаго. Но подъ вновь вызванною жизнію, становящеюся уже дѣйствительностію въ своемъ духѣ, только пока безформенною, нѣтъ еще законно опредѣленныхъ основъ, вслѣдствіе чего общество не владѣетъ своими членами, также какъ у власти нѣтъ орудій для прямаго соприкосновенія съ нимъ.

Такъ какъ въ нигилизмѣ выражается не болѣзнь наша, а только ея признакъ, то считаю себя обязаннымъ высказать убѣжденіе тысячъ и тысячъ людей на счетъ того, чѣмъ мы дѣйствительно больны.

III ПИСЬМО.

Не подлежитъ сомнѣнію что историческое развитіе, выразившееся у каждаго европейскаго народа разнообразными формами общественнаго устройства, поглощено въ Россіи единственною и исключительною формою — развитіемъ бюрократической опеки до крайняго предѣла, т. е. механическимъ отношеніемъ правительства къ текущей народной жизни и на оборотъ. Духъ русскаго народа и вѣра его въ верховную власть составляютъ наше нравственное наслѣдство, исходящее изъ совсѣмъ другихъ источниковъ, а потому ничего не предрѣшающее при обсужденіи современнаго удобства такого порядка; напротивъ, вѣра эта ясно указываетъ на возможность инаго. Тамъ, гдѣ народъ вѣритъ въ свою верховную власть, незыблемость ея и свобода дѣйствій не обусловливаются никакою исключительною формою.

Бюрократическій порядокъ управленія, дѣйствующій безраздѣльно, необходимо становится чисто механическимъ. Истина эта неоспорима. Одинъ изъ нашихъ сановниковъ говорилъ мнѣ: «На насъ, министровъ, возлагаютъ отвѣтственность за все происходящее въ Россіи, хотя въ сущности мы невиннѣе младенцевъ, избитыхъ Иродомъ. Мой идеалъ заключается въ томъ, чтобы когда нибудь управленіе дѣлами сосредоточилось хотя въ рукахъ директоровъ департаментовъ, все же это будетъ шагомъ впередъ; пока оно не восходитъ выше начальниковъ отдѣленій.» Иначе не

можетъ и быть. При формальномъ дѣлопроизводствѣ, учреждающемъ десять инстанцій для провѣрки одной другою, хозяиномъ дѣла всегда остается тотъ, кто подводитъ формальности. Съ одной стороны нельзя требовать чтобы всѣ начальники отдѣленій обладали способностями государственныхъ людей и единодушно стремились къ общей цѣли, не производя по своему множеству большой путаницы въ дѣлахъ; въ этомъ отношеніи маркизъ Сольсбери былъ правъ въ своей извѣстной рѣчи, утверждая что въ Россіи нѣтъ единства цѣлей не только между министерствами, но даже между департаментами одного и того же министерства. Съ другой стороны, не смотря на разноголосицу мнѣній и дѣйствій каждой канцелярской ячейки, каждаго отдѣленія, всѣ онѣ проникнуты тѣмъ же самымъ кастовымъ духомъ, духомъ порабощенія всего сущаго, особенно же подающаго признаки жизни, своей опекѣ, всегда подчиняющей духъ формѣ. Вслѣдствіе того, какія преобразованія ни задумывало бы высшее правительство, такъ какъ дальнѣйшее руководство новыми учрежденіями сосредоточивается все таки не въ рукахъ живыхъ лицъ, а въ канцеляріяхъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ отъ первоначальной мысли законодателя остается одна шелуха, наполненная формальностію, во всѣхъ нововведеніяхъ скоро оказывается, можно сказать, одинъ и тотъ же вкусъ — бюрократическій. Нельзя не сказать: при нынѣшнемъ русскомъ устройствѣ правительство можетъ ставить только новые заголовки надъ отправленіями общественной жизни, но не можетъ измѣнить ихъ чисто механическаго свойства.

Несомнѣнно то, что во всемъ объемѣ русской послѣпетровской жизни нельзя отыскать ни одной стороны, которая не была бы подведена подъ бюрократическую мѣрку, не уложена въ ящикъ, препятствующій естественному росту, покуда ящикъ цѣлъ. Слава Богу, у насъ до сихъ поръ ящиковъ не ломаютъ, но въ нихъ задыхаются — это вѣрно. Какой можетъ быть при такихъ условіяхъ подъемъ прав-

ственныхъ силъ народа, источника всего его внѣшняго могущества и всей его внутренней жизненности.

Но кромѣ того русская владычествующая бюрократія, имѣвшая когда то значеніе орудія власти для перевоспитанія народа, а нынѣ служащая только къ подавленію народнаго роста, не можетъ устоять долго сама по себѣ, независимо даже отъ ея несвоевременности. Она неизбѣжно приведетъ государство къ банкротству.

Вотъ факты.

«Введеніе новыхъ судебныхъ и общественныхъ учрежденій, отнявшее у существовавшихъ мѣстныхъ органовъ большую и самую существенную часть ихъ дѣятельности, нисколько не повліяло на уменьшеніе расходовъ на ихъ содержаніе; напротивъ, расходы эти почти удвоились, а содержаніе новыхъ учрежденій (только въ 32-хъ губерніяхъ) легло на народъ бременемъ въ 30 новыхъ милліоновъ»*).

Напримѣръ, бюджетъ разныхъ вѣдомствъ (привожу лишь нѣкоторыя) поднялся со времени послѣднихъ преобразованій, по стоимости старыхъ учрежденій, не считая новыхъ:

Бюджетъ министерства государственныхъ имуществъ, утратившаго главное свое значеніе со дня выхода изъ подъ его вѣденія казенныхъ крестьянъ и упраздненія особой для нихъ администраціи:

съ 9,337,000 (1865 годъ) на 11,060,000 руб.

Стоимость эта показана безъ горнаго вѣдомства, бюджетъ котораго поглощаетъ 6,364,000 изъ 6,474,000 руб. приносимыхъ казенными заводами, такъ что доходъ съ этой части, стоившей государству неимовѣрныхъ затратъ, ограничивается 110-ю тысячами рублей, между тѣмъ какъ горные заводы въ частныхъ рукахъ дали бы казнѣ значительную аренду безъ всякой траты съ ея стороны.

Бюджетъ губернскихъ правленій, передавшихъ земству попеченіе о народномъ хозяйствѣ, а судамъ многія изъ

*) Разборъ государственной росписи Думашевскаго.

прежнихъ своихъ правъ и избавленныхъ вслѣдствіе того отъ половины бывшихъ занятій:

съ 1,394,000 (1864 годъ) на 2,862,000 руб.

Акцизныя учрежденія, созданныя вновь рядомъ со старыми казенными палатами, завѣдывавшими до того питейнымъ сборомъ безъ всякаго затрудненія и остающимися приблизительно въ прежнемъ составѣ:

съ 0 на 1,834,000 руб.

Полиція съ 4,000,000 (1864 года) на $10^1/_2$ милліоновъ слишкомъ считая земскихъ урядниковъ. Усиленіе расходовъ на полицію могло бы считаться не безплоднымъ, если бы оно её видимо улучшило, чего нѣтъ.

Здѣсь приведены лишь нѣкоторыя, особенно бросающіяся въ глаза данныя, но вся государственная роспись представляетъ рядъ такихъ данныхъ болѣе или менѣе крупныхъ.

Вслѣдствіе того стоимость однѣхъ центральныхъ учрежденій возросла до 19,292,000 (во Франціи 6,000,000 руб., въ Пруссіи 2,259,000 руб.). Въ томъ числѣ главное управленіе министерствомъ финансовъ 6,667,000 (во Франціи 2,000,000 въ Пруссіи 960,000 рублей).

Наградныя деньги чиновникамъ центральныхъ управленій, не говоря о прочихъ, и воспитаніе ихъ дѣтей (статьи расхода неизвѣстныя въ остальномъ свѣтѣ) простираются ежегодно до 7,650,000 руб.

Разсчитано что кромѣ помѣщенія, дѣйствительно нужнаго всѣмъ учрежденіямъ занимающимъ нынѣ казенные дома, этихъ домовъ остается еще на сумму свыше 200 милліоновъ рублей, не приносящихъ ни копѣйки дохода и требующихъ большаго расхода на ремонтъ.

Исчислено что упраздненіе учрежденій и должностей, *явно* утратившихъ значеніе послѣ совершенныхъ съ 1861 года преобразованій, сняло бы съ гражданской половины нашего бюджета около 26 милліоновъ.

Возвышеніе расходовъ на администрацію официально приписываютъ общему вздорожанію жизненныхъ потребностей.

Но вопросъ не въ томъ, почему тотъ же чиновникъ получаетъ нынѣ болѣе чѣмъ въ 1864-мъ году, а въ томъ, почему осталось и еще возросло число чиновниковъ послѣ убавленія на половину ихъ прежнихъ обязанностей?

Западные финансисты никакъ не могутъ понять того явленія, что при русскихъ преобразованіяхъ не происходитъ никакого перемѣщенія государственныхъ расходовъ, а только прирощеніе ихъ; что послѣ преобразованій денежные отпуски на всѣ существовавшія до того учрежденія не только остаются безъ перемѣны, но къ нимъ прибавляются новыя — что противорѣчитъ самому слову «преобразованіе».

Когда была учреждена послѣдняя коммисія для сокращенія расходовъ, во всей Россіи не нашлось одной души (можно сказать съ убѣжденіемъ: даже между чинами коммиссіи) повѣрившей въ сокращеніе чего нибудь, кромѣ развѣ копѣечныхъ статей. Независимо отъ давняго опыта, такое невѣріе основывается еще на очевидности: можно ли мечтать о серьезномъ убавленіи расходовъ тамъ, гдѣ практическое веденіе дѣлъ находится исключительно въ рукахъ третьестепенныхъ агентовъ, не отвѣтственныхъ за общій исходъ и заинтересованныхъ гораздо болѣе личною, чѣмъ государственною пользою.

Въ канцеляріяхъ нѣтъ лекарства противъ этой болѣзни. Сущность бюрократическаго устройства заключается въ томъ именно, что мелкіе относительно чиновники управляютъ въ дѣйствительности дѣлами и сами рѣшаютъ вопросы о размѣрѣ средствъ, потребныхъ для ихъ вѣдомствъ. Какъ доказать что нужно или не нужно для улучшенія письменнаго управленія такимъ то гражданскимъ вѣдомствомъ, особенно при нашей системѣ, ставящей трехъ и четырехъ чиновниковъ на мѣсто одного европейскаго — отчасти вслѣдствіе крайней сложности нашего дѣлопроизводства, отчасти по заведенному обычаю привлекать весь верхній слой населенія къ государственной службѣ. Вслѣдствіе равнодушія, порождаемаго невозможностію пролить свѣтъ на дѣла этого рода

(какъ то слишкомъ хорошо извѣстно всей Россіи), у насъ давно уже перестали строго взвѣшивать относительную пользу какого либо вновь испрашиваемаго расхода, а тѣмъ менѣе вести очередь необходимымъ тратамъ, и приняли болѣе простой способъ: давать просимыя средства, если въ ту пору министерство финансовъ неособенно стѣснено и по личнымъ отношеніямъ не хочетъ препятствовать; въ противномъ случаѣ—отказывать въ самой вопіющей потребности, хотя бы то вело къ прямому ущербу государственнаго интереса.

Но такимъ образомъ самыя необходимыя преобразованія остаются въ прямой зависимости отъ открытія новыхъ источниковъ дохода. Это явленіе, исключительно намъ свойственное, совершенно понятно: когда преобразованіе не преобразовываетъ стараго, а только дополняетъ его новымъ, то конечно оно становится невозможнымъ безъ предварительнаго приращенія доходовъ. Изъ этого однако слѣдуетъ и доказывается двумя послѣдними вѣками нашей исторіи, что бюрократическое устройство, остающееся господствующимъ, господствуетъ дѣйствительно и не допуститъ новаго на счетъ стараго, что оно фактически поставитъ «veto» законодателю въ его цѣляхъ.

Но даже помимо преобразованій, удвоеніе съ 1864 года стоимости многихъ старыхъ учрежденій, избавленныхъ отъ половины прежнихъ занятій новыми, частью же ставшихъ вовсе не нужными, показываетъ наглядно, надолго ли протянется возможность сохранить устарѣвшіе порядки, хотя бы только съ экономической точки зрѣнія. Если бы даже содержаніе административной старины оставалось въ постоянной нормѣ, то оно все таки поставило бы передъ правительствомъ безвыходную задачу: удовлетворять новымъ потребностямъ государства, выдвигаемымъ исторіей на смѣну прежнихъ, одними излишками въ доходахъ; но какъ стоимость этой старины растетъ съ каждымъ годомъ, то ранѣе или позднѣе верховная власть будетъ приведена необходимостію

къ одному изъ двухъ рѣшеній: или отказаться отъ всякаго движенія впередъ, или же расчистить русское поле для нуждъ настоящаго и будущаго.

Должно присовокупить: если существуетъ возможность разсчитать съ нѣкоторою приблизительностію насколько господство бюрократическаго управленія разворяетъ русское государственное хозяйство, то какъ исчислить чего оно стоитъ хозяйству народному, насколько задерживаетъ его ростъ своею регламентаціей, произвольными рѣшеніями издали и безконечнымъ затягиваніемъ всякой мѣры, необходимость которой давно сознана на мѣстѣ. Можно сказать одно: еслибъ верховной власти угодно было поручить довѣренному лицу (не коммиссіи) собрать отзывъ земскихъ и городскихъ учрежденій и отдѣльныхъ обывателей въ какомъ бы то ни было углу Россіи о послѣдствіяхъ тяготѣющей надъ всѣмъ бюрократической опеки, то въ отзывахъ оказалось бы рѣдкое въ этомъ свѣтѣ единогласіе, съ тѣмъ выводомъ, что при такихъ порядкахъ серьозному человѣку нѣтъ охоты браться за веденіе общественныхъ дѣлъ.

Но на виду стоитъ только ущербъ гласный, а сколько же составляетъ негласный? Не охотно, но обязательно долженъ повторить слова, раздающіяся нынѣ чаще всякихъ другихъ въ русской землѣ и противъ которыхъ не слышно ни единаго возраженія: въ послѣднія два десятилѣтія продажность и незаконные поборы возросли у насъ въ нѣсколько кратъ. Появленіе подобнаго растлѣнія составляетъ постоянный признакъ общественныхъ учрежденій, утратившихъ жизненную силу и вѣру въ себя, и въ то же время подчиненныхъ лишь самимъ себѣ, безъ надзора со стороны. Дѣятели такихъ учрежденій, сознавая вмѣстѣ полную безнаказанность и свое безсиліе для общаго дѣла, начинаютъ безъ зазрѣнія совѣсти обращать данную имъ власть въ пользу личнаго интереса; а какъ язва лихоимства никогда не переводилась въ Россіи, то при такихъ условіяхъ она и разрослась до небывалыхъ размѣровъ, а что всего хуже,

до небывалой беззастѣнчивости. Безобразныя оправданія присяжными казнокрадства и продажности чиновниковъ показываютъ наглядно, что общее мнѣніе не ставитъ ихъ болѣе въ вину личности. Мы пришли къ такому нравственному разложенію роковымъ склономъ. Въ началѣ текущаго столѣтія преобразованія Сперанскаго сняли съ русской администраціи послѣднюю тѣнь контроля принадлежавшаго сенату, общественное мнѣніе не имѣетъ у насъ значенія, дѣла ведутся въ сущности второстепенными агентами, которымъ нѣтъ выгоды уличать другъ друга; наша бюрократія осталась предоставленной самой себѣ, въ виду удесятерившихся денежныхъ оборотовъ, зависящихъ отъ ея разрѣшенія. Многіе ли люди устоятъ противъ подобныхъ искушеній? Тѣмъ не менѣе у русской государственной власти, кромѣ этого малонадежнаго орудія, нѣтъ никакого иного для воздѣйствія на страну; съ такимъ орудіемъ правительству предстоитъ идти на встрѣчу самымъ загадочнымъ вопросамъ будущаго, очевидно надвигающимся на насъ.

IV ПИСЬМО.

До сихъ поръ я ограничивался внѣшнею стороною нашихъ общественныхъ дѣлъ. Надобно теперь высказаться, по мѣрѣ силъ и очевидныхъ фактовъ, о послѣдствіяхъ почти двухвѣковаго вліянія безраздѣльной бюрократической опеки и усыпленія общества—на духовную сторону русской жизни. Нравственная жизнь народовъ выражается всего нагляднѣе въ двухъ проявленіяхъ: въ повседневной печати, т. е. въ отношеніяхъ общественнаго сознанія къ житейскимъ дѣламъ, и въ отечественной церкви, т. е. въ отношеніяхъ этого сознанія къ внутренней сторонѣ человѣческаго духа.

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ нельзя затормозить надолго вліяніе и просторъ печати. Убѣжденіе массъ всегда оказывается всесильнымъ и вездѣ, ранѣе или позже, осуществляетъ свои стремленія; оно послѣдовательно измѣняло въ исторіи духъ законодательства, общества, церкви, всего на свѣтѣ. Нынѣ же органомъ общественныхъ убѣжденій служитъ печать, а вслѣдствіе того значеніе печати равняется числу грамотныхъ людей въ государствѣ; съ распространеніемъ грамотности возрастаетъ и значеніе печатнаго слова. Конечно, полная свобода печати допущена только въ Америкѣ и Англіи, на материкѣ правительства удерживаютъ за собой право ставить предѣлы ея излишеству, на что у насъ есть еще больше причинъ; но на западѣ предѣлы эти не только гораздо шире, а главное, ясно обозначены практикою и всѣмъ извѣстны, чего у насъ нѣтъ.

Русская печать и безъ того находится въ положеніи крайне неправильномъ, не имѣя подъ собой общественной почвы. Въ Европѣ положительно не существуетъ политическаго органа, котораго направленіе зависѣло бы исключительно отъ его редактора; каждое изданіе воспроизводитъ тамъ мнѣнія цѣлой группы людей, большой или малой, дѣйствительно сложившейся въ обществѣ, безъ чего оно не пойдетъ. Давно сказано, что настоящіе редакторы европейскаго журнала, это его подписчики. Изъ такой связи періодической печати съ общественной жизнію, изъ ихъ взаимодѣйствія, истекаютъ вмѣстѣ и обдуманность печатнаго слова, и извѣстная степень его дисциплины. Какъ бы партія ни была малочисленна, она не можетъ впасть въ легкомысліе одиночнаго лица; она взвѣшиваетъ свои интересы и не станетъ рисковать ими изъ за эффекта пустыхъ фразъ. Въ Россіи общественныя группы не могли покуда сложиться, а потому и не отражаются въ печати. Наши журналы выражаютъ не болѣе какъ личныя, рѣдко даже выдержанныя мнѣнія, мимолетныя впечатлѣнія петербургскаго или московскаго дня. При всемъ томъ запросъ на періодическую печать сильно растетъ; а какъ русскіе читатели живутъ въ обществѣ безсвязномъ, не принадлежатъ въ большинствѣ ни къ какой группѣ мнѣнія, выдѣлавшей самостоятельный взглядъ и способной къ отпору, то они чрезвычайно легко поддаются вліянію *своего* журнала. Очевидно что такая печать не можетъ вести систематически читателей и не знаетъ куда ихъ вести, но она можетъ ежедневно растравлять ихъ, что и дѣлаетъ для лучшаго сбыта своего товара.

Въ виду общаго положенія печати наши журналисты, кромѣ единичныхъ исключеній, когда за изданіемъ оказывается нѣкоторое подобіе партіи (какъ было съ славянофилами и одно время съ Московскими Вѣдомостями), не могутъ поступать иначе, еслибъ даже хотѣли. Для кого они пишутъ? Каждый столичный журналъ расходится на двѣ трети и болѣе между городскими покупателями, а потому естест-

венно соображается со вкусами большинства своихъ читателей и занимается больше всего тѣмъ что ихъ интересуетъ. Никакое *дѣло* не выражается до сихъ поръ печатно въ нашихъ областяхъ; оттуда доходятъ въ столичные листки только анекдоты и сплетни. А изъ кого состоитъ преимущественно читающее населеніе столицъ, особенно Петербурга? Изъ чиновниковъ, изъ спекулянтовъ всякаго рода, да изъ людей нашихъ новыхъ либеральныхъ профессій, т. е. фрачной толпы, сильно замѣшанной инородческими элементами окраинъ, въ громадномъ большинствѣ почти совсѣмъ оторвавшейся отъ почвы, чуждой практически всякому мѣстному русскому дѣлу и пробавляющейся разными присочиненными мечтаніями и не провѣренными заголовками идей, о которыхъ я говорилъ въ первомъ письмѣ. Областные подписчики, состоящіе въ значительномъ меньшинствѣ, обращаютъ до сихъ поръ мало вниманія на цвѣтъ журнала, ищутъ главнѣйше обильныхъ новостей, въ отношеніи чего редакторы и стараются ихъ удовлетворить. При такой обстановкѣ редактору русскаго журнала приходится быть самостоятельнымъ политическимъ умомъ, *почерпать все изъ себя*, чтобы вести дѣльный органъ,—можно ли этого требовать? Единственное *дѣло* доступное нашимъ газетамъ, дѣло происходящее на ихъ глазахъ, это интересы и спекуляціи мѣстныхъ денежныхъ круговъ, да рѣшенія городской думы, — объ этихъ предметахъ и газеты наши высказываютъ опредѣленныя, не теоретическія мнѣнія (пристрастныя или нѣтъ, вопросъ не въ томъ). Нѣкоторые журналы, даже изъ нынѣ существующихъ, доросли бы можетъ быть до состоятельныхъ мнѣній и въ обще-русскихъ дѣлахъ, еслибъ наши области жили и заявляли о себѣ. Покуда же подъ русской печатью нѣтъ никакой почвы.

До сихъ поръ наша періодическая печать вращается въ очень тѣсномъ кругѣ читателей, такъ какъ общее число подписчиковъ на политическіе журналы чрезвычайно ограничено; со времени войны подписка на большіе журналы зна-

чительно еще понизилась въ пользу малыхъ, дешевыхъ, занимающихся исключительно сплетнями. Количество людей читающихъ русскіе политическіе журналы едва ли превышаетъ полъ-милліона, считая даже нѣсколько читателей на каждый экземпляръ, что составляетъ $^1/_2{}^0/_0$ населенія имперіи. Съ этой точки зрѣнія многіе, особенно же офиціальные люди, придаютъ нашей печати весьма неважное значеніе. Но кромѣ того что съ наростающимъ поколѣніемъ кругъ читателей долженъ разшириться въ нѣсколько кратъ, въ этомъ полумилліонѣ, для котораго покуда издаются большіе журналы, заключается весь культурный слой страны, изъ него исходятъ всѣ тревоги, озабочивающія правительство не смотря на полное спокойствіе народныхъ массъ; онъ же поставляетъ учителей, и такимъ образомъ упрочиваетъ свои воззрѣнія и пріемы даже въ будущемъ. Нельзя поэтому смотрѣть легко на современную періодическую печать, нельзя съ нею не считаться. Въ близкомъ будущемъ очень многое будетъ зависѣть отъ степени ея зрѣлости.

Думать объ исправленіи нынѣшнихъ недостатковъ печати какъ о дѣлѣ самостоятельномъ, внѣ отношеній ея къ обществу, стремиться къ созданію печати, проникнутой серьезнымъ направленіемъ и нравственной дисциплиной при несвязномъ, лишенномъ чувства круговой отвѣтственности, бездѣйственномъ обществѣ, значило бы искать квадратуру круга. Покуда русское общество не станетъ жить широкою жизнію, русская печать не обратится въ орудіе этой жизни, останется въ большинствѣ калейдоскопомъ взятыхъ на прокатъ модныхъ мнѣній, безпричинныхъ, безцѣльныхъ и крайнихъ какъ всякая мода. Для воздѣйствія на печать правительство располагаетъ въ текущее время только внѣшними, бюрократическими мѣрами. Какова дѣйствительность этихъ мѣръ показываютъ слѣдующіе факты.

Броженіе заносныхъ революціонныхъ идей, изъ которыхъ выросъ нигилизмъ, возникло въ самомъ началѣ царствованія подъ впечатлѣніемъ неудачной войны. Отъ него до сихъ

поръ осталось въ нашей печати достаточно отголосковъ, но этихъ отголосковъ, пробивающихся въ самыхъ ничтожныхъ журналахъ, нельзя поставить даже въ сравненіе съ яростною проповѣдію разрушительныхъ началъ, проводимою около 1860 года главными нашими редакціями заодно съ вольною заграничною печатью. Съ тѣхъ поръ привлекательность новизны изсякла; житейскій опытъ взялъ свое, и гласную часть нынѣшней печати, освобожденную отъ предварительнаго надзора, можно назвать только недисциплинированной, части не по разуму заносчивой, но никакъ не революціонной. Начальная же проповѣдь нигилизма, причина зла, появилась подъ полнымъ владычествомъ цензуры. Наши цензоры вычеркивали слова, но оставляли мысли. Даже нынѣ изданія съ положительно вреднымъ оттѣнкомъ упорно остаются подъ цензурою, не смотря на многократныя предложенія выйти изъ подъ нея. Подъ покровомъ цензуры онѣ прячутъ возмутительный смыслъ статьи за ея буквой и ничѣмъ не рискуютъ. Это прятанье за цензуру показываетъ наглядно мѣру состоятельности полной канцелярской опеки надъ печатью.

Но тѣ же самыя послѣдствія, въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, истекаютъ изъ произвольной полу-карательной опеки главнаго управленія по дѣламъ печати въ нынѣшнемъ ея видѣ. Безъ особаго покровительства очень сильнаго лица въ русской періодической печати нельзя проводить связныхъ политическихъ воззрѣній. Между многими примѣрами, многолѣтнее преслѣдованіе такъ называемыхъ славянофиловъ достаточно подтверждаетъ сказанное. Каково бы ни было мнѣніе о теоріи славянофиловъ (побѣдившей надо сказать, многіе крупные предразсудки нашего западнаго воспитанія) нельзя не отдать имъ той справедливости, что эти люди положили завязку первому единомысленному кружку въ безсвязномъ русскомъ обществѣ, кружку проникнутому по своей руководящей мысли безграничною преданностію всѣмъ коренпымъ русскимъ началамъ. Недавнія событія

показали насколько мнѣнія этого кружка могутъ проникать вглубь народныхъ массъ. На пустомъ полѣ русскаго общества появились до сихъ поръ, съ противуположныхъ концовъ, только два зачатка нѣкоторой организаціи—славянофильскій и нигилистскій. Кажется, нельзя было сомнѣваться ни въ томъ, какой изъ этихъ кружковъ долженъ быть милѣе правительству, ни въ выгодѣ открыть русской молодежи широкій доступъ къ первому, хотябы для того чтобъ отвлечь её отъ втораго. На дѣлѣ оказалось обратное. Ни одно изъ изданій славянофиловъ не могло просуществовать далѣе нѣсколькихъ нумеровъ, свои книги они были вынуждены печатать за границей, между тѣмъ какъ нигилистская и полунигилистская печать пользовалась, да и теперь пользуется, весьма широкимъ снисхожденіемъ, подъ единственнымъ условіемъ—не называть предметовъ ихъ собственнымъ именемъ, что вовсе и не нужно для яснаго уразумѣнія написаннаго. Напрасно объяснять это явленіе иностранцамъ, ни одна иностранная голова не вмѣщаетъ въ себѣ такой логики. Для насъ же, русскихъ, она совершенно понятна: нигилисты просто вредны, славянофилы же бывали часто непріятны. Покуда нигилисты не обнаружили себя дѣйствіемъ, какое высокопоставленное лицо задавалось заботою о растлѣніи ими какихъ нибудь семинаристовъ, да и кто слѣдилъ за ихъ полуграмотными писаніями? Славянофилы же люди свѣтскіе, равные всякому, отличные писатели, каждое слово ихъ ложилось вѣско. Этого достаточно. Иныхъ отношеній у бюрократіи нѣтъ ни къ чему, нѣтъ стало быть и къ печати.

Можно было бы привести много случаевъ, въ которыхъ управленіе по дѣламъ печати, и отъ своего лица, и по указаніямъ III-го отдѣленія, тѣснило самыхъ благонамѣренныхъ писателей и редакторовъ, мирволя очень вреднымъ. Добросовѣстность лицъ, поставленныхъ во главѣ управленій, вліяющихъ на печать, несомнѣнна; но несомнѣнно и то, что лица эти столь же не властны противъ своей бюрократической обстановки какъ и въ другихъ вѣдомствахъ. Если вообще

правительство далеко не всегда можетъ проводить чрезъ современную бюрократію свои виды въ ихъ подлинномъ духѣ, если оно не въ состояніи узнавать вѣрныхъ людей и недоброжелателей въ государственной службѣ, то оно не можетъ этого и по дѣламъ печати.

Послѣдствія выходятъ очень печальныя. Ихъ два. Первое: въ русской печати установился совсѣмъ особенный, нечестный способъ писанія, состоящій въ томъ, чтобы сказать все желаемое въ полъ-слова, понятное читателю и избавляющее отъ необходимости доказывать свою мысль, изъ опасенія, будто бы, слишкомъ явно ее обнаружить. Очевидно что умѣнье такъ писать есть фокусничество и требуетъ людей способныхъ быть фокусниками, людей безъ убѣжденія, размышленія и добросовѣстности. У насъ дѣйствительно сложилась цѣлая клика журналистовъ такого свойства. Эта растлѣнная клика, равняющаяся самымъ презрѣннымъ явленіямъ въ исторіи другихъ эпохъ и странъ, вліяетъ понемногу на мнѣнія массъ, изъ котораго *складывается все на свѣтъ*. Но кто же въ этомъ виноватъ, русскій духъ или русскіе офиціальные порядки? Недавно одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей сказалъ мнѣ «наша печать развращена цензурнымъ рабствомъ въ такой же мѣрѣ, какъ наше общество развращено крѣпостнымъ правомъ».

Второе послѣдствіе: такъ какъ въ нашей печати преслѣдуется не столько вредное сколько непріятное, то мыслящему и чистосердечному человѣку, кромѣ рѣдкихъ случаевъ особаго покровительства, совсѣмъ нельзя высказаться въ періодической печати; онъ подвергаетъ редакцію опасности карательныхъ мѣръ прежде чѣмъ мысль его будетъ достаточно выяснена. Кромѣ того, хотя въ современной русской мысли не ставится, да и по самой силѣ вещей не можетъ быть поставлено вопроса о нашихъ основныхъ государственныхъ началахъ, съ которыми громадное большинство согласно, хотя дѣло идетъ только о формѣ и способахъ правительственнаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе многіе

предметы, наиболѣе занимающіе умы, совсѣмъ изъяты изъ обсужденія. Что же выходитъ? Мыслящіе люди по большой части молчатъ, важные вопросы не затрогиваются и общественное сознаніе не выясняется; а клика немыслящихъ журнальныхъ фигляровъ, замкнувшись въ кругѣ мелкихъ текущихъ событій, ежедневно растравляетъ массу своими полусловами. Явленіе это происходитъ въ первые, самые рѣшительные дни эпохи обновленія, когда очевидно и несомнѣнно на мѣсто Петровской Россіи становится новая Россія, Александровская, воспринимаемая въ подобной купели.

У насъ не можетъ народиться вполнѣ сознательной и нравственной печати пока ея вдохновляющимъ источникомъ не станетъ ожившее общество, но тѣмъ не менѣе было бы крайне опасно, еслибъ призваніе общества къ жизни происходило подъ вліяніемъ такой печати, какова нынѣшняя. Преобразовать ее вполнѣ можетъ только народный духъ, но правительство имѣетъ возможность исправить ея обстановку посредствомъ мѣръ, вполнѣ отъ него зависящихъ. По убѣжденію многихъ къ этой цѣли ведутъ четыре главныя средства.

1) Дать жизнь и голосъ областямъ, безъ чего никто не можетъ знать ни русскихъ дѣлъ, ни русскихъ мнѣній; всякій будетъ подставлять подъ ними свои мечты. Дѣло идетъ не объ оживленіи областной печати въ ея нынѣшнемъ видѣ, какъ частной спекуляціи; печать такого рода останется навсегда блѣднымъ сколкомъ со столичной, хотя и она принесетъ свою долю пользы. Важно то, чтобъ каждое земство имѣло право основать свой безцензурный журналъ.

2) Повсемѣстное упраздненіе предварительной цензуры, подъ покровомъ которой проводятся самыя нецензурныя внушенія. Въ университетскихъ городахъ имѣются средства для ежедневнаго надзора за печатью; въ другихъ же частныхъ газетъ и безъ того почти не издается.

3) Устраненіе отъ печати бюрократическаго произвола.

Правительству очевидно выгодно для собственнаго обезпеченія отъ неправильнаго примѣненія его воли и для внушенія уваженія къ приговору, ввѣрить это право суду, хотя бы покуда даже административному, хотя бы изъ тѣхъ же членовъ главнаго управленія, но рѣшающихъ дѣло гласно, большинствомъ голосовъ, послѣ формальнаго обвиненія и защиты. Конечно такая форма суда можетъ быть лишь переходной. Тогда и кара можетъ стать строже нынѣшней, стать вмѣстѣ денежной и личной, особенно при допущеніи аппеляціи въ сенатъ, и пресѣчь, между прочимъ, нынѣшнія омерзительныя личности журналистики. Приговоры суда получатъ осмысленное значеніе въ глазахъ общества и самой печати, они выработаютъ по немногу сознательный кодексъ правъ русскаго слова.

4) Свободное, добросовѣстное обсужденіе государственныхъ и религіозныхъ вопросовъ, также какъ внѣшней дѣятельности учрежденій, безъ чего и правительство и подданные останутся въ непроглядномъ мракѣ, будутъ слышать личные намеки а не мнѣніе общества, безъ опоры котораго нельзя больше ступить шагу ни въ какую сторону. При этихъ только условіяхъ общественныя стремленія будутъ въ состояніи выясниться и разумное большинство возьметъ верхъ надъ мечтаніями кружковъ.

Нынѣ же русская печать, вмѣстѣ со многими другими сторонами нашего современнаго склада, и все по одной и той же причинѣ, представляетъ явленіе несообразное и невиданное въ остальномъ свѣтѣ, что выказывается очень рѣзко въ странномъ видѣ вліянія ея на разрозненныхъ людей, которыхъ она смущаетъ, не умѣя направлять.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ IV.

Русская печать содержитъ въ себѣ несомнѣнно большія силы, хотя обыкновенно скрытыя. Во время послѣдняго польскаго мятежа мы видѣли явленіе небывалое въ другихъ странахъ—газету пріобрѣвшую руководство надъ умами, собравшую и укрѣпившую нравственныя силы общества для борьбы. Можно было бы привести еще другіе, хотя не столь крупные примѣры способности нашей печати сильно вліять на народное мнѣніе. Въ тоже время нѣтъ въ свѣтѣ печати болѣе отзывчивой на всякое благое начинаніе власти, какъ наша. Но силы, которыя она могла бы обнаруживать обыденно, съ великою пользою для страны и правительства, закупоренныя черезъ мѣру, не только пропадаютъ даромъ, но даже угрожаютъ опасными выходками при первомъ удобномъ случаѣ.

Безъ извѣстной свободы слова мы не выйдемъ изъ нынѣшнихъ недоразумѣній. Наши безспорные вопросы исчерпаны уже въ шестидесятыхъ годахъ, а изъ тѣхъ, которые стоятъ за ними на очереди, ни одинъ не выясненъ покуда окончательно. Причина понятна: рѣшенные вопросы—объ упраздненіи крѣпостнаго права, о независимомъ судѣ и необходимости нѣкотораго участія народныхъ силъ въ мѣстномъ управленіи не вызрѣвали на русской почвѣ; мы приняли ихъ изъ рукъ заимствованной цивилизаціи; слѣдующіе за ними составляютъ уже наше домашнее дѣло, позаимствовать рѣшенія ихъ не откуда, мы должны додуматься до него

самолично, что слишкомъ трудно при продолжающемся у насъ стѣсненіи мысли. Мы можемъ оставаться въ такомъ положеніи неопредѣленное время, а между тѣмъ отравляющія нашу народную жизнь недоразумѣнія растутъ безостановочно. Прежде всего, даже прежде приступа къ устройству порядка вещественнаго, необходимо внести порядокъ и ясность въ русскую мысль предоставленіемъ ей достаточнаго простора, въ предѣлахъ по крайней мѣрѣ нашихъ общепризнанныхъ историческихъ началъ.

Общественное сознаніе ищетъ исхода. Въ послѣдніе годы печатаніе за границею русскихъ книгъ и брошюръ, писанныхъ очень благонамѣренными людьми, стало явленіемъ обыденнымъ, вынуждаемымъ неизвѣстностію предѣловъ печатнаго слова дома; при самомъ искреннемъ желаніи не нарушать установленій печати, у насъ невозможно разграничить заранѣе дозволенное отъ недозволеннаго—все зависитъ отъ весьма измѣнчиваго взгляда начальствующихъ лицъ. Авторы такихъ заграничныхъ сочиненій не только не подвергались преслѣдованію, но нѣкоторымъ дозволялось даже распространять ихъ книги въ Россіи подъ извѣстными условіями. Подобнымъ снисхожденіемъ правительство явно показывало, что по собственному его сознанію русская мысль переросла уже стѣсняющія ее рамки и что оно желаетъ дать ей нѣкоторый просторъ, не зная покуда какъ совмѣстить этотъ просторъ съ привычными пріемами допущенной имъ гласности.

Прежде чѣмъ карать за мысль надо дать ее договорить. Достаточно признать эту азбучную истину и рѣшительный шагъ будетъ сдѣланъ, русское общество получитъ возможность выяснить себѣ современные вопросы, отъ способа рѣшенія которыхъ зависитъ въ близкомъ будущемъ охраненіе основныхъ началъ нашего государственнаго порядка; а вмѣстѣ съ тѣмъ правительство привыкнетъ слышать вокругъ себя разсужденія такого рода, слышныя нынѣ всѣмъ кромѣ ему одному, сниметъ съ нихъ тѣмъ самымъ нынѣшнее подпольное

зажигательное свойство. Сложившееся разъ отчетливое мнѣніе большинства освѣтитъ и въ высшей степени облегчитъ правительству дальнѣйшій путь. Но еще до того, пренія такого рода принесутъ ту громадную пользу, что пріучатъ русскихъ людей называть вещи ихъ подлиннымъ именемъ, разсѣютъ ту невѣроятную сбивчивость понятій, которая подъ названіемъ конституціонныхъ идей бродитъ покуда въ головахъ и побуждаетъ каждаго чиновника, не получившаго награды къ празднику, взывать къ конституціи, какъ къ вѣрнѣйшему средству для поправленія своихъ личныхъ дѣлъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то что пишетъ Leroy Beaulieu о положеніи русской печати. Онъ говоритъ о Россіи очень сочувственно, ничего не преувеличиваетъ, а между тѣмъ русскій человѣкъ краснѣетъ до ушей читая его, до такой степени картина выходитъ похожею на то, что могло бы происходить развѣ въ Тунисѣ. Дѣло не въ одной узкости рамокъ, стѣсняющихъ русское слово; краснѣть заставляетъ безцеремонное, прихотливое отношеніе представителей власти къ печати, а еще болѣе наивные пріемы, употребляемые до сихъ поръ для огражденія насъ отъ зловредныхъ вліяній. Каково видѣть напримѣръ цѣлыя страницы иностранныхъ журналовъ, выписываемыхъ конечно не для толпы а для образованнаго общества, покрытыхъ такъ называемой икрой, между тѣмъ какъ сотни тысячъ выѣзжающихъ за границу русскихъ читаютъ ихъ безпрепятственно. И какіе при томъ пустяки замазаны такимъ образомъ! Власть можетъ быть, пожалуй, суровой, но для избѣжанія самоубійства никогда, ни на какихъ ступеняхъ не должна становиться смѣшной; а чѣмъ же она выказывается, спасая мою душевную чистоту посредствомъ замазыванія заразительныхъ мыслей въ «Revue des deux mondes?» Я уже говорилъ что въ нашей печати преслѣдуется главнѣйше не вредное, а почему либо неудобное властнымъ, даже мелковластнымъ людямъ, вліяющимъ на главное управленіе печати или состоящимъ въ пріязни съ нимъ. Но кто же при этомъ выигрываетъ? Внѣ

офиціальной сферы всѣмъ, и большимъ и малымъ, хорошо извѣстно, что выигрываютъ однѣ подпольныя стремленія, высказывающіяся очень ясно окольными путями для своихъ читателей и распространяющія превратныя ученія почти безъ противорѣчія, такъ какъ благонамѣренныя и обдуманныя мнѣнія, требующія для своего выясненія не полусловъ а связнаго развитія, должны молчать.

Очевидно однакоже что при такой искуственной безгласности мнѣнія, начинающаго сильно бродить внизу, но лишеннаго возможности выработаться связно и сознательно, правительство остается въ полной нравственной пустотѣ, внѣ всякаго умственнаго соприкосновенія со страною; оно не можетъ почерпать своихъ мѣропріятій изъ дѣйствительности, ему неизвѣстной, и вынуждено придумывать ихъ въ канцеляріяхъ. Выйдемъ ли мы изъ нынѣшнихъ недоумѣній при такой постановкѣ дѣла? Гласное выраженіе мнѣнія не можетъ быть замѣнено никакимъ инымъ способомъ. Еслибъ даже власть стала призывать для совѣщанія самыхъ опытныхъ земскихъ людей, то и они могли бы изложить только свое одиночное сужденіе, но не могли бы дать того, что покуда совершенно неизвѣстно и въ чемъ вся сила — мнѣнія русскаго большинства. По той же причинѣ никакое общее собраніе земскихъ людей, хотя очень способное освѣтить многія частныя и мѣстныя стороны дѣла, не оказалось бы покуда состоятельнымъ въ смыслѣ рѣшенія коренныхъ вопросовъ; оно стало бы бродить въ лабиринтѣ личныхъ, не провѣренныхъ общимъ сознаніемъ взглядовъ. А въ то же время одиночныя мечтанія, руководимыя не разумомъ а впечатлѣніями, по большей части озлобленными, продолжаютъ быстро накипать внизу.

Не давая сложиться мнѣнію большинства, несомнѣнно благонамѣреннаго, вѣрноподданнаго и дорожащаго всѣми нашими историческими основами, правительство какъ бы преднамѣренно подставляетъ почву враждебнымъ политическимъ сектамъ, которыя въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ однѣ могутъ

складываться и привлекать сообщниковъ безъ простора гласности. Теперь изыскиваютъ мѣры, могущія внушить обществу довѣріе къ новому направленію, вселить въ него спокойное ожиданіе всего лучшаго отъ власти въ будущемъ; но никакая мѣра не равняется своею дѣйствительностію той, которая предоставила бы наконецъ русскому человѣку возможность обсуждать свои общественныя дѣла европейскимъ способомъ, а не шептаньемъ другъ другу на ухо, какъ въ Азіи; никакая другая мѣра, ни расширеніе правъ земства, и ни что иное не подѣйствуетъ благотворно на умы безъ этой послѣдней. Кто повѣритъ въ успѣшность леченія нашей сложной болѣзни ветеринарнымъ способомъ, безъ распроса больнаго о томъ что у него болитъ.

Было бы трудно, во всякомъ случаѣ долго оставлять новое законоположеніе о печати на теоретическихъ основаніяхъ, да едва ли и повело бы оно къ чему нибудь положительному. Когда разъ надъ мыслію существуетъ начальство, то все зависитъ отъ взгляда начальствующихъ лицъ, а взглядъ этотъ обусловливается болѣе всего привычкою. Что у насъ привыкли считать дозволеннымъ, то и есть дозволенное. Существенно важно замѣнить личный приговоръ по дѣламъ печати приговоромъ суда, хотя бы покуда спеціальнаго, для одного этого дѣла. Что же касается до новаго узаконенія о предѣлахъ печатнаго слова, которое въ такомъ неуловимомъ дѣлѣ можно примѣнить какъ угодно, то на мой взглядъ гораздо удобнѣе провести сначала въ русскую печать необходимую ей долю свободы практическимъ путемъ, даннымъ однажды примѣромъ. Такъ въ сущности произошло и въ началѣ нынѣшняго царствованія, при первомъ подъемѣ русскаго слова. Судъ выработаетъ впослѣдствіи рядомъ своихъ приговоровъ практическіе предѣлы правъ печати гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ выработала бы ихъ какая бы то ни было комиссія. Въ такомъ способѣ проведенія новыхъ началъ въ жизнь заключается одно изъ преимуществъ самодержавія: оно можетъ замѣнять букву духомъ не предрѣшая

несвоевременно потребностей будущаго, предоставляя имъ обнаруживаться и облекаться постепенно формальною законностію. Подобный починъ вызоветъ голосъ не только присяжныхъ писателей, но что гораздо важнѣе, голосъ земскихъ людей, вожаковъ мнѣнія своей мѣстности, и мыслящихъ людей по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной дѣятельности, опытность которыхъ служитъ доселѣ имъ однимъ, не просвѣщая никого другаго.

Публичность нужна не только для одиночной мысли, она необходима для цѣлыхъ отраслей народнаго управленія. Земства, напримѣръ, чрезвычайно затрудняются слишкомъ келейнымъ способомъ обсужденія своихъ потребностей, онѣ не могутъ освѣтить ихъ достаточно безъ своего мѣстнаго органа печати. Земства покуда разъединены между собою совершенно, даже нравственно. Очевидно что впослѣдствіи необходимо будетъ узаконить должную связь между ними въ случаяхъ надобности; но до тѣхъ еще поръ эта связь, часто крайне настоятельная, могла бы поддерживаться взаимною гласностію, безъ которой невозможно выдѣлать кодексъ обычаевъ и практическихъ пріемовъ, часто болѣе важный чѣмъ кодексъ положительныхъ правъ. Но нельзя не видѣть что при нынѣшнихъ условіяхъ печати земскіе листки обратились бы въ краткій перечень засѣданій, что самыя вѣскія и любопытныя заявленія гласныхъ часто не могли бы быть воспроизведены вполнѣ.

При переходѣ изъ одной эпохи въ другую разъединенныя мѣры не ведутъ ни къ чему, нужны мѣры общія. Для того чтобъ не сбиться съ пути надо предоставить мысли свободу въ всѣхъ ея благонамѣренныхъ проявленіяхъ, и если карать, то лишь за то что говоритъ человѣкъ а не за предметъ о которомъ онъ говоритъ.

V ПИСЬМО.

Рѣшаюсь наконецъ высказать свой взглядъ на положеніе русской церкви, несущей на себѣ, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, гнетъ мертвящаго бюрократизма. Какъ сознательная мысль, убѣжденіе мое весьма распространено между образованными людьми; какъ чутье, оно розлито поголовно, высказывается повседневно и въ отношеніяхъ народа къ церкви и въ состояніи умовъ культурнаго слоя.

Членъ государственнаго совѣта П*** произнесъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ совѣтѣ замѣчательную, хотя конечно не договоренную рѣчь, о положеніи созданномъ русской церкви Петровскимъ преобразованіемъ. Сущность рѣчи заключалась въ томъ, что современная русская церковь совсѣмъ не церковь, а государственное учрежденіе, служба котораго отправляется чиновниками, облеченными въ епископскій и іерейскій санъ, подъ надзоромъ канцелярій, какъ въ прочихъ вѣдомствахъ, вслѣдствіе чего, естественно, жизнь начинаетъ въ ней оскудѣвать и собраніе вѣрующихъ, лишенное общей связи, мертвѣетъ. Ораторъ высказалъ въ заключеніе, что церковное дѣло не можетъ оставаться въ такомъ положеніи безъ смертельной опасности для нравственной будущности русскаго человѣка. Г. П*** до такой степени правъ въ отношеніи чиновничества нашего клира, что я слышалъ лично какъ одинъ епископъ, говоря о священникахъ своей епархіи, выражался «мои чиновники». Г. П*** не счелъ возможнымъ высказать еще многіе факты, между прочими тотъ, что въ

духовныхъ академіяхъ и многихъ семинаріяхъ читается съ каѳедры, что русская церковь состоитъ со временъ Петра великаго въ плѣну у государства, въ такомъ же плѣну въ какомъ церковь ветхозавѣтная находилась въ Вавилонѣ. Говорятъ это несомнѣнно самые честные и чистосердечные профессора, не желающіе скрывать, «ради страха фарисейска» чувства, гнетущаго души вѣрующихъ.

Тяжкая ошибка великаго преобразователя очевидна нынѣ всякому. Хотя мысль о преобразованіи церковнаго управленія не возникла въ его умѣ произвольно, а была отвѣтомъ на недавнія притязанія патріаршества при Никонѣ, проникнутыя католическими вѣяніями, тѣмъ не менѣе очевидно что крутыя мѣры, принятыя Петромъ, зашли гораздо далѣе предполагавшейся цѣли. Для облегченія переворота, громаднаго и необходимаго, но временнаго, какъ все въ исторіи, онъ занесъ руку на дѣло, до основаній котораго рука человѣческая не должна касаться, разрушилъ свободу и самостоятельность многовѣковаго строя отечественной церкви, разорвалъ существовавшее до тѣхъ поръ живое взаимодѣйствіе между клиромъ и обществомъ, подчинилъ отправленіе церковной жизни бюрократіи, принизилъ духовенство и тѣмъ пресѣкъ приливъ къ нему общественныхъ силъ, вслѣдствіе чего наше духовенство должно было замкнуться въ себѣ и обратиться въ наслѣдственную касту. Съ тѣхъ поръ русская церковь дошла понемногу до состоянія государственнаго учрежденія, о которомъ говорилъ Г. П*** Великій Императоръ ужаснулся бы предъ этими послѣдствіями еслибъ могъ ихъ предвидѣть, но зародышъ ихъ заключался неизбѣжно въ совершенномъ имъ церковномъ преобразованіи. Плодъ созрѣлъ и мы собираемъ жатву: церковь, росписанная по табели о рангахъ и связанная, утратила вконецъ нравственное вліяніе на русскаго человѣка — не только на общество, но и на народъ; духовенство, служившее во всѣ вѣка Россіи первою опорою Престолу, прониклось глухимъ недовольствомъ, такъ что теперь почти каждый русскій левитъ, не понавшій къ

алтарю, становится въ ряды общества и государственной службы врагомъ существующихъ порядковъ. Еще нѣсколько лѣтъ въ этомъ направленіи, и противники государства найдутъ можетъ быть союзниковъ у самаго алтаря.

Какъ ни велико это зло, оно еще не главное. Гибельныхъ послѣдствій можно насчитать много, но всѣ онѣ меркнутъ передъ тѣмъ невѣроятнымъ послѣдствіемъ, что охлажденіе большинства образованнаго общества къ вѣрѣ и постоянно продолжающійся выходъ огромныхъ народныхъ массъ изъ вселенской церкви въ расколы, истекшія на западѣ, въ римскомъ католичествѣ и протестанствѣ, изъ глубины историческихъ, ни отъ кого лично не зависѣвшихъ причинъ, созданы у насъ искуственно руками самой власти, конечно не преднамѣренно. Да будетъ позволено мнѣ освѣтить въ короткомъ отступленіи причину такого заключенія.

Въ католичествѣ отпаденіе личной совѣсти отъ церкви объясняется ярче дня словами одного извѣстнаго бельгійскаго каноника, принадлежавшаго къ либеральной церкви Монталамбера. Онъ говорилъ: «я вѣрующій человѣкъ, но не могу признавать двухъ разныхъ Боговъ, Бога римскаго и Бога исторіи; между тѣмъ Римъ признаетъ католикомъ только христіанина XIV столѣтія, отвергаетъ право личной совѣсти и считаетъ все, происшедшее съ конца среднихъ вѣковъ, навожденіемъ. Усилія нашей партіи, считавшей возможнымъ примирить церковь съ современнымъ человѣкомъ, доказали тщетность такой надежды. Папа думаетъ иначе чѣмъ либеральные католики, а кто думаетъ не такъ какъ папа, тотъ не правовѣрный. Достаточно выяснено что положеніе самаго вѣрующаго католика, не могущаго отрѣшиться отъ своего человѣческаго развитія и отъ духа своего вѣка—положеніе безвыходное.»

Всемірное фіаско протестантства стоитъ у всѣхъ на глазахъ. Послѣ отчаянныхъ усилій открыть истинную вѣру какъ открываютъ физическую достовѣрность, утвердиться на непреложныхъ основаніяхъ собственнаго изобрѣтенія и успо-

коиться въ одиночной вѣрѣ внѣ церкви, большинство протестантовъ, въ томъ числѣ самые разсудительные люди, махнули наконецъ рукой на это новое исканіе философскаго камня и стали поневолѣ относиться къ религіи только съ политической и нравственной стороны. Въ обѣихъ исповѣданіяхъ серьозные люди стали выдѣляться изъ отечественной церкви лишь по мѣрѣ того какъ почва, вопреки ихъ волѣ, сама уходила изъ подъ ихъ ногъ.

Въ православіи не существуетъ никакой логической причины къ повальному отпаденію душъ отъ церкви. Православіе не приковываетъ вѣрующаго къ какому либо столѣтію, ни духовно, ни политически, открываетъ его гражданскому развитію неограниченное поле въ той же мѣрѣ какъ самое крайнее протестантство, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ незыблемую опору союзу вѣрующихъ, соединяя ихъ въ церковь. На такой почвѣ личное невѣріе, всегда обыкновенное между людьми, не ведетъ ни къ какимъ общимъ послѣдствіямъ, остается единичнымъ психологическимъ фактомъ, не имѣя никакого побудительнаго повода, никакой цѣли сливаться во враждебный церкви союзъ, такъ какъ церковь не только не препятствуетъ успѣхамъ общества, но живитъ ихъ, охраняя нравственность и скрѣпляя духовную связь между людьми. Наша церковь, располагающая прежнею свободою дѣйствій, отстояла бы по всей вѣроятности свое нравственное значеніе противъ напора такъ называемаго духа вѣка, но для этого она должна была оставаться церковію, не обращаясь въ гражданское зависимое учрежденіе, должна была видѣть свою опору въ совѣсти вѣрующихъ а не въ покровительствѣ мірской силы.

По духу православной іерархіи она несоставляетъ ни гдѣ, какъ не составляла до Петра и у насъ, замкнутаго въ себѣ круга пастырей, пасущихъ безсловесное стадо, подобно католической. Міряне служили церкви не одними вкладами, а мыслію и дѣломъ, участвовали въ ея совѣтахъ, проводили ея начинанія, какъ и теперь это происходитъ на востокѣ.

а церковь съ своей стороны оставалась въ тѣсномъ единеніи съ обществомъ, принимала живое участіе во всѣхъ явленіяхъ народной жизни. Съ тѣхъ поръ прямое, дѣятельное общеніе міра съ церковію прервалось въ Россіи, осталось одно наружное: со стороны церкви, потому что она не можетъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія; со стороны мірянъ, потому что за каждымъ дѣйствіемъ церкви они видятъ скрѣпу оберъ-секретаря святѣйшаго синода, съ которымъ религіозное чувство не можетъ имѣть ничего общаго. Замѣчательно то, что коренной духъ православной церкви, устоявшій непоколебимо предъ всѣми ухищреніями іезуитства въ Польшѣ и Австріи, и передъ мусульманскимъ изувѣрствомъ въ Турціи, не устоялъ передъ регламентаціей своего православнаго правительства. Явленіе это однакожъ очень естественно. Православіе, сильное своей исторической правдой, не ограждено ни внѣшнимъ, вещественнымъ и недосягаемымъ авторитетомъ латинства, противъ котораго правительства до сихъ поръ оказываются безсильными, ни способностію протестантства, не имѣющаго центра, замыкаться въ душѣ человѣка какъ улитка въ раковинѣ и оставаться въ ней неуязвимымъ для внѣшней силы; у него есть стройная іерархія, на которую своя, законная и православная власть, и только законная и православная, можетъ наложить руку, какъ доказано опытомъ. Послѣдствіемъ произошло то, что изъ русскаго духовнаго міра вынута связующая сердцевина и начался нравственный разбродъ. Церковь, лишенная внутренней жизни, ограничилась исполненіемъ требъ, такъ что извѣстный де-Местръ былъ правъ утверждая, что русскій священникъ представляетъ собою не болѣе какъ трубу органа—онъ поетъ. Общество, охладѣвъ къ церкви, естественнымъ образомъ скоро охладѣло и къ вѣрѣ. Народъ, видя въ церкви одну внѣшнюю формальность, сталъ искать «божественнаго» внѣ ея. Духовное просвѣщеніе грамотныхъ русскихъ сословій ограничилось заучиваніемъ краткаго катихизиса въ школѣ и разрѣшилось полнѣйшимъ невѣденіемъ въ дѣлахъ вѣры, а потому

и равнодушіемъ къ ней. Для ясности считаю себя обязаннымъ изложить вкратцѣ значеніе этихъ трехъ главныхъ послѣдствій церковнаго онѣмѣнія.

Многіе объясняютъ наше религіозное охлажденіе общимъ невѣріемъ вѣка, но объясненіе это крайне легкомысленное. Въ наиболѣе развитомъ изъ человѣческихъ племенъ, англосаксонскомъ, есть скептики какъ и вездѣ, но нѣтъ охлажденія къ вѣрѣ. На свѣтѣ много узкихъ умовъ, отрицающихъ все сплеча, но по самой своей узкости они лишены вліянія на общее сознаніе; мыслящіе же люди, настоящіе вожаки мнѣнія, хотя и распадаются по своему душевному складу на вѣрующихъ и сомнѣвающихся, но сомнѣніе серьозныхъ людей рѣдко переходитъ въ систематическое отрицаніе. Если отечественное вѣроученіе не стоитъ въ разрѣзъ съ задачами вѣка, то большинство даже колеблющихся людей не выдѣляется изъ общей религіозной жизни народа, работаетъ для нея за одно съ вѣрующими, видя въ ней источникъ всякаго нравственнаго начала. Мы постоянно наблюдаемъ это явленіе въ свободныхъ протестантскихъ земляхъ, Англіи и Америкѣ. Еслибъ въ Россіи устояла живая и дѣятельная церковь, проникающая весь объемъ народной жизни въ духѣ любви и свободы а не принужденія, и проникаемая въ свою очередь воздѣйствіемъ на нее общества, какъ было прежде, но при силахъ усугубленныхъ современнымъ просвѣщеніемъ, еслибъ на твердой почвѣ православія созрѣла свободная религіозная дѣятельность, какую мы видимъ на зыбкой почвѣ англійскаго протестантства, то нравственное настроеніе русской жизни стояло бы несомнѣнно столь же высоко насколько оно стоитъ теперь низко, а въ нравственномъ настроеніи заключается все остальное. Тѣ же самые люди, которые рубятъ нынѣ сплеча все сущее, подчинились бы, какъ личности вообще несамостоятельныя, иному, новальному теченію и служили бы дѣйствительнымъ потребностямъ общества, тѣсно сплоченнаго съ церковію. Нынѣ же не только сомнѣвающіеся, но даже твердо вѣрующіе, ли-

шенные средоточія и взаимной связи, находятся у насъ болѣе чѣмъ въ протестантскомъ разбродѣ. Образованные люди, жаждущіе живаго слова и не находящіе его дома, кидаются на Редстока и тому подобныхъ; подростки, неслыхавшіе о серіозномъ духовномъ руководствѣ, переходятъ легко въ религію нигилизма, такъ какъ нигилизмъ та же религія, только въ вывороченномъ видѣ. Церковь, какъ единеніе вѣрующихъ, обратилась у насъ въ отвлеченное понятіе, совершенно неуловимое на практикѣ.

Въ простомъ русскомъ народѣ поражаетъ то явленіе, что жизнію сознательною, жизнію съ движеніемъ мысли, съ какими бы то ни было нравственными идеалами, съ духовною связью между людьми, живутъ только населенія, выдѣлившіяся въ расколъ; однѣ эти населенія способны и въ мірскихъ дѣлахъ къ общему почину и дружному взаимодѣйствію; потому же онѣ неуязвимы какъ крѣпость для тлетворныхъ ученій политическихъ. Русскій простолюдинъ идетъ въ расколъ для удовлетворенія душевной потребности жить сознательною религіозною жизнію, которой онъ лишенъ въ нынѣшней отечественной церкви, ограниченной наружною обрядностію. Для него не существовало бы никакой причины выходить изъ живой воспріявшей его церкви, утвержденной на вселенскихъ основаніяхъ и предоставляющей ему ту же свободу духовной дѣятельности какую онъ встрѣчаетъ въ расколахъ; но въ томъ то и дѣло что онъ не находитъ этого простора въ подневольней офиціальной церкви, какъ не находитъ въ ней его и свѣтскій человѣкъ, обращающійся къ Редстоку. Въ этой причинѣ заключается настоящее объясненіе упорства раскольниковъ: они не хотятъ духовнаго рабства. Въ продолженіи столькихъ вѣковъ, пережитыхъ церковію, появлялось не мало ложныхъ вѣроученій, но ни одно изъ нихъ не оказалось живучимъ; наша религіозная смута второй половины XVII-го вѣка облеклась тѣломъ и окрѣпла только въ послѣдовавшее царствованіе Петра, поработившее церковь государству. Въ позднѣйшее время, какъ и досель,

притяженіе оказываемое расколомъ на народныя массы усиливается соразмѣрно онѣмѣнію церкви. Недалекъ можетъ быть день, когда центръ тяготѣнія народныхъ вѣрованій передвинется изъ православія въ расколы. Хотя русскіе отщепенцы (особенно старообрядцы) несомнѣнно вѣрны Царю, но для участи великаго народа важно не одно только наружное спокойствіе. Еслибъ не дошло даже до численнаго перевѣса раскола, то нравственный перевѣсъ его послѣдователей надъ тупѣющими массами православнаго населенія можетъ разрѣшиться послѣдствіями слишкомъ очевидной важности.

Необходимо наконецъ сказать нѣсколько словъ о состояніи духовнаго просвѣщенія въ Россіи—такъ какъ человѣкъ можетъ сочувствовать только тому что знаетъ. Въ учености наша іерархія не уступитъ никакой другой, и кромѣ того, у насъ лишь есть небывалое въ свѣтѣ явленіе: множество простолюдиновъ, способныхъ состязаться съ первыми европейскими богословами; но только эти феномены-простолюдины принадлежатъ исключительно расколу. Есть еще не большое число свѣтскихъ лицъ, преимущественно изъ примыкающихъ къ славянофильскому кружку, изучившихъ религіозные вопросы, и есть купцы или нѣкоторые старосвѣтскіе люди другихъ званій, знакомые съ ними наружнымъ образомъ. Затѣмъ сверху до низу, отъ государственныхъ людей и извѣстныхъ писателей до безграмотнаго пастуха православнаго села, нѣтъ ничего кромѣ полнаго незнанія—не только основныхъ вопросовъ вѣры и церкви, но даже самаго существованія этихъ вопросовъ. Причина достаточно ясна. Во всякой христіанской странѣ надъ просвѣщеніемъ душъ трудятся или церковь, или замѣняющія ее общины, трудятся отъ себя, отъ сердца, а не по казенному заказу. Религіозные вопросы не исчерпываются тамъ преподаваніемъ краткаго катехизиса, они осаждаютъ человѣка всю жизнь, независимо отъ его вѣры или безвѣрія, потому что дѣятельность вѣрующихъ, тѣсно сплоченныхъ между собою, про-

никаетъ тамъ всѣ изгибы общественныхъ дѣлъ. Такъ происходитъ даже въ государствахъ, открыто отрекавшихся отъ христіанской вѣры, тамъ гдѣ большинство населеній до сихъ поръ утопаетъ въ безбожіи. Въ одной только благочестивой Россіи (дѣйствительно благочестивой, и по душевному складу человѣка, и по твердому убѣжденію столькихъ милліоновъ людей) живое слово къ обществу и народу исходитъ не изъ лона отечественной церкви, полтора вѣка уже безвыходно запертой въ храмовой оградѣ; оно заносится къ намъ въ видѣ контрабанды — или поморскимъ бѣгуномъ, или заѣзжимъ англичаниномъ.

Большинство серіозныхъ умовъ считаетъ однакожъ непреложною истиной, что сознаніе долга составляетъ въ человѣкѣ отголосокъ его вѣрованій, на меньшій конецъ исторически религіознаго воспитанія среды, въ которой онъ живетъ, не успѣвшаго еще улетучиться безслѣдно; что безъ воздѣйствія высшихъ помысловъ онъ возвращается къ откровенному эгоизму звѣря. На этомъ основаніи всѣ правительства въ свѣтѣ заботятся объ охраненіи между людьми святыни. Предъ нашими глазами стоитъ въ лицѣ нигилистовъ образецъ перерожденія человѣка въ хищное животное, вслѣдствіе безвѣрія. Очевидно что въ нигилизмѣ, увлекающемъ русскихъ подростковъ почти эпидемически, выразилось прямое послѣдствіе церковнаго онѣмѣнія, оскудѣнія связности и дѣятельности православнаго общества. Предоставленныя собственнымъ мечтаніямъ, молодыя поколѣнія идутъ въ разбродъ,—какъ же могло быть иначе? Въ послѣднее время наше правительство не разъ указывало на причину зла, на ослабленіе у насъ религіознаго воспитанія и руководства, хотя не иное что какъ система, столь долго имъ самимъ проводимая, довела насъ до этого состоянія.

Кромѣ общихъ послѣдствій, истекающихъ изъ церковной подневоли, эта же причина служитъ неизсякаемымъ источникомъ раскола въ русской церкви. Къ дѣлу о расколѣ нельзя относиться равнодушно или свысока, въ немъ со-

держится вопросъ неизмѣримой важности, вопросъ о томъ, устоитъ ли окончательно большинство русскаго населенія въ лонѣ вселенской православной церкви; дѣло идетъ о почвѣ, на которой должно расти все наше будущее развитіе, политическое и общественное. Но забывая даже—если кто можетъ забыть—эту существенную точку зрѣнія, вопросъ о расколѣ стоитъ клиномъ поперегъ самыхъ будничныхъ заботъ и ежедневно напоминаетъ о себѣ. Съ одной стороны нельзя длить безъ конца такого состоянія дѣлъ, при которомъ въ государствѣ, признающемъ вѣротерпимость своимъ основнымъ закономъ, значительная и во многихъ отношеніяхъ лучшая часть коренаго населенія не можетъ открыто исповѣдывать своей вѣры; нельзя также, особенно въ виду нынѣшняго смутнаго состоянія умовъ, продолжать отталкивать отъ власти въ ряды недовольныхъ четверть владычествующаго народа; съ другой же стороны невозможно смотрѣть на русскихъ отщепенцевъ, отличающихся отъ православныхъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ малочисленныхъ сектъ) немногими обрядовыми формами или даже только рѣченіями, какъ на иностранное исповѣданіе, и рвать пополамъ изъ за этихъ рѣченій церковь и душу русскаго народа. Всякій, даже умный и добросовѣстный старообрядецъ, понимаетъ про себя эту невозможность. Приходится покуда пробиваться неправдою, противорѣчіемъ собственному убѣжденію, и жить со дня на день, не заглядывая въ будущее,—относиться снисходительно къ расколу на практикѣ, сознавая неосуществимость законнаго его признанія и самостоятельнаго устройства. Еслибъ даже правительство могло согласиться передать столько милліоновъ коренныхъ русскихъ людей въ вѣдѣніе департамента иностранныхъ исповѣданій, то и тогда даже никакое разрѣшеніе свыше не сложило бы наше старообрядчество въ самостоятельную церковь или церкви. Когда старо-католичество, оторвавшееся отъ Рима вслѣдствіе явнаго искаженія послѣднимъ догмата, немогло выработаться въ связное вѣрованіе, то

достижима ли эта цѣль для русскихъ старообрядцевъ, право которыхъ на отдѣльное церковное существованіе заключается въ хожденіи посолонь и удержаніи нѣсколькихъ описокъ въ литургіи? Какъ узаконить такія неясныя очертанія? Съ устраненіемъ же окончательныхъ мѣръ до другаго времени, всякія полумѣры противъ раскольниковъ становятся излишними. Въ послѣдніе полъ-вѣка было испытано не мало средствъ для возсоединенія отдѣлившихся съ церковію, но успѣха не послѣдовало. Старообрядцы поповщинскіе требуютъ прежде всякаго разговора снятія съ нихъ отлученія, что невозможно безъ вселенскаго собора, немыслимаго при нынѣшней казенной церкви; безпоповщина и секты совсѣмъ оторвавшіяся отъ церковнаго преданія не идутъ еще покуда на примиреніе ни на какихъ условіяхъ. При настоящемъ положеніи русской церкви остается возможнымъ одинъ лишь видъ отношенія къ расколу: негласная, хотя широкая терпимость, не вводимая въ положительный законъ. Конечно выдѣлившіяся вѣрованія неудовлетворятся такою терпимостію, она не можетъ дать имъ ни признанной закономъ іерархіи, ни права открытыхъ процессій внѣ церкви, ни даже свободы воздвиженія храмовъ, кромѣ домовыхъ. Пока продолжается плѣненіе русской церкви, власть отвѣтственна по крайней мѣрѣ за ея наружную цѣлость и нравственно не располагаетъ правомъ брать на себя починъ такихъ коренныхъ рѣшеній; негласное снисхожденіе, оказываемое исполнителями англійскаго закона къ диссидентамъ со времени Вильгельма III-го и до недавняго еще времени, составляетъ крайній предѣлъ уступокъ, позволительныхъ покуда для власти. Можно и должно остановить на практикѣ всякое преслѣдованіе противъ мѣръ, принимаемыхъ раскольниками для ихъ внутренняго устройства; необходимо узаконить гражданскимъ порядкомъ ихъ браки и метрическія записи,—но далѣе покуда нельзя идти. Должно признаться: высшая терпимость правительства имѣетъ возможность покуда дать старообрядцамъ менѣе, чѣмъ либеральный паша предо-

ставляетъ райямъ, воздвигающимъ хотя бы свои храмы безпрепятственно; не поступить иначе, узаконить русскій расколъ какъ иностранное исповѣданіе, значило бы подорвать преждевременно и неисправимо наше духовное будущее, до сихъ поръ далеко еще невыяснившееся. Безвыходность этихъ отношеній истекаетъ наглядно изъ произвольной и неправильной постановки всего нашего церковнаго вопроса. Всякій русскій человѣкъ чуетъ сердцемъ что въ этомъ семейномъ недоразумѣніи между враждой и единеніемъ одинъ только шагъ; только никто не можетъ покуда ступить этаго шага. Въ семьѣ ссора затягивается тогда лишь, когда обѣ стороны не совсѣмъ правы, а до сихъ поръ мы сваливали всю вину на отдѣлившихся отъ церкви, забывая что противъ нашихъ неоспоримыхъ каноническихъ доказательствъ, имъ остается хотя одно, но неопровержимое возраженіе: они не хотятъ духовной подневоли и мертвенности. Между ними и нами стоитъ какъ не переходимая грань казенная церковь, которую наши же профессоры богословія называютъ плѣнною, недопускающая свободнаго шага другъ къ другу ни съ нашей, ни съ ихъ стороны. Выводъ: отлагая законодательныя мѣры до того неизвѣстнаго часа, когда духъ замѣнитъ у насъ букву въ церковномъ вопросѣ, правительству приходится отыскивать modus vivendi съ многими милліонами своихъ коренныхъ, вполнѣ вѣрныхъ ему подданныхъ, ограничиваясь этимъ modus vivendi.

Высказавъ душу, осмѣливаюсь поставить вопросъ: кому можетъ быть выгодно такое безличное состояніе церкви, религіознаго сознанія и человѣческихъ душъ въ Россіи, тѣмъ болѣе что оно чисто искуственное? Оно могло быть выгоднымъ на время Петру великому, расчищавшему путь своимъ преобразованіямъ; но кому оно выгодно въ настоящее время? Конечно не правительству, имѣющему причины тревожиться нравственной пустыней, созданной имъ вокругъ себя, взывающему все чаще къ благочестивой Россіи, хотя на такой зовъ не слышится уже отклика; ко-

нечно не имущественному слою, основанія котораго подрываются такимъ положеніемъ дѣлъ; конечно и не народу, постепенно погружающемуся въ отупѣніе или переходящему въ расколъ, для удовлетворенія духовной жажды, его томящей. Невозможно помыслить чтобы верховная власть держала церковь въ плѣну преднамѣренно, изъ опасенія ея политическаго преобладанія или слишкомъ большой самостоятельности, которыхъ не опасался ни одинъ восточный императоръ, и ни одинъ русскій царь прежней эпохи. Объясненіе этому явленію совсѣмъ иное: насъ сковываетъ съ нимъ самая тяжелая изъ цѣпей, налагаемыхъ исторіей на бездѣйственныя общества, цѣпь полутора-вѣковой необсуждаемой привычки, укрѣпляемая всеобщностію такого же отношенія правительства ко всѣмъ безъ изъятія сторонамъ русской жизни. Изъ за чего бюрократическая опека надъ церковію будетъ особенно колоть глаза, когда все остальное стоитъ подъ такою же опекой?

Рѣшившись поставить первый вопросъ, вынужденъ поставить и второй: можетъ ли правительство однимъ своимъ рѣшеніемъ измѣнить настоящее положеніе церкви? Думаю, что возможенъ только условный отвѣтъ; несомнѣнно можетъ, покончивъ съ бюрократической опекой воспитательнаго періода и замѣнивъ ее общественными силами во всѣхъ отправленіяхъ имъ свойственныхъ, въ томъ числѣ и церковномъ; и положительно не можетъ въ предѣлахъ одной церкви. Какъ выдѣлить церковную жизнь изъ общей жизни государственной, оставляемой на прежнихъ основаніяхъ? Какъ развязать руки русскому человѣку на одинъ часъ въ день, на тотъ именно часъ когда онъ станетъ заниматься церковными дѣлами? Въ первомъ же случаѣ, при полномъ и рѣшительномъ переходѣ изъ петровскаго періода въ Александровскій, открытый уже, но нескрѣпленный признаніемъ подлиннаго его характера и окончательными мѣрами (придавшими безповоротную крѣпость преобразованію Петра великаго), новое соглашеніе со вселенскою цер-

ковію, въ томъ числѣ требуемое старообрядцами снятіе съ нихъ отлученія, безъ особаго труда исправитъ промахи соглашеній конца 17-го и начала 18-го столѣтій. Тогда только можно будетъ думать о законодательныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ выдѣлившимся изъ церкви русскимъ людямъ.

Нравственныя послѣдствія всего совершившагося не излечатся конечно внезапно; покрайней мѣрѣ будетъ очищенъ путь къ иному, болѣе свѣтлому будущему. Остальное въ волѣ Божіей.

VI ПИСЬМО.

Онѣмѣніемъ духовной жизни можно закончить правдивый перечень послѣдствій почти двухъ-вѣковаго подавленія жизни бюрократическою формальностію. Я позволилъ себѣ назвать лишь самыя крупныя, но ихъ много. Рядъ и безъ того вышелъ длинный: безсиліе несвязнаго общества и исходящее изъ того полное равнодушіе къ покушенію на самыя существенныя основы; фактическое (къ счастію не нравственное) отчужденіе подданныхъ верховной власти, отгороженной отъ нихъ непроницаемою стѣною бюрократіи; поголовное недовольство правительственными порядками и общее недовѣріе къ орудіямъ власти; пустые промежутки въ государственномъ строѣ, недосягаемые ни сверху ни снизу, въ которыхъ всякое злоумышленіе безпрепятственно можетъ свить себѣ гнѣздо; постепенное разореніе государства вслѣдствіе нагроможденія новыхъ учрежденій надъ старыми, не уступающими своего мѣста; сосредоточеніе всей дѣйствительной, практической власти правительства въ рукахъ второстепенныхъ, невидныхъ и не отвѣтственныхъ агентовъ; безмѣрное разростаніе злоупотребленій вслѣдствіе этой безотвѣтственности; безобразное положеніе печати, которая тѣмъ не менѣе прямо вліяетъ на настроеніе русскихъ умовъ; наконецъ омертвѣніе церкви и оскудѣніе или уклоненіе въ сторону нашей религіозной жизни. Въ заключеніе полнѣйшее безсиліе бюрократіи, на которой зиждется покуда охраненіе всего нашего государственнаго порядка.

Сводя вмѣстѣ эти явленія можно удивляться не тому, что не все у насъ идетъ правильно, а тому развѣ какъ мы имѣемъ еще здоровый видъ и такой неистощимый запасъ внутреннихъ силъ съ подобными язвами въ своихъ нѣдрахъ.

Между тѣмъ милость свыше явно покровительствовала намъ въ послѣднія столѣтія, не только счастливымъ исходомъ изъ самыхъ великихъ затрудненій, но тѣмъ осязательнымъ и совершенно независимымъ отъ человѣческой воли и историческихъ причинъ явленіемъ, что намъ былъ данъ послѣдовательный рядъ замѣчательныхъ государей, богато одаренныхъ, мужественныхъ, исполненныхъ сознаніемъ своего долга. Значитъ, источникомъ нынѣшняго смутнаго состоянія Россіи были не личныя ошибки правителей, а независѣвшая отъ ихъ воли причина, отравлявшая нашу народную жизнь.

Причина извѣстна. Въ одинъ изъ критическихъ часовъ нашей исторіи, когда Европа, во всеоружіи просвѣщенія, стала явно надвигаться на отставшую и неспособную къ отпору Россію, верховная власть взяла на себя, должна была взять на себя задачу двинуть свой народъ впередъ вопреки ему самому и стать изъ правительства Провидѣніемъ Россіи. Для осуществленія задачи власть остановила естественное возрастаніе общественной жизни, взяла подъ опеку церковь, просвѣтила но обезличила и разъединила съ народомъ высшее сословіе, обратила прикрѣпленіе хлѣбопашца къ землѣ въ личное крѣпостное право, приняла на себя самую полную отвѣтственность за русскаго чѣловѣка и вслѣдствіе того отнеслась къ своему народу какъ наставникъ къ несовершеннолѣтнимъ. Задача, въ то время еще совершенно внѣшняя, механическая, а потому въ извѣстной степени посильная, осуществилась блестящимъ образомъ. Русская имперія была создана и великій преобразователь имѣлъ право произнести на смертномъ одрѣ свои знаменитыя слова: «народъ, который я возвелъ изъ мрака невѣжества на такую высокую степень могущества и славы,

долженъ быть мнѣ благодаренъ.» Благодаренъ во вѣки, несомнѣнно. Но эти временныя отношенія верха съ низомъ далеко пережили свой законный срокъ; онѣ затянулись съ 1689 года на 190 лѣтъ и вмѣсто задачъ исключительно внѣшнихъ, встрѣтились съ рядомъ вопросовъ нравственныхъ. Въ виду этихъ вопросовъ правительство не могло замѣнить пріостановленнаго общественнаго роста дѣятельностію своей бюрократіи, а потому неудивительно что при первомъ прикосновеніи къ старымъ порядкамъ обнаружился рядъ явленій одно затруднительнѣе другаго, накопившихся въ теченіи этого долгаго періода внѣшняго блеска и внутренняго оцѣпенѣнія. Намъ приходится восполнять разомъ пробѣлъ двухъвѣковаго бездѣйствія.

Трудно не признать что Самодержавіе, неприкосновенное у насъ какъ источникъ власти, не можетъ даже для себя удерживать долѣе свойство Провидѣнія, ведущаго русскаго человѣка къ таинственнымъ цѣлямъ безсознательно для него самаго. Такой способъ осуществленія самодержавной воли, установившійся со времени Петра Великаго, не только не единственный, напротивъ самый исключительный и односторонній изъ способовъ ея выраженія, нѣчто въ родѣ осаднаго положенія, учрежденнаго Преобразователемъ на время и затянувшагося съ тѣхъ поръ на два столѣтія. Наши государи до Петровской эпохи были вполнѣ самодержцами, но вели Россію не иначе какъ съ ея вѣдома, освѣщая общими силами каждый важный вопросъ. Исходная точка нашего развитія въ будущемъ лежитъ очевидно не въ предѣлахъ петровскаго періода.

Нельзя не сознать, что до упраздненія крѣпостнаго права правительство не имѣло возможности выйдти изъ установленныхъ порядковъ, какъ и того, что приступивъ разъ къ ломкѣ стараго зданія, оно поставило себя въ необходимость не медлить слишкомъ сооруженіемъ новаго. Всякій день, длящій съ тѣхъ поръ прежніе порядки, выказываетъ все ярче несостоятельность отжившаго правительственнаго строя, раз-

рушаетъ довѣріе къ государственнымъ учрежденіямъ и тѣмъ самымъ подрываетъ наши историческія основы, исключительно нравственныя, неогражденныя вещественною силою, какъ я имѣлъ смѣлость высказать еще въ 1872 году. Невозможно разсчитать заранѣе упругость нравственной связи, какъ разсчисляютъ упругость вещественную, а потому, смѣю думать, никакъ не слѣдуетъ напрягать ее до конца безъ особой крайности. Между тѣмъ весь устой русскаго государства исчерпывается нынѣ четырьмя словами: народная вѣра въ царскую власть. Все остальное, вся наша административная, общественная и умственная неурядица, помноженная на недоразумѣнія переходнаго времени, влечетъ насъ ко дну, къ какой то безъименной безднѣ, безъименной, такъ какъ русская исторія складывается самобытно и объ ея явленіяхъ, еще не выяснившихся, нельзя судить по чужимъ примѣрамъ. Первая наша потребность и первое обезпеченіе—сократить по возможности переходные годы и снова осѣсться. Верховная власть можетъ безъ препятствій вызвать русскую жизнь на свѣтъ и снова окружить себя вѣрующими въ нее народными силами, чтобы стать изъ невидимой пружины, скрытой въ бюрократическомъ механизмѣ, живою главою народа, какъ прежде.

Если весь нашъ государственный строй зиждется, какъ очевидно, на одномъ нравственномъ чувствѣ—на народной вѣрѣ въ царскую власть, и если вмѣстѣ съ тѣмъ правительственный складъ, созданный Петромъ Великимъ и его преемниками, основанный на механической администраціи (т. е. на выдѣленіи изъ народной семьи по выбору или случаю извѣстнаго числа людей, которые исключительно считаются правительствомъ своими и одни внушаютъ ему довѣріе), пережилъ свою посильную задачу и въ настоящее время не связываетъ уже а разъединяетъ власть съ народомъ, то заключеніе истекаетъ само собою: надо основаться на дѣйствительной силѣ вмѣсто мнимой, перенести центръ тяжести съ песка на камень. Извѣстно, что подъ вліяніемъ иностран-

ныхъ идей и привычки мѣрить Россію чужимъ аршиномъ, многіе офиціальные люди выводятъ заключеніе, что наше правительство должно, подобно другимъ, опираться исключительно на своихъ людей, т. е. вѣроятно на людей получающихъ жалованье по казеннымъ ассигновкамъ, такъ какъ иного отличія между своими и несвоими у насъ нельзя придумать. Въ Европѣ это иначе, я высказалъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣніе объ этой несомнѣнной разницѣ. Въ Европѣ исторія дѣйствительно сложила вокругъ правительствъ цѣлыя сословія и корпораціи, которыя они имѣютъ право считать исключительно своими, но за то все прочее для нихъ чужое. Наше правительство также имѣло своихъ людей въ лицѣ помѣстнаго дворянства, въ теченіи короткаго относительно срока существованія крѣпостнаго права, и однако же не захотѣло мѣнять долѣе Россію на партію, хотя бы дѣйствительно вѣрную и крѣпкую, какой была дворянская, которую оно легко могло упрочить, несмотря на отмѣну крѣпостныхъ отношеній. Возможно ли помыслить чтобы верховная власть, пожертвовавшая въ сознаніи своей всесословности и потребностей будущаго такою силою какъ дворянская, захотѣла снова съузить подъ собой почву и основаться, хотя бы временно, на такой *своей* силѣ, каково нынѣшнее полу-красное и несвязное чиновничество? Есть ошибки невозможныя для вѣковыхъ правительствъ.

Государственная власть не можетъ найти болѣе прочной основы чѣмъ самая общественная почва, если только народъ искренно вѣритъ въ династію, какъ у насъ. Но если устой основывается на массѣ, а не на какихъ либо выдѣленныхъ сословіяхъ или искуственныхъ группахъ, то первое условіе его прочности заключается въ томъ, чтобы народъ былъ относительно доволенъ своею участію, для чего надо дать вздохнуть рабочему податному плательщику. Облегченіе его окажется важнѣе всѣхъ улучшеній вмѣстѣ взятыхъ. Какъ ни вѣренъ власти русскій простолюдинъ, но онъ обремененъ сверхъ силъ, а потому не можетъ быть доволь-

нымъ, на что преимущественно разсчитываютъ враги порядка. При довольномъ же народѣ правительство станетъ всесильнымъ, не только внѣшнимъ образомъ, какъ всегда, а нравственно, во мнѣніи каждаго, вслѣдствіе чего наши внутреннія затрудненія улягутся сами собою, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Кто станетъ пытаться смутить вѣрующій во власть народъ, которому въ большинствѣ легко живется? Но достиженіе такой цѣли неосуществимо при нынѣшнемъ бюрократическомъ устройствѣ, нагромождающемъ новыя учрежденія на старыя, истрачивающемъ на себя послѣднюю трудовую копѣйку русскаго рабочаго. Въ обоихъ отношеніяхъ нельзя ничего исправить посредствомъ учрежденій петровской эпохи, очевидно совершенно отжившихъ. Каждое исправленіе требуетъ прежде всего простора въ средствахъ, явно имъ исключаемаго.

Для насъ необходимѣе всего снова осѣсться, но нельзя осѣсться на почвѣ, которая сама уходитъ изъ подъ ногъ. Передъ нами только два исхода, всякій это знаетъ и чувствуетъ. Большинство служебной среды вмѣстѣ съ инородцами всякаго званія мечтаетъ объ увѣнчаніи подражательныхъ петровскихъ порядковъ подражательною же конституціей на западный ладъ, хотя такое лекарство не имѣетъ ничего общаго съ нашею болѣзнію. Русскіе люди, твердо стоящіе на народной почвѣ, необращенные въ космополитовъ, видятъ передъ собой иной путь: они желаютъ закладки современнаго государственнаго строя снизу, желаютъ развитія дѣйствительно всесословныхъ земскихъ учрежденій до законнаго ихъ предѣла и выхода *домашней* русской жизни на свѣтъ.

VII ПИСЬМО.

Въ нашей исторіи не разъ выказывалось, можно сказать «чувствуемое» руководство свыше; невольно видится оно и въ часѣ, предназначенномъ для поворотнаго событія нашей исторіи, дарованія свободы крѣпостнымъ. Въ предшествовавшія царствованія наше общество руководилось еще чужими, заносными понятіями и не сознавало подлинной личности Россіи. Лучшіе русскіе умы мечтали о томъ лишь, чтобы перенести къ намъ европейскую культуру во всей ея полнотѣ, въ ея личномъ какъ и политическомъ смыслѣ. Лишь къ концу прошлаго царствованія зародилось сомнѣніе, пригодны ли намъ готовые выводы западнаго образованія, не имѣемъ ли мы права на самостоятельное развитіе? Лишь къ этому времени русскій духъ пророс вновь сквозь чуждую наслойку воспитательной эпохи. Послѣ великаго обновленія 1861 года наше историческое сознаніе окрѣпло, затѣмъ высказалось во внѣшнихъ дѣлахъ, всегда ранѣе доступныхъ пониманію, и по естественному закону проникаетъ нынѣ во внутрь, выдѣлывая постепенно взгляды русскаго человѣка на общественные вопросы. Лѣтъ сорокъ тому назадъ переломъ 1861 года, обусловливающій въ принципѣ выходъ изъ подъ опеки петровской эпохи, повлекъ бы неотразимо мнѣніе общества къ западнымъ идеаламъ, къ общему желанію конституціи на старо-французскій ладъ (такъ какъ въ этой формѣ выразился всего полнѣе единственно возможный способъ примѣненія

англійскихъ порядковъ къ материку Европы). Теперь не то. Теперь стремленіе большинства, не вполнѣ сознательное, правда, но искреннее, обращается уже не наружу, а внутрь, къ самостоятельному, совсѣмъ неподражательному развитію нашихъ почвенныхъ силъ. Доказательство на лицо.

Какъ ни ограничено еще у насъ прямое воздѣйствіе общества на печать, но тѣмъ не менѣе въ массѣ печатнаго слова выражается воззрѣніе современной русской мысли соотвѣтственно ея распространенію. Заключеніе же серьозныхъ органовъ печати, — за исключеніемъ тѣхъ, которые издаются для безпочвенной части петербургскаго фрачнаго населенія — о формахъ естественнаго и желательнаго для насъ государственнаго устройства, совершенно совпадаютъ съ вышесказаннымъ. Наша печать не можетъ открыто высказываться о подобныхъ вопросахъ, чѣмъ чрезвычайно затрудняется ея задача и чрезмѣрно перепутываются понятія читателей; но общій взглядъ лучшей ея части тѣмъ не менѣе ясенъ и можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ.

Всѣ европейскія конституціи кромѣ англійской — ложь, ведущая только къ растратѣ общественныхъ силъ въ безплодной борьбѣ; англійская же конституція, какъ произведеніе особыхъ вѣковыхъ условій, не поддается пересадкѣ на иную почву. По непреложному закону человѣческихъ обществъ верховная власть можетъ быть только одноличной и всегда бываетъ такою въ лицѣ монарха, диктатора или ловкаго вожака мнѣнія; ясно, стало быть, что первое благо для народа — наслѣдственная власть, избавленная отъ ежедневной заботы о своемъ охраненіи, а потому свободная и чистосердечная въ отношеніи къ народу. Принципъ раздѣленія властей въ государствѣ — неосуществимая мечта, такъ какъ одна только исполнительная власть, распоряжающаяся войскомъ, полиціей, выборомъ начальствующихъ лицъ и расходованіемъ денегъ, есть власть дѣйствительная; она соглашаетъ свои дѣйствія въ конституціонномъ государствѣ съ большинствомъ представительнаго собранія, какъ въ са-

модержавномъ дѣлаетъ уступки напору мнѣнія, выражающагося инымъ способомъ; но эта разница не измѣняетъ существеннымъ образомъ ни ея природы, ни даже свойства ея отношеній къ подданнымъ.

Представительныя собранія неспособны къ прямому вмѣшательству въ управленіе, какъ доказано всемірнымъ опытомъ. У нихъ нѣтъ и не можетъ быть основныхъ, твердо установленныхъ воззрѣній во внутренней и внѣшней политикѣ, охраняющихъ единство историческихъ цѣлей народа. Кромѣ того, всякому сборищу людей недостаетъ того именно краеугольнаго камня, на которомъ зиждется историческій міръ: личной совѣсти и чувства нравственной отвѣтственности, говорящихъ лицу а не толпѣ; а гдѣ отсутствуетъ личная совѣсть, тамъ нѣтъ уже ни бѣлаго, ни чернаго, нѣтъ нравственной основы, безъ которой никакое современное христіанское общество не можетъ избѣжать безпрерывныхъ судорогъ и окончательнаго растлѣнія. По этой послѣдней причинѣ, еще болѣе чѣмъ по всѣмъ прочимъ, верховная власть, не мыслимая безъ сознанія долга, можетъ быть только одноличной и полномочной въ своемъ кругѣ дѣйствія. За представительными собраніями признается важная способность другаго рода, способность къ надзору за законностію дѣйствій орудій власти, къ повѣркѣ бюджетнаго плана въ отношеніи итога и источниковъ государственныхъ налоговъ, къ выраженію передъ властію назрѣвшихъ мнѣній и потребностей страны. По заключенію всѣхъ оттѣнковъ русской мысли безъ этихъ трехъ условій всякое правительство будетъ ходить во мракѣ, въ такой же степени какъ и народное сознаніе, вслѣдствіе чего между ними возникнетъ постоянное непониманіе, не могущее привести ни къ чему доброму.

Эти основныя понятія дѣйствительно выражаются лучшими по качеству органами русской печати.

Примѣненіе теоретическихъ положеній къ нашему общественному дѣлу довольно затруднительно для печати; но

господствующее мнѣніе выражается достаточно ясно тѣмъ кореннымъ началомъ, что въ политическомъ устройствѣ нельзя ничего основать на лжи, что всякая узаконенная ложь есть величайшее бѣдствіе для народа, а потому для обезпеченія странѣ прочнаго будущаго можно признавать права только дѣйствительныхъ, явныхъ силъ общества, а не мнимыхъ; силы эти даются исторіей и не сочиняются людскою волею. Признаніе самостоятельныхъ правъ за общественными группами, не имѣющими самостоятельнаго значенія, способно отравить всю будущность народа, замѣняя правду въ отношеніяхъ между людьми фальшью и призраками, вызывая неизбѣжно насиліе и нарушеніе закона, такъ какъ господствующая сила не можетъ, еслибъ даже чистосердечно хотѣла въ началѣ, долго уступать призраку силы; такое искуственное подчиненіе сильнаго слабому противорѣчитъ природѣ человѣка и общества. Въ отношеніи къ Россіи примѣненіе стало быть ясно. У насъ нѣтъ организованныхъ общественныхъ группъ, нѣтъ вліятельныхъ сословій. Люди образованныхъ и имущественныхъ слоевъ не стоятъ у насъ въ головѣ народа, едва ли даже считающаго ихъ вполнѣ русскими. Народъ вѣритъ въ царскую власть и никогда не допустилъ бы притязаній верхняго слоя, нравственно ему почти чуждаго, на какое либо политически-самобытное положеніе вопреки власти, что слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Вслѣдствіе того русское образованное общество, имѣющее несомнѣнно великое призваніе для дѣятельности во имя верховной власти, не можетъ равно ничего въ свое собственное имя. Но монархическая конституція дается исключительно обществу и для общества, для людей переросшихъ уровень толпы, тамъ гдѣ сила заключается въ нихъ; народныя массы не могутъ извлекать изъ нея выгоды и всегда остаются къ ней совершенно равнодушными. Кто же явился бы въ Россіи охранителемъ новыхъ правъ?

Съ другой стороны, понятна логика англійской консти-

туціи, вѣнчающей самоуправленіе каждой общественной ячейки высшимъ самоуправленіемъ государственнымъ; но при нынѣшнемъ складѣ Россіи намъ могла бы быть дана лишь конституція на французскій или прусскій ладъ, въ силу которой всѣми отправленіями народной жизни завѣдываетъ полновластное чиновничество подъ прихотливымъ надзоромъ представительныхъ собраній. Для осуществленія такого образца, дѣйствительно, можно пришить къ нашимъ нынѣшнимъ учрежденіямъ палату выборныхъ и наружно новая Франція будетъ готова. Не ясно ли однакожъ, что именно вслѣдствіе непомѣрности задачи, удержанной за собою французскимъ правительствомъ, вслѣдствіе поглощенія имъ въ себѣ всѣхъ видовъ публичной дѣятельности и власти, съ устраненіемъ всякаго мѣстнаго самоуправленія, всякой отвѣтственности общества за свои дѣйствія, вслѣдствіе удерживаемой имъ опеки надъ частными дѣлами подданныхъ, никакая форма его не можетъ угодить большинству, съ него требуютъ отвѣта за все, и черезъ самый короткій срокъ вновь передѣланная форма правительства снова становится ненавистной, чѣмъ болѣе всего объясняются постоянные французскіе перевороты. Очевидно, что въ такомъ видѣ никакое правительство не можетъ дать даже половины того, чего отъ него требуютъ. Въ глазахъ частнаго человѣка, вынужденнаго проходить черезъ двадцать инстанцій для устройства переѣзда черезъ рѣченку, пересѣкающую его землю, какъ это происходитъ во Франціи, администрація совершенно закрываетъ правительство; народъ переноситъ на правительство всякую досаду, причиненную ему мелкимъ мѣстнымъ агентомъ. Когда разъ идетъ рѣчь о преобразованіяхъ, то увѣнчанія ли такихъ порядковъ желать намъ? Современная русская тяжба возникаетъ не между Царемъ и народомъ, какъ на западѣ, а между бюрократическимъ полчищемъ и вѣрною Царю землею. Непроходимая грань между Россіей и западно-европейскими странами, недопускающая подражанія имъ еслибъ даже того пожелали, состоитъ въ томъ именно, что

у насъ уцѣлѣлъ народъ, вопреки которому не можетъ быть предпринято никакой коренной перемѣны; на западѣ же народъ постоянно отдаетъ наростъ своихъ силъ буржуазіи и самъ остается безличнымъ, съ нимъ не считаются. Парламентаризмъ составляетъ лекарство, наименѣе подходящее къ современному русскому недугу. Какой парламентаризмъ сверху можетъ распутать хаосъ нашихъ домашнихъ мѣстныхъ дѣлъ, поставить русскаго человѣка хозяиномъ своего угла, въ чемъ заключается наша главная современная задача? Намъ нужна жизнь, а не ученый механизмъ. Конституція не исправляетъ недостатковъ обычнаго народнаго строя, она есть ни что иное какъ оборонительная мѣра большинства противъ власти, утратившей его довѣріе; у насъ же громадное большинство довѣряетъ одной верховной власти. Противъ кого же конституція и со стороны кого? Даже теперь, при нынѣшней безгласности, ощутительно уже мнѣніе большинства о несогласимости западныхъ началъ съ нашею народною жизнію, о безплодности попытки — слить конституціонныя формы, желательныя и въ Европѣ однѣмъ культурнымъ сословіямъ, съ высшимъ началомъ всесословнаго и земскаго Царя, обусловливающимъ развитіе совсѣмъ инаго порядка. Насъ можетъ вылечить только историческая власть, стряхнувшая съ себя отжившія преданія, какъ сдѣлалъ Петръ великій. Не избавившись дарованіемъ конституціи ни отъ одной изъ разъѣдающихъ насъ язвъ, правительство, во первыхъ, лишило бы себя даже свободы дѣйствій къ уврачеванію ихъ, вооруживъ политическими правами людей, наиболѣе заинтересованныхъ въ охраненіи отжившихъ формъ; во вторыхъ, представило бы свѣту зрѣлище по истинѣ потѣшное: преимущественно своихъ собственныхъ чиновниковъ въ качествѣ представителей народа, не знающаго и не хотящаго ихъ знать, но тѣмъ не менѣе беззастѣнчиво наступающихъ на власть, вслѣдствіе разрѣшенія даннаго властію же.

Очень естественно, что конституція на французскій об-

разецъ составляетъ мечту значительной части русскаго чиновничества, вмѣстѣ съ денежной жидовщиной и тою частію печати, которую можно также назвать чиновничьею. Даже люди, злоупотребляющіе властію для личной выгоды, желаютъ того же, отлично понимая, что сочиненная конституція, спутывая еще болѣе непроглядность нашихъ домашнихъ дѣлъ, нисколько не помѣшала бы ихъ оборотамъ. Понятно какъ было бы лестно, удобно и выгодно всякому крупному чиновнику засѣсть въ палатѣ представителей, укрѣпить свое служебное положеніе политическимъ и дѣйствовать обѣими руками — на управляемыхъ въ качествѣ агента власти, на власть—въ качествѣ избранника управляемыхъ. Но только подобное нововведеніе, (еслибъ даже оно могло найдти для себя опорныя точки, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ) на первыхъ порахъ довольно невинное, привело бы со временемъ къ растлѣнію коренныхъ русскихъ началъ, которыми все у насъ держится, отучая народъ видѣть въ чемъ либо прямое проявленіе царской воли, и не имѣя въ замѣнъ ея обаянія равно ничего, даже въ будущемъ; привело бы также къ явной рознѣ культурнаго слоя съ народомъ, уживающихся нынѣ подъ общимъ покровомъ верховной власти, но ничѣмъ инымъ между собою не связанныхъ; къ рознѣ, отъ которой не далеко уже до всякихъ потрясеній, чего наши любители конституціи въ своей слѣпотѣ не предвидятъ. Существующее же нынѣ недовольство общею обстановкою было бы разсѣяно новизной конституціи развѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ самая обстановка, вызывающая недовольство, осталась бы неприкосновенной. Такъ было бы въ случаѣ, еслибъ подражательный русскій парламентъ имѣлъ время обнаружить свои послѣдствія; въ дѣйствительности же, по всей вѣроятности произошло бы иное. Зная среду, изъ которой онъ былъ бы преимущественно набранъ, можно не сомнѣваться, что этотъ парламентъ, вызванный къ бытію единою властію и никѣмъ инымъ, серіозно вообразилъ бы

себя представителемъ народа и сталъ бы дѣйствовать соотвѣтственно такой увѣренности. Власть, сознающая свое всемогущество и не привыкшая къ снисхожденію постепенно, не выдержала бы и прекратила это зрѣлище (дѣйствительно зрѣлище) гораздо ранѣе срока, къ удовольствію низшихъ и большей половины высшихъ сословій. Произвольно присочиненная къ нашей исторіи попытка закрыла бы на долго путь къ развитію, дѣйствительно осуществимому и плодотворному.

Нельзя наконецъ не видѣть, что никакое окончательное рѣшеніе, обусловливающее на долгій срокъ общественное устройство, невозможно еще въ современной Россіи, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Мы не знаемъ покуда въ точности ни своихъ силъ, ни почвы, на которой стоимъ. Изо всѣхъ послѣднихъ преобразованій, выработанныхъ офиціальной средой, вышло на дѣлѣ совсѣмъ не то чего отъ нихъ ждали; можно думать, что окончательное произведеніе этой среды оказалось бы не болѣе удачнымъ чѣмъ предшествующія частныя. Предрѣшать невозвратно вопросы будущаго при такомъ состояніи невѣденія даже настоящаго, значило бы не устроивать это будущее, а добровольно его подкапывать. Россіи нужно покуда не окончательное рѣшеніе, а достаточный просторъ общественной дѣятельности и достаточное сближеніе ея съ властію, для того чтобы назрѣвающія потребности могли свободно облекаться, одна за другой, соотвѣтствующими имъ формами, выдерживая повѣрку опыта и дополняя себя взаимно, пока изъ нихъ сложится постепенно нѣчто цѣлое. Намъ нужны учрежденія, выработанныя жизнію а не измышленныя канцеляріями.

Въ общемъ выводѣ несомнѣнно что у насъ мечтаютъ о конституціи и парламентаризмѣ одни безпочвенные люди (правда ихъ много), принимающіе, именно вслѣдствіе безпочвенности, свой единомышленный кружокъ за Россію.

Но если сочиненная конституція не могла бы повести

Россію ни къ чему доброму, то изъ этого не слѣдуетъ чтобы можно было длить нынѣшнее тягостное состояніе — послѣдствіе и продолженіе слишкомъ долгаго стѣсненія русской жизни. Такое положеніе дѣлъ, при которомъ нельзя найдти во всемъ государствѣ ни однаго довольнаго человѣка (что не подлежитъ сомнѣнію), при которомъ даже официальные люди, пользующіеся самымъ беззастѣнчивымъ образомъ неурядицей для своихъ личныхъ выгодъ, не стѣсняются выражать недовольство громче и рѣзче чѣмъ самыя жертвы неурядицы; при которомъ образованное общество и простой народъ заодно чувствуютъ неудобство своей обстановки — такое положеніе становится нравственно невозможнымъ, независимо даже отъ способовъ, которыми недовольство могло бы выразиться. Когда открытыхъ путей для него не существуетъ, то оно выказывается въ видѣ снисхожденія къ презираемому нигилизму, потому только что онъ, возставая противъ всего на свѣтѣ, возстаетъ между прочимъ и противъ нашихъ нынѣшнихъ порядковъ. Никакое человѣческое общество не можетъ долго выдерживать поголовнаго недовольства, во всякомъ случаѣ не безпричиннаго. Путь къ исходу изъ этаго положенія, духъ, связь, размѣры и формы желаемаго простора, всѣ эти вопросы конечно ставятся только покуда, разрѣшенія ихъ ожидаютъ всецѣло отъ власти; но ставятся они открыто и всѣми.

VIII ПИСЬМО.

Мы стоимъ въ настоящее время на перепутьи, съ котораго двѣ противуположныя силы влекутъ насъ и непремѣнно увлекутъ на одинъ изъ двухъ путей: или на путь историческаго развитія русской жизни, или же на путь увѣковѣченія искуственнаго устройства воспитательной эпохи, увѣнчаннаго искуственною же конституціей на западный ладъ, что будетъ равняться совращенію съ пути и такой неизвѣстности во всемъ, о какой нельзя покуда даже составить себѣ понятія.

Первое рѣшеніе, окончательное упраздненіе петровскихъ порядковъ, развитіе правильно поставленныхъ земскихъ учрежденій до законнаго ихъ предѣла, основанное на Царскомъ словѣ, безъ хартій и обязательствъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, однимъ словомъ, возвращеніе на начальный путь Царственнаго дома Романовыхъ, прерванный воспитательнымъ періодомъ, такой исходъ не ставитъ никакой неизвѣстности ни передъ правительствомъ, ни передъ народомъ. Если при этомъ есть вопросъ, то одинъ только: необходимость для правительства стать снова правительствомъ земнымъ, какимъ оно было до Петра великаго, отказаться отъ роли Провидѣнія, ведущаго русскаго человѣка два почти уже столѣтія къ неизвѣстнымъ ему цѣлямъ безъ его вѣдома и спроса. Освобожденіе крѣпостныхъ было очевидно послѣднимъ дѣйствіемъ, которое можно было совершить въ такомъ духѣ. Роль судьбы, не совмѣстимая съ человѣческими силами,

вынужденно принятая на себя великимъ преобразователемъ и пережившая свой законный срокъ, стала причиной оцѣпенѣнія общества, церкви и отдѣльно каждаго русскаго человѣка какъ гражданина, стала источникомъ всѣхъ затрудненій, удручающихъ нынѣ правительство и подданныхъ.

Развитіе земскихъ учрежденій до высшаго предѣла, до учрежденій всероссійскихъ, не ставитъ вопроса ни объ источникѣ власти, ни о раздѣленіи властей въ государствѣ, въ противуположность развитію конституціонному, существенно основанному на такомъ дѣленіи. По русскому сознанію, на сколько оно русское а незаимствованное, Царь, какъ источникъ власти, и личная его совѣсть, охранительница всякой правды, составляютъ краеугольный камень государственнаго зданія. Смыслъ земскаго самоуправленія не подразумѣваетъ и не можетъ подразумѣвать никакого формальнаго опредѣленія правъ Государя; онѣ установляются нравственными отношеніями и обоюдною привычкою. Перенесеніе основаній на земство не перемѣняетъ центра тяжести государственной власти, а ведетъ лишь къ обновленію орудій и способовъ ея дѣйствія. Съ устраненіемъ же канцелярскаго возраженія о своихъ людяхъ, остается только одинъ вопросъ, если онъ вопросъ: возможно ли и желательно ли дальнѣйшее продленіе безцѣльной, безсильной, имѣвшей значеніе лишь для своего времени, разорительной бюрократической опеки воспитательнаго періода?

Въ Россіи не можетъ возникнуть вопроса о томъ, кому управлять? Всякій знаетъ кому. Выдвигается лишь вопросъ о томъ, чрезъ кого управлять. Въ этомъ и заключается наше коренное отличіе отъ западныхъ государствъ. Правительству болѣе чѣмъ выгодно въ настоящее время всеобщихъ недоразумѣній, чтобы неизбѣжные промахи мѣстныхъ управленій и нареканія на нихъ, главный источникъ недовольства, падали не на власть, а на самихъ управляемыхъ, которые должны заботиться и въ концѣ концовъ пріучаться заботиться о своей пользѣ.

Земскія учрежденія идутъ до сихъ поръ плохо, но по причинамъ, которыхъ имъ нельзя прямо ставить въ вину. Во первыхъ, чего можно ждать отъ спеленанныхъ земствъ, которымъ дано не право и возможность, а лишь позволеніе развиться посреди государства, поглощающаго почти всѣхъ годныхъ людей и всѣ средства земли на казенную службу, которыя вынуждены облагать новыми поборами населенія, и безъ того до крайности обремененныя, для устройства первоначальныхъ и необходимѣйшихъ ихъ нуждъ, одновременно съ тѣмъ какъ удвоиваются расходы на бюрократическія учрежденія, сдавшія земству главныя свои занятія? Во вторыхъ, факты и общій голосъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, на сколько уставы о земскихъ учрежденіяхъ оказались искуственными: съ одной стороны эти учрежденія, связанныя съ народными массами только наружно, не могутъ руководить ими; съ другой же стороны, напротивъ, проникнуты самымъ ложнымъ демократизмомъ. Сельское населеніе, представляемое въ земскихъ учрежденіяхъ посредствомъ тройнаго косвеннаго выбора, т. е. совершенной фикціи, придаетъ имъ своею безгласностію свойства мѣстнаго кумовства, а потому остается въ отношеніи къ нимъ чуждымъ и равнодушнымъ; а въ тоже время эта котерія мѣстныхъ дѣльцовъ основана на цензѣ владѣнія тремя стами десятинами земли, стоющей въ иныхъ мѣстностяхъ по четвертаку за десятину, что допускаетъ въ выборы самое явное барышничество. Въ городахъ же лучшіе слои населенія, люди осѣдлые и издерживающіе по тысячамъ рублей за квартиру, устранены отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи въ пользу прикащиковъ, платящихъ два рубля налога съ торговаго свидѣтельства. Дошло же до того что цѣлые округа на Дону просили объ отмѣнѣ самоуправленія въ его нынѣшнемъ видѣ. При нашемъ историческомъ складѣ плодотворно только дѣйствительное, не фиктивное единеніе народныхъ массъ съ развитыми слоями ихъ мѣстности; отдѣльно, тѣ и другіе безпомощны. Затруднительно винить русское общество за то, что оно

недовольно старательно пользуется тѣмъ, чѣмъ не можетъ хорошо пользоваться. Въ третьихъ, слишкомъ извѣстно что администрація умышленно, изъ обычной ревности къ своей власти, не давала и не даетъ окрѣпнуть земскому самоуправленію. Лучшіе люди его были систематически заподозрѣваемы въ неблагонадежности, утвержденіе его постановленій преднамѣренно оттягивалось на неопредѣленное время, данныя права постепенно урѣзывались новыми толкованіями. Одно время въ официальной средѣ принималось даже за принципъ, что земское учрежденіе противорѣчитъ основному складу нашего государства, и въ силу того, уничтоживъ дворянство въ корнѣ какъ сословіе, стали снова вызывать его тѣнь. Какая была охота серьознымъ людямъ брать на себя неблагодарный трудъ земской службы при такой обстановкѣ? Очень естественно что она стала приманкой для людей, ищущихъ въ ней только личной, а не общей пользы.

Сказаннаго еще недостаточно. Еслибъ всѣ исчисленныя препятствія, затормозившія земское дѣло, могли быть немедленно устранены, то конечно нѣкоторыя отправленія мѣстной жизни пошли бы лучше, но общее положеніе не было бы тѣмъ значительно исправлено. Благотворныя послѣдствія не могутъ истекать изъ слишкомъ односторонніхъ началъ. Россіи нужны не улучшенныя, а совсѣмъ иныя земскія учрежденія. Давно выяснилось что наше земство въ его настоящемъ видѣ вовсе не составляетъ части государственныхъ порядковъ; что оно не что иное что какъ частное товарищество, которому разрѣшено заниматься его личными, придуманными имъ для себя дѣлами. Тамъ гдѣ мѣстное самоуправленіе дѣйствительно введено въ государственный строй, какъ въ Англіи, оно служитъ основаніемъ всей правительственной администраціи, составляетъ нижній, но самостоятельный ея этажъ. Извѣстный графъ С. Р. Воронцовъ, излагая англійскіе порядки по поводу учрежденія у насъ министерствъ, объяснялъ (вѣроятно къ великому удивленію послѣднихъ), что въ Англіи должность статсъ-секретаря по

внутреннимъ дѣламъ означаетъ только кресло въ министерствѣ, что у него почти нѣтъ занятій, такъ какъ мѣстныя дѣла начинаются и кончаются въ графствахъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность этого сановника нѣсколько расширилась, но только потому, что крайне исключительный складъ англійскаго землевладѣльческаго класса внушалъ ему заботу лишь объ общественномъ порядкѣ, а не объ улучшеніи быта низшихъ сословій, что и вынудило правительство вступиться въ это дѣло; у насъ же такой опасности никакъ не предвидится. Мы, русскіе люди, не мечтаемъ даже о доставленіи подобнаго спокойствія нашему министру внутреннихъ дѣлъ; но мы понимаемъ что земскія учрежденія могутъ стать дѣйствительностію тогда лишь, когда изъ частнаго товарищества они обратятся въ звено, правильнѣе подслойку общаго управленія, когда они станутъ полными хозяевами мѣстности, принявъ въ свои руки всю экономическую и бытовую мѣстную жизнь, и когда губернскія и уѣздныя учрежденія, къ которымъ они покуда приставлены особнякомъ, будутъ переработаны въ связи съ ними, утверждены на земскомъ самоуправленіи какъ на своемъ основаніи, что потребно одинаково въ видахъ экономіи и цѣльности государственнаго устройства. Покуда же задача земства, имѣющая въ виду огульное мѣстное процвѣтаніе, безъ прямой связи съ дѣйствующими общими порядками, по своей неопредѣленности и односторонности не можетъ считаться серьозной задачей. На тридцать милліоновъ ежегодно, которыхъ оно стоитъ народу сверхъ государственныхъ податей, можно было бы вѣроятно удовлетворить болѣе потребностей, строить болѣе школъ и больницъ, содержать въ лучшей исправности мосты и дороги, чѣмъ то возможно земству, расходующему едвали не половину сбора на свой личный составъ. При нынѣшнемъ назначеніи этого учрежденія оно должно считаться крайне неудачнымъ, слишкомъ дорогимъ и обременительнымъ для народа сравнительно съ своею цѣлію. Понятно, когда на извѣстной степени народнаго развитія правительственная власть выдѣляетъ въ

руки общества изъ казенной администраціи заботы о мѣстныхъ распорядкахъ, за которыми не можетъ хорошо присмотрѣть, но выдѣляетъ вмѣстѣ съ личными силами, вещественными средствами, властію и кругомъ дѣйствія, которыми само располагало прежде на этотъ предметъ; когда обязанности земства и общей администраціи ясно разграничены между собою; когда мѣстное самоуправленіе, дѣйствуя въ указанныхъ ему предѣлахъ, не подчиняется никому кромѣ верховной власти и закона; иначе должно выйдти, какъ и вышло у насъ, какое то филантропическое общество, съ принудительнымъ сборомъ въ свою пользу.

По всей вѣроятности самый надежный путь для упроченія живыхъ земскихъ учрежденій заключался въ развитіи первоначальнаго установленія мировыхъ посредниковъ; въ ихъ лицѣ видимо завязывалась плодотворная связь между разумомъ народныхъ массъ и просвѣщеніемъ высшаго слоя мѣстностей. Кажется что установленіе это было скошено вслѣдствіе ревнивости бюрократіи къ своей власти, и ничего инаго. Тѣмъ не менѣе, нельзя представить себѣ въ Россіи живаго земства иначе какъ при двухъ условіяхъ этого упраздненнаго учрежденія; непосредственной связи просвѣщенныхъ руководителей съ крестьянскимъ населеніемъ и самостоятельности ихъ положенія передъ мѣстными властями. Третье условіе заключается въ недѣлимости и самостоятельности круга дѣйствій, въ томъ, чтобы земство стало дѣйствительнымъ хозяиномъ всего хозяйства своей мѣстности, простирая свое дѣйствіе на владѣнія частныя, общественныя и государственныя, распоряжаясь взысканіемъ прямыхъ казенныхъ налоговъ и оброчныхъ доходовъ безъ вмѣшательства со стороны при его исправности, иначе полицейская практика снова обратитъ зарождающееся самоуправленіе въ фикцію. Изъ опыта полутора десятка лѣтъ вызрѣли еще многія весьма распространенныя убѣжденія о необходимыхъ измѣненіяхъ въ земскомъ положеніи, убѣжденія, которыя правительству легко провѣрить: о передачѣ земству надзора за крестьян-

скимъ управленіемъ, о прямомъ выборѣ гласныхъ сельскимъ населеніемъ, о возстановленіи званія мировыхъ посредниковъ въ лицѣ нынѣшнихъ мировыхъ судей, какъ въ Англіи, о снятіи съ этихъ судей по мѣрѣ возможности узкихъ рамокъ 10-го тома свода законовъ, о перенесеніи всякихъ административныхъ послугъ изъ волостей въ мировой участокъ, и прочее. Съ признаніемъ кореннаго начала, на которомъ только и можетъ быть установлено живое земство, эти послѣдствія выяснятся сами собою.

Очевидно что развитіе земской самодѣятельности обусловливается на практикѣ духомъ отношеній къ ней, степенью безпристрастія государственнаго управленія въ областяхъ.

Обновленіе русскаго государственнаго строя не осуществится вполнѣ, будетъ на первыхъ же порахъ сбито съ прямаго пути, если необходимое правительственное руководство земскими учрежденіями станетъ проводиться по нынѣшнему, чрезъ министерскія канцеляріи. Опытъ не позволяетъ въ томъ сомнѣваться. Между двумя такими противуположностями въ одномъ и томъ же отправленіи немедленно возникнетъ противодѣйствіе, а какъ столичныя канцеляріи сильнѣе областнаго земства, что онѣ очень скоро вытравлятъ изъ послѣдняго самостоятельность, даже въ той мѣрѣ какая у насъ пока возможна. Русскій министръ не въ состояніи слѣдить лично за отправленіями областной жизни. Онъ судитъ о потребностихъ за глаза и рѣшаетъ послѣ перекройки и переоцѣнки ихъ на каждой изъ многочисленныхъ ступеней іерархической лѣстницы; въ этомъ отношеніи именно начальникъ отдѣленія сильнѣе министра. Русскій губернаторъ не имѣетъ также достаточнаго значенія для самостоятельнаго дѣйствія по совѣсти; онъ не болѣе какъ чиновникъ, на котораго каждый министерскій департаментъ смотритъ съ высока. Связью между правительствомъ и земствомъ можетъ служить только довѣренное Государемъ лицо, дѣйствующее на мѣстѣ, генералъ-губернаторъ или по старинному намѣстникъ. Въ краяхъ, гдѣ извѣдано

значеніе высшаго посредника между правительствомъ и населеніемъ, какъ напримѣръ въ Новороссійскомъ, всѣ того мнѣнія, что безъ мѣстнаго правителя, имѣющаго прямой доступъ къ Государю, не только теряется связь между мѣстностями, связанными общими интересами, но заявленія о потребностяхъ страны сейчасъ же сводятся на гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Учрежденіе высшихъ мѣстныхъ управленій не пошло у насъ, они упразднялись по всякому удобному предлогу единственно вслѣдствіе ревнивости министерскихъ канцелярій, которымъ гораздо удобнѣе дѣло имѣть съ губернаторомъ изъ своихъ же чиновниковъ, чѣмъ съ самостоятельнымъ лицомъ. Вся дѣйствительная власть замкнулась такимъ образомъ въ столицѣ, въ областяхъ остались лишь ея безгласные приказчики, чѣмъ и обусловилось нынѣшнее исключительно канцелярское управленіе, замѣняющее дѣло формальностію, пугающееся всякаго проявленія жизни, какъ задачи для него непосильной. Послѣдствіемъ вышло то, что самодержавіе ихъ верховнаго начала обратилось въ бюрократическій произволъ, надъ которымъ Государь въ дѣйствительности не властенъ. Разумѣется подъ такимъ управленіемъ развитіе земской жизни немыслимо. Лично для русскаго Царя самостоятельные земцы—вѣрные слуги и подданные; для министерскихъ канцелярій—они подданные бунтующіе. Всѣ мыслящіе люди у насъ одного мнѣнія въ этомъ отношеніи: снять съ груди Россіи такой спудъ, не дающій ходу ни какому живому дѣлу, можно однимъ только средствомъ—разсредоточеніемъ власти. Пусть правитъ нами Государь лично посредствомъ своихъ довѣренныхъ людей, а не начальники отдѣленій, на которыхъ нѣтъ управы какъ на силу безличную, почти стихійную. Но разсредоточеніе посредствомъ большей самостоятельности губернскихъ учрежденій, хотя необходимое само по себѣ, не представляетъ въ такомъ случаѣ дѣйствительнаго лекарства. Голосъ губерніи, составляющей около одной сотой части имперіи, не будетъ имѣть надлежащаго вѣса, и сто безъ малаго губернаторовъ не

могутъ быть ничѣмъ инымъ какъ подчиненными чиновниками. Въ областяхъ же нужны не подчиненные министровъ, а люди имѣющіе прямой доступъ къ Государю. Для такого лица, генералъ-губернатора или намѣстника, земство и его нужды представляютъ не огульное понятіе, какъ для министра; онъ имѣетъ дѣло съ живыми людьми, нуждается въ ихъ содѣйствіи, а потому стоитъ за нихъ. Кромѣ того, такое безмѣрное государство какъ Россія естественно дѣлится на полосы, представляющія значительные оттѣнки экономическіе и этнографическіе и свои мѣстныя нужды, общія для нѣсколькихъ губерній. Подъ рукою умнаго генералъ-губернатора, особенно при взаимной связи земствъ ввѣренныхъ ему губерній, эти нужды могутъ добиться своего отдѣльнаго удовлетворенія, между тѣмъ какъ въ рукахъ самаго умнаго министра онѣ сливаются въ общую заботу о благѣ Россіи, слишкомъ широкую для одиночнаго пониманія. Можно оставить при этомъ заботу о цѣльности государства; на всемъ пространствѣ занимаемомъ русскимъ племенемъ, оно спаяно на вѣки еще московскими князьями и царями, и не нуждается болѣе въ попеченіи петербургскихъ канцелярій.

Безъ сомнѣнія дѣйствія генералъ-губернаторовъ должны быть объединяемы сообразно съ видами правительства, на сколько то допускается разнообразіемъ мѣстныхъ условій. Общее направленіе принадлежитъ естественно министрамъ, какъ непосредственнымъ органамъ верховной власти; но между такимъ способомъ управленія и нынѣшнимъ лежитъ цѣлая бездна. Руководить дѣйствіями генералъ-губернатора въ отношеніи къ земству и всему прочему министры будутъ и могутъ не иначе какъ лично, теперь же отправленіями областной жизни завѣдуютъ безотвѣтно ихъ начальники отдѣленій. Раскроеніе Россіи на сто разъединенныхъ губерній, зависимыхъ до мелочности отъ центральныхъ канцелярій (иначе это и быть не можетъ), отдаетъ управленіе государствомъ въ руки столоначальниковъ и исключаетъ возможность всякаго подъема мѣстной жизни. Нужны конечно не

временные генералъ-губернаторы съ чрезвычайными полномочіями, а правители однородныхъ полосъ Россіи съ властію строго законною, въ лицѣ которыхъ мѣстное самоуправленіе ввѣренныхъ имъ губерній соприкасалось бы прямо съ верховною властію. Подъ руководствомъ довѣренныхъ лицъ гражданскіе губернаторы остались бы начальниками администраціи и полиціи своей губерніи, съ отстраненіемъ отъ нихъ всякой политической задачи, въ общемъ итогѣ для нихъ непосильной.

Если для веденія дѣлъ внѣ спеціальныхъ вѣдомствъ нужны только полицейскіе чины и губернаторы съ своей канцеляріей, а для направленія дѣйствій высшихъ представителей власти въ областяхъ требуется единоличное, отнюдь не канцелярское руководство со стороны министровъ, то очевидно въ какой степени можетъ сократиться такимъ преобразованіемъ личный административный составъ. Цѣлыя вѣдомства могутъ быть почти безъ остатка растворены въ земствѣ, а другія, спеціальныя, отдать ему же очень многія, вовсе не спеціальныя отрасли управленія, случайно попавшія въ ихъ руки. Кромѣ сказанныхъ сокращеній, упраздненіе столькихъ учрежденій, ставшихъ излишними въ своемъ полномъ составѣ или въ частяхъ послѣ недавнихъ преобразованій, также другихъ, хозяйственныхъ, оказывающихся безполезными по сравненію приносимаго ими дохода съ расходомъ, дастъ еще огромный остатокъ. Даже самыя спеціальныя вѣдомства, какъ финансовое, подлежатъ чрезвычайному сокращенію, что ставится внѣ сомнѣнія посредствомъ простаго сличенія нашихъ штатовъ съ иностранными въ статьяхъ, не представляющихъ никакой разницы мѣстныхъ условій. Кто приходилъ напримѣръ въ нашу таможню за полученіемъ сущей бездѣлицы и кого пересылали, въ продолженіи многихъ часовъ, черезъ 18 разныхъ отдѣленій, при смѣхѣ чиновниковъ, не скрывающихъ своего глумленія надъ подобными порядками, тотъ знаетъ по опыту, есть ли что сокращать въ нашихъ финансовыхъ учреж-

деніяхъ. Также и государственному контролю подобаетъ скорѣе быть контрольнымъ департаментомъ сената а не министерствомъ, и стоитъ милліонъ вмѣсто четырехъ милліоновъ. Кромѣ того, при замѣщеніи бюрократическаго надзора личнымъ, подлежатъ упраздненію всѣ инстанціи, не имѣющія инаго назначенія кромѣ взаимной повѣрки одной другою; нѣтъ по этому ни одного вѣдомства въ Россіи, кромѣ учебнаго и послѣреформеннаго судебнаго, которое не подлежало бы большому сокращенію. Какъ только русская власть приметъ рѣшеніе сойдти съ бюрократическихъ подмостокъ на природную почву, безмѣрное излишество и гнилость этихъ опустѣвшихъ подмостокъ изумитъ всѣхъ.

Достиженіе этой цѣли немыслимо однакожъ иначе какъ при посредствѣ земскихъ людей. Я высказалъ уже въ первомъ письмѣ мнѣніе объ этомъ предметѣ. Ни у какого вѣдомства не достанетъ самоотверженія добровольно рѣзать себя по живому тѣлу. Еслибъ даже всѣ главныя начальники управленій пошли искренно на такое личное для себя преобразованіе, то второстепенные дѣльцы офиціальной среды, отъ которыхъ зависитъ практическій исходъ, никакъ не станутъ жертвовать своими прямыми выгодами для отвлеченной пользы государства. Изъ всякой попытки сократить чиновничество собственными его руками выйдетъ тоже, что выходило изъ столькихъ коммисій для сокращенія расходовъ—новый расходъ на коммисію.

Сокративъ казенную администрацію до размѣровъ соотвѣтствующихъ ея прямому назначенію — служить орудіемъ руководящимъ общественною дѣятельностію, не трудно уже будетъ довести ее до состоянія образцовой и вполнѣ правительственной, выкинуть изъ нея неблагонадажныя прослойки. Матеріаломъ для обновленной администраціи послужитъ все земство съ его наиболѣе выдающимся дѣятелями, упразднивъ конечно табель о рангахъ, основный столбъ петровской эпохи. Всѣ властные люди, распорядители офиціальной среды, должны были бы впредь поставляться у насъ землею, выбираться правительствомъ изъ людей заявившихъ себя въ об-

щественной дѣятельности и облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, а не изъ выростающихъ на канцелярскомъ полѣ. Безъ такого обновленія ни правительству, ни намъ всѣмъ нельзя больше жить. При нынѣшнемъ административномъ составѣ, проникнутомъ въ большинствѣ, вслѣдствіе своей вѣковой отчужденности отъ почвы, путаницей самыхъ неправительственныхъ и нерусскихъ понятій и наклонностей, власть не знаетъ на кого ей можно положиться, а земля чувствуетъ въ официальной средѣ стихію чуждую себѣ, почти противоположную. Безъ настойчиваго, постепеннаго обновленія высшаго слоя администраціи изъ общественной среды, безъ полнаго измѣненія порядковъ, на основаніи которыхъ онъ до сихъ поръ набирался, наше отечество останется раздвоеннымъ въ себѣ и безсильнымъ воплотить въ жизнь самыя благія начинанія сверху, самыя зрѣлыя ожиданія снизу.

IX ПИСЬМО.

Очевидно преобразованіе должно начаться снизу. Постройка крыши безъ фундамента, передѣлка центральныхъ учрежденій при увѣковѣченномъ гнетѣ чиновничества, остающемся безъ измѣненія подъ всѣми видами правительства,— мы видѣли къ чему эти пріемы приводили на материкѣ Европы. Даже при революціяхъ тамъ нѣтъ рѣчи о дѣйствительномъ освобожденіи гражданъ, споръ идетъ только о томъ, кто и подъ какими формами будетъ отдавать приказанія казенной части населенія, правящей населеніемъ «партикулярнымъ». У насъ не можетъ быть помина о подобномъ порядкѣ переустройства, такъ какъ при цѣльности государственнаго начала вверху, форма центральныхъ учрежденій обусловливается исключительно порядками, на которыхъ основано мѣстное управленіе землею, не имѣетъ иной цѣли какъ наилучшее примѣненіе къ послѣднимъ для руководства ими; составъ и кругъ дѣйствія учрежденій государственныхъ опредѣляется практически правами, предоставляемыми управленіямъ губернскимъ и уѣзднымъ, въ связи съ земствомъ. Участіе общественнаго мнѣнія въ правительственныхъ рѣшеніяхъ зависитъ у насъ всецѣло отъ степени его самостоятельности въ мѣстныхъ дѣлахъ. Нельзя говорить съ толкомъ о формахъ правительства—которыя при самодержавіи, какъ общемъ источникѣ власти, могутъ быть столь же разнообразны какъ при всякомъ другомъ—не рѣшивъ вопроса объ управленіи уѣздномъ, иначе выйдетъ бюрократическая

передѣлка на образецъ Сперанскаго, съ присутствіемъ или безъ присутствія земскихъ людей, это еще весьма не много значитъ. Кромѣ того, главная и основная задача текущаго времени, преобразованіе экономическое, облегченіе и оживленіе производительнаго труда, доступно высшему правительству не иначе какъ въ видѣ общихъ мѣръ, затрогивающихъ только наружную сторону дѣла, между тѣмъ какъ оно обѣщаетъ плодотворныя послѣдствія лишь при чрезвычайно разнообразномъ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ, къ чему способны только земскія и мѣстныя силы, каждая въ своей клѣткѣ, а никакъ не канцеляріи, всего же менѣе центральныя. По мнѣнію, начавшему складываться въ очень опредѣленную форму, приступъ къ необходимому преобразованію можетъ начаться успѣшно только въ мѣстныхъ комитетахъ, подобныхъ тѣмъ которые были созваны для подготовки предварительныхъ работъ при освобожденіи крѣпостныхъ. Лишь въ этихъ первоначальныхъ ячейкахъ можетъ выработаться дѣйствительно русское мнѣніе о нашихъ неотложныхъ вопросахъ для освѣщенія правительству дальнѣйшаго пути. Совѣщательная работа комитетовъ протянется долго, будетъ время зрѣло обдумать сверху каждый послѣдовательный шагъ.

Когда правительству угодно будетъ вступить на этотъ путь, что произойдетъ ранѣе или позднѣе, но произойдетъ непремѣнно, если только мы не изнасилуемъ своей исторіи, то къ осуществленію плана будетъ приступлено конечно съ рѣшеніемъ довести его до конца, не торопясь, заложивъ предварительно прочное основаніе, но не упуская напрасно времени. Исходъ извѣстенъ. Мы имѣемъ на своей сторонѣ то неоцѣненное преимущество, что идя впередъ идемъ къ извѣстному, возвращаемся къ духу учрежденій, упрочившихъ на престолѣ нынѣ царствующій Домъ. Черезъ нѣсколько времени послѣдовательный рядъ мѣръ, расширяющихъ права земства и сближающихъ его съ властію, приведетъ нечувствительно, безъ измѣненія въ коренныхъ законахъ и безъ

видимаго перелома, къ всероссійскимъ совѣщательнымъ земскимъ сборамъ, свободно созываемымъ властію. При этомъ Богъ избавитъ насъ, покуда стоитъ Россія, отъ какого либо клочка бумаги, похожаго на хартію, даже отъ тѣни договора между Русскимъ Государемъ и его народомъ. Сначала самодержавное слово и рядъ преобразованій, нечувствительно открывающихъ новую эру русской исторіи, впослѣдствіи— обоюдная привычка замѣнятъ намъ всякія хартіи. Нашей верховной власти не съ кѣмъ заключать условій и не за кѣмъ признавать политическихъ правъ, въ виду того, что народное мнѣніе не утвердитъ никакого самоотреченія съ ея стороны. Русскій государь воленъ придавать своему правительству всякія формы, соотвѣтствующія потребностямъ времени, но даже онъ не можетъ совершить невозвратныхъ уступокъ, недѣйствительныхъ въ глазахъ большинства. На весь кругозоръ будущаго, доступнаго въ нѣкоторой мѣрѣ человѣческому предвидѣнію, наши всероссійскіе соборы останутся совѣщательными, освѣщающими передъ властію потребности и желанія страны и разныхъ угловъ ея. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что подавляющее большинство русскихъ людей удовлетворится такими отношеніями, также въ томъ, что при взаимномъ довѣріи между верхомъ и низомъ подобныя отношенія, хотя чисто нравственныя, окажутся вполнѣ достаточными для соглашенія правительственныхъ мѣръ съ народными потребностями и правительственнаго личнаго состава съ его текущими задачами. Совершенно непопулярный министръ станетъ при нихъ невозможнымъ. Судя по коренному взгляду на государственное устройство, пробивавшемуся во всѣхъ славянскихъ земляхъ, не подчинявшихся заноснымъ образцамъ, въ томъ числѣ и въ древней Россіи, сущность нашего дальнѣйшаго развитія будетъ вѣроятно заключаться не въ притязаніи на формальный надзоръ за властію, какъ на западѣ, а въ полюбовномъ размежеваніи съ нею, въ выдѣленіи изъ функцій государственнаго управленія, остающагося неприкосновенно въ рукахъ правитель-

ства, всего что интересуетъ гражданъ лично, всѣхъ ихъ мѣстныхъ, общественныхъ и церковныхъ дѣлъ. Мысль эта требуетъ болѣе полнаго развитія, и я указалъ на нее только вскользь; но и съ перваго взгляда видно, что при подобномъ полюбовномъ размежеваніи узаконенное вмѣшательство одной стороны въ дѣла другой легко замѣняется нравственнымъ давленіемъ, что совѣщательное собраніе вполнѣ достаточно для этой цѣли.

Заявленія нашихъ старинныхъ земскихъ соборовъ никогда не были принудительными для власти, и хотя оставались иногда безъ осуществленія, наравнѣ со столькими правительственными видами (когда обстоятельства препятствовали осуществленію), но тѣмъ не менѣе мы не знаемъ ни одного случая, чтобы эти заявленія были отвергаемы; да такого случая и не могло быть; правительство, живущее въ тѣсномъ общеніи со страной, не имѣетъ повода отвергать вызрѣвшія ея желанія, также какъ земскіе люди, при такихъ отношеніяхъ, не имѣютъ побужденія къ требованіямъ явно не удобнымъ для власти. При оцѣнкѣ русскихъ соборовъ и нѣкоторыхъ, неисполнившихся ихъ желаній, забываютъ, кажется, что и противъ европейскихъ формъ представительства власть вездѣ вооружена правомъ veto, которымъ нынѣ рѣдко пользуется потому только, что уступаетъ *нравственному* давленію, не хочетъ возбуждать неудовольствія страны. Этотъ видъ нравственнаго давленія одинаковъ и при формальномъ парламентѣ, и при совѣщательномъ земскомъ соборѣ; мы не разъ видѣли его дѣйствіе у себя и безъ всякихъ представительныхъ собраній.

По происхожденію и сущности русскаго собора у него всегда было мало общаго съ европейскимъ парламентомъ; при возобновленіи же соборовъ вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія земскихъ учрежденій, общаго окажется еще меньше, такъ какъ выборные земскіе люди будутъ представлять у насъ не огульное настроеніе толпы, господствовавшее во дни выборовъ и имѣющее выразиться впослѣдствіи, въ пар-

ламентѣ, по поводу всякихъ вопросовъ, которыхъ при выборахъ вовсе не имѣлось въ виду, какъ это происходитъ на западѣ; они станутъ представителями опредѣленнаго мнѣнія пославшихъ ихъ земствъ, по вопросамъ заранѣе постановленнымъ, а потому приблизительно уже обсужденнымъ ихъ довѣрителями. — По ходу развитія русской исторіи у насъ выразится передъ правительствомъ не впечатлѣніе, подъ которымъ толпа подходила къ избирательнымъ урнамъ, а мнѣніе, предварительно уже организованное въ своемъ источникѣ, какъ оно получается, хотя подъ другими формами и по инымъ причинамъ, въ англійскомъ избирательномъ слоѣ.

Болѣе отдаленное будущее поставитъ можетъ быть новые вопросы, но когда разъ окрѣпнетъ семейный складъ этого вида отношеній между верховною властію и народнымъ сознаніемъ, то и новые вопросы войдутъ безъ труда въ привычную рамку. Государственный строй, основанный на развитіи нашихъ историческихъ началъ, несомнѣнно окажется прочнымъ уже потому, что въ немъ не будетъ заключаться никакихъ фикцій, на которыхъ строются всѣ конституціи безъ исключенія, что все въ немъ окажется чистой правдой.

Какъ ни настоятельно преобразованіе, нельзя однакожъ упустить изъ виду вопроса о многихъ десяткахъ тысячъ (въ дѣйствительности, со всѣмъ канцелярскимъ штатомъ и всякими прикосновенными званіями, сотняхъ тысячъ) людей, наслѣдственно живущихъ гражданскою службою и не знающихъ другаго занятія; но какъ передѣлка порядковъ управленія не можетъ быть внезапной, подобно отмѣнѣ крѣпостнаго права, то перемѣщеніе служащихъ людей къ новымъ занятіямъ, открываемымъ развитіемъ жизни, произойдетъ исподоволь. Въ началѣ же преобразованій положеніе гражданскихъ чиновниковъ, кромѣ государственной службы для лучшихъ, обезпечивается въ значительной степени переходомъ на службу земскую, которой неоткуда болѣе взять людей для ея расширенной дѣятельности. Но если затѣмъ

осталось бы еще не мало изъ нынѣ служащихъ — чѣмъ болѣе тѣмъ лучше, — которыхъ земство не могло бы вмѣстить, то для устройства этихъ остатковъ, очевидно самыхъ плохихъ въ административномъ составѣ, возможно временное средство: выпускать ихъ въ отставку съ усиленной пенсіей, не дожидаясь истеченія узаконенныхъ для того сроковъ. При нашихъ квартирныхъ, наградныхъ, пособіяхъ на воспитаніе дѣтей и прочемъ, казна останется въ барышѣ съ назначеніемъ самыхъ высокихъ пенсій, кромѣ того что постепенная убыль пансіонеровъ сведетъ черезъ нѣкоторое время этотъ расходъ къ нулю.

Можно слѣдовательно, еслибъ было угодно, двинуть постепенно преобразованіе, не жертвуя ни одной живой душой.

Сущность нашего государственнаго склада не измѣнится скоро вслѣдствіе преобразованія, но отправленія его станутъ гораздо удовлетворительнѣе. Сущность его не можетъ измѣниться пока не перемѣнится глубоко самая Россія, чего придется долго дожидаться. Даже при самоуправленіи, въ теченіе настоящаго столѣтія въ русской землѣ будетъ продолжаться управленіе, только живое. Внизу — оно станетъ отличаться отъ нынѣшняго бюрократическаго своею мѣстною, можно сказать осѣдлою постановкой, не такимъ сбродным какъ теперь и болѣе сознательнымъ подборомъ управляющихъ людей, приставленныхъ ближе къ практическому дѣлу и связанныхъ съ населеніемъ общими интересами, живущихъ не въ безвоздушной офиціальной средѣ, обращающей людей въ космополитовъ — а посреди народа; вверху, сильно улучшенной и сосредоточенной въ рукахъ правительства администраціей, постояннымъ обмѣномъ взглядовъ и чувствъ съ народнымъ мнѣніемъ, непрерывнымъ притокомъ точныхъ данныхъ о положеніи дѣлъ. При такихъ условіяхъ не трудно сложить хорошее правительство въ настоящемъ значеніи слова. Если задача правительства, закончившаго свою временную воспитательную миссію заклю-

чается съ тѣхъ поръ вся, какъ очевидно, въ руководствѣ народными силами, то для осуществленія ея потребно небольшое число способныхъ и преданныхъ людей. Упрощенный до этой степени правительственный механизмъ, нынѣ непроглядный какъ морская пучина, станетъ прозрачнымъ на сквозь, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ связнымъ и единомысленнымъ, чего покуда главнѣйше недостаетъ. Лицо не вѣдомство, представляющее у насъ государство въ государствѣ, оно отвѣтственно, вслѣдствіе чего при личномъ, не канцелярскомъ заправленіи дѣлами, какъ въ столицѣ такъ и въ областяхъ, при сближеніи управляемыхъ съ источникомъ власти, всегда можно добиться ясности. Теперь же, когда высшее правительство не ограничивается руководствомъ, а само всѣмъ управляетъ, все рѣшаетъ въ своихъ центральныхъ канцеляріяхъ, ведетъ издали на помочахъ самомалѣйшее проявленіе русской жизни и вслѣдствіе того необходимо предоставляетъ дѣйствительное завѣдываніе дѣлами мелкимъ чиновникамъ,—теперь не только не можетъ оказаться въ немъ связности и единомыслія, не только управляемые не могутъ имъ удовлетворяться, но самая верховная власть не владѣетъ вполнѣ этимъ орудіемъ, а потому, должно сказать,—давно уже нѣтъ у насъ органическаго правительства въ подлинномъ значеніи слова; есть только источникъ власти и безконечное множество властныхъ людей. Если признается въ современной Россіи какая либо безспорная истина, то именно эта: отсутствіе у насъ органическаго правительства, способнаго преслѣдовать избранныя цѣли совокупностію своихъ силъ безъ раздѣленія въ самомъ себѣ, знающаго своихъ друзей и недруговъ, правительства, на которое добрые граждане могли бы опереться, силою котораго недоброжелатели не могли бы злоупотреблять противъ него самаго.

Иными словами: у насъ нѣтъ правительства *политическаго*, руководящаго русскою жизнію и даже собственными своими мѣропріятіями по ихъ сущности, есть только

правительство *административное*, формальное, представляемое комитетомъ министровъ и довольно многочисленными, не обязанными однородностію направленія, личными докладчиками Государя. Комитетъ министровъ, служащій въ теоріи общею связью между вѣдомствами, въ дѣйствительности можетъ наблюдать только за однородностію и законностію формъ, а не дѣйствій: онъ слишкомъ многолюденъ, члены его принадлежатъ самымъ различнымъ направленіямъ, результатъ его постановленій чисто механическій, основанный на большинствѣ голосовъ, онъ обремененъ мелочами, лишенъ иниціативы, и наконецъ каждый министръ можетъ обойдти его, пользуясь личнымъ докладомъ. Роль комитета кончается подписаніемъ журнала, далѣе онъ ни за чѣмъ не наблюдаетъ и примѣненіе его рѣшенія передается всецѣло подлежащему вѣдомству, въ нашей практикѣ положительно не отвѣтственному.—При нынѣшнихъ порядкахъ управленіе Россіей можетъ объединяться только въ личномъ сознаніи Государя; но такой способъ объединенія былъ пригоденъ лишь при миѳологическихъ династіяхъ боговъ. Въ продолженіе воспитательной эпохи, пока выдвигались только правительственные вопросы и въ Россіи оказывался живымъ лишь одинъ верхній слой, недостатокъ этотъ не такъ бросался въ глаза; теперь иное дѣло.—Всякій нынѣ понимаетъ, что самодержавіе, краеугольный камень русской исторіи въ настоящемъ и будущемъ, означаетъ въ сущности наше родовое опредѣленіе источника власти, также какъ фикція державнаго народа, le peuple souverain, составляетъ его теперь для нѣкоторыхъ другихъ странъ,—съ тѣмъ великимъ преимуществомъ въ нашу пользу, что нашъ принципъ одаренъ живою совѣстію, отсутствующею у втораго,—условіе безмѣрно важное въ рѣшающіе часы исторіи; при обыденномъ же ходѣ дѣлъ все зависитъ отъ свойствъ правительственной обстановки, которою вызывается и проводится въ жизнь Высочайшая, какъ и народная воля. Нынѣшняя наша правительственная обстановка можетъ быть опредѣлена слѣдующими словами:

добродушное, иногда заинтересованное расхищеніе верховной власти разными несвязными вѣдомствами и лицами. Каждый черпаетъ изъ общаго источника власти сколько войдетъ въ его кувшинъ.

Всѣ чувствуютъ, что такъ не можетъ продолжаться. — Иные взываютъ къ возстановленію прежняго преобладающаго значенія правительствующаго сената, и это дѣйствительно необходимо для обузданія нестройнаго произвола министерскихъ канцелярій; но изъ сената не можетъ сложиться политическое правительство. — При постепенномъ выдѣленіи земству значительной части нынѣшнихъ непосильныхъ правительственныхъ заботъ, при размежеваніи центральной власти съ мѣстными самоуправленіями и областными начальствами, при ограниченіи бюрократіи ея естественными предѣлами, въ головѣ нашего государственнаго порядка сложится силою вещей правильная и ясная обстановка верховной власти; но этого еще долго ждать, а объединенное правительство необходимо сейчасъ, безъ него нельзя ступить шагу ни въ какую сторону. Объ установленіи званія перваго министра не зачѣмъ говорить. — Въ конституціонныхъ государствахъ этимъ званіемъ облекается глава партіи, взявшей верхъ, — тамъ дѣло совсѣмъ иное; но въ неограниченной монархіи первый министръ возможенъ только при извѣстномъ складѣ характера Государя, во всякомъ случаѣ онъ дается судьбою, а иначе будетъ только фаворитомъ и внесетъ въ управленіе раздоръ хуже прежняго. Въ самыхъ привычныхъ къ такому учрежденію государствахъ, какъ въ старинной Франціи, должность перваго министра оставалась незанятою по многимъ десяткамъ лѣтъ, пока не являлось подходящее лицо. Надо найдти иной путь къ единству. Никакое преобразованіе не придастъ комитету министровъ однородность и способность къ дѣйствію, и не по одной причинѣ многолюдства. Конституціонные кабинеты бываютъ иногда очень многолюдны (хотя все-же не въ такой степени), но на то есть причина — необходимость ввести въ правитель-

ство всѣхъ главныхъ вожаковъ партіи; есть и поправка —кабинетъ состоитъ изъ людей одной группы мнѣнія, обязательно поддерживающихъ другъ друга въ рѣшеніи и исполненіи мѣръ; такого условія нашъ комитетъ никакъ не можетъ осуществить. Для немедленнаго образованія сплоченной и дѣятельной, однимъ словомъ —живой власти остается одинъ исходъ: выдѣлить нѣсколькихъ выдающихся государственныхъ людей, облеченныхъ по роду своего вѣдомства или по личному довѣрію дѣйствительною политическою важностію, въ числѣ пяти-шести лицъ, въ постоянный кабинетный совѣтъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя или временно назначаемаго имъ замѣстителя, и принимать официальные доклады въ средѣ этого совѣта, кромѣ особыхъ случаевъ, конечно, когда Государю будетъ угодно поступить иначе; докладывать при томъ только о дѣлахъ политическаго или обще-государственнаго свойства, всѣ-же текущія административныя дѣла, требующія нынѣ Высочайшаго утвержденія, предоставить разрѣшенію комитета министровъ въ его настоящемъ составѣ; подчинить главныхъ мѣстныхъ начальниковъ (присутствіе которыхъ желательно по всему лицу государства) исключительно высшему совѣту во всемъ имѣющему политическій оттѣнокъ. При такой постановкѣ, Россія почувствовала бы наконецъ надъ собою (по крайней мѣрѣ могла бы почувствовать, все зависитъ отъ устойчивости принятаго рѣшенія) живую правительственную власть, безъ которой намъ нельзя долѣе существовать. Несостоятельность уложенія о министерствахъ и особенно его примѣненія была обнаружена съ самаго начала (напримѣръ письмомъ графа С. Р. Воронцова). — Съ тѣхъ поръ оно все ухудшалось. У насъ упустили изъ виду, между прочимъ, то соображеніе, что не всякое вѣдомство, хотя-бы требующее полной административной самостоятельности, и не всякій, хотя бы высшій государственный постъ, обладаютъ политическимъ значеніемъ, которое должно быть сосредоточено въ возможно меньшемъ числѣ рукъ.—Постепенно наше правительственное

учрежденіе лишилось всякаго средоточія. Въ итогѣ оказалось случайное и нестройное расхищеніе власти, а послѣдствіемъ то, что правительство съ трудомъ только можетъ разглядѣть что либо въ разлегшемся подъ нимъ бюрократическомъ туманѣ, закрывшемъ отъ его глазъ землю съ ея дѣйствительною жизнію.

Высказавъ убѣжденія, которыя неимѣю даже права назвать лично своими, до того онѣ прочувствованы тысячами, и которымъ я только придалъ осязательную форму, я руководился сознаніемъ исключительной важности и невозвратимости текущаго времени. Нынѣ обаяніе власти еще цѣло, она можетъ закрѣпить себѣ будущее предусмотрительнымъ отношеніемъ къ нему; но въ виду постоянно возрастающихъ недоразумѣній между верхомъ и низомъ едва ли удобно откладывать рѣшеніе. Порядки воспитательнаго петровскаго періода, выразившіеся въ бюрократической опекѣ, совсѣмъ истлѣли. Между властію и подданными нужны иныя отношенія. Покуда одиночное непокорство русскаго человѣка проявлялось разбоемъ въ лѣсу, можно было жить даже при скованномъ обществѣ, администрація оказывалась состоятельной; но какъ только непокорство стало принимать политическій оттѣнокъ, правительство не можетъ уже обойтись безъ содѣйствія общества. Самомалѣйшая сборная сила во столько кратъ сильнѣе всякаго числа несвязныхъ единицъ, что никакое, самое прочное государство не устоитъ, если въ его нѣдрахъ будетъ открываться людямъ возможность сплачиваться только въ тайные союзы, если на встрѣчу этимъ противузаконнымъ союзамъ и всему подрывающему общія основы не будутъ въ правѣ явно выступить законные союзы между гражданами, для чего нужна общественная организація въ замѣнъ нынѣшняго разброда, нуженъ просторъ въ дѣйствіяхъ и личномъ починѣ, котораго покуда недостаетъ. Но это еще не все. Не въ ничтожной шайкѣ революціонеровъ заключается наша болѣзнь, шайка только ея признакъ; болѣзнь состоитъ въ томъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ лучшіе русскіе люди не могутъ ни-

чего предпринять въ пользу государя и государства. Опасный оборотъ болѣзни наступитъ въ тотъ часъ, когда эти лучшіе люди убѣдятся въ безвыходности общаго положенія. Такого полнаго разочарованія именно не слѣдуетъ дожидаться.

Въ 1861 году, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ, власть могла упрочить помѣстное дворянство на новыхъ основаніяхъ и опереться, подобно западнымъ правительствамъ, на своихъ людей; но когда разъ она предпочла иной, болѣе широкій путь, то теперь нѣтъ уже выбора; или земскіе люди будутъ признаны властію своими, заслуживающими полнаго довѣрія, или у нея совсѣмъ не останется своихъ людей. Иной опоры у насъ нѣтъ. Изъ нашихъ чиновниковъ и даже офицеровъ нельзя образовать выдѣленной изъ народа правительственной группы какъ на западѣ; корпораціи не прививаются у насъ. Какъ достаточно доказано опытомъ, значительнѣйшая часть русскихъ чиновниковъ и офицеровъ идетъ по теченію преобладающаго въ странѣ мнѣнія, а потому дѣйствительной опоры взамѣнъ дворянства надо искать въ той силѣ, которая представляетъ страну самымъ несомнѣннымъ образомъ—въ земствѣ.

Для упроченія будущаго необходимо перенести центръ тяготѣнія съ песка на камень, справляясь только съ нашей исторіей, а не съ чужими примѣрами. Подражательная конституція, въ которую мы втянемся неизбѣжно, если нынѣшнія недоумѣнія затянутся на нѣкоторое время, собьетъ насъ окончательно съ пути и приведетъ очень скоро къ новой, гораздо худшей смутѣ. Остается другой исходъ, русскій. Еслибъ можно было сложить всѣ людскія головы необъятной Россіи въ одну, то и эта сверхъ—человѣческая голова не придумала бы инаго.

X ПИСЬМО.

Государство, въ которомъ земледѣліе въ упадкѣ, идетъ къ окончательному разоренію и къ гибели. Въ особенности этотъ принципъ приложимъ къ тѣмъ государствамъ, которыя въ виду вообще низкой культуры, являются почти исключительно производителями сырья, а къ такой категоріи именно и принадлежитъ Россія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ Россіи за послѣдніе годы ухудшилось и то первобытное сельское хозяйство, которое практиковалось при существованіи крѣпостнаго права; доказывать не зачѣмъ, факты говорятъ сами за себя; годъ за годомъ все рельефнѣе выступало экономическое оскудѣніе деревни и наконецъ разразилось голоднымъ кризисомъ.

Настало время, когда Правительству приходится положить предѣлъ этой экономической безурядицѣ и принять неотложно рядъ такихъ мѣръ, которыя, будучи правильно примѣнены, были бы въ состояніи вывести наше сельское хозяйство на вѣрный путь къ наивозможно большему развитію.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ соображеній по этому предмету, два слова о представителяхъ нашего землевладѣнія: таковыми являются помѣщики и крестьяне. Довольно значительный процентъ первыхъ уже улучшаетъ, или, по крайней мѣрѣ, начинаетъ улучшать свое хозяйство; но есть еще много такихъ, которые, управляя

имѣніями изъ городовъ, или по неумѣнью вести дѣло и расточительности, разоряютъ имѣнія. Силою непреодолимыхъ законовъ логики они въ скоромъ времени исчезнутъ и замѣнятся другими, которые заведутъ раціональное хозяйство, или сами, въ свою очередь, уступятъ наконецъ мѣсто дѣйствительно заботящимся о своей землѣ хозяевамъ.

Заботливость государства относительно помѣщиковъ должна простираться на столько, чтобы развитіе вообще земледѣлія не стѣснялось, а иногда и въ конецъ не подрѣзывалось сторонними обстоятельствами. Такъ напр. желательно было-бы видѣть болѣе упрощенную акцизную систему, не стѣсняющую возникновеніе небольшихъ винокурень, вполнѣ соотвѣтствующихъ потребностямъ земледѣлія и скотоводства. Желательно было-бы принятіе мѣръ, которыя организовали-бы правильную, скорую перевозку сельско-хозяйственныхъ, а также и другихъ грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ. Желательно было-бы видѣть осуществленіе дѣйствительнаго полицейско-санитарнаго надзора за скотомъ, перевозимымъ по желѣзнымъ дорогамъ, прогоняемымъ гуртами и наконецъ заболѣвающимъ на мѣстѣ. За послѣдніе годы падежи отъ заразительныхъ болѣзней приняли такіе ужасающіе размѣры, что страшно становится за будущее отечественнаго скотоводства, съ которымъ такъ тѣсно связано земледѣліе. Входить въ дальнѣйшую опеку надъ помѣщиками нѣтъ необходимости. Искуственная поддержка лицъ, разоряющихся по своей винѣ, не входитъ въ задачу правительства, идущаго цѣлесообразнымъ путемъ.

Крестьянское хозяйство за очень рѣдкимъ исключеніемъ вездѣ въ упадкѣ. Здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, причина неустройства стоитъ внѣ вліянія землепашца, а затѣмъ къ этой категоріи лицъ, въ виду отсутствія всякаго образованія, и не можетъ быть приложима строгая критика ихъ дѣятельности. Къ тому-же, неудачные помѣщики находятъ и найдутъ себѣ мѣста въ государственной и общественной службѣ, слѣдовательно такъ или иначе существованіе ихъ

будетъ обезпечено; разоренные-же милліоны крестьянъ, это пролетаріатъ, съ которымъ государству придется считаться. Остающіеся за ними безплодные, выпаханные, разбросанные лоскутки земли, не окупающей выкупныхъ платежей, не измѣняютъ существа дѣла.

Вопросъ о поднятіи уровня благосостоянія главнаго плательщика казнѣ является вполнѣ настоятельнымъ. Постараюсь изложить тѣ мѣры, которыя на мой взглядъ кажутся наиболѣе цѣлесообразными для достиженія благосостоянія селянина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственнаго благоустройства. Для большей наглядности формулирую ихъ категорично, вкратцѣ, только мотивируя ихъ необходимость. Спѣшу оговориться, что при обширности русской монархіи, при разнообразіи мѣстныхъ потребностей, я не могъ предвидѣть тѣхъ видоизмѣненій, которыя по мѣстнымъ условіямъ будутъ необходимы для той или другой области имперіи. Дѣло губернскихъ земствъ высказаться по этому поводу.

1) *Необходимо пересмотрѣть во всей Россіи выкупную оцѣнку. Принять во вниманіе не фиктивную, а дѣйствительную стоимость земли и количество накопившихся недоимокъ. Во всякомъ случаѣ тахітит платежей долженъ остаться нынѣ существующій. Оцѣнка должна быть произведена выбранными отъ земства комисіями при контролѣ правительственныхъ чиновниковъ, въ назначенный, по возможности короткій, срокъ.*

Вслѣдствіе различныхъ причинъ, излагать которыя здѣсь не мѣсто, крестьянамъ выдѣлялась худшая земля, оцѣнка земли между тѣмъ была сдѣлана значительной стоимости. Правительство при изданіи положенія 1861 г. предполагало назначить переоцѣнку черезъ 10 лѣтъ, но затѣмъ отложило эту мѣру; теперь въ этомъ ощущается крайняя необходимость.

2) *Оставшіеся еще въ большой массѣ временно-обязанные крестьяне должны быть переведены на выкупъ,*

Удерживать ихъ долѣе для личныхъ выгодъ помѣщиковъ въ такомъ положеніи было-бы анахронизмомъ.

3) *Необходимо обязать сельскія общества утвердить передѣлъ если не на все выкупное время, то во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ лѣтъ на двѣнадцать. При этомъ каждый надѣлъ по возможности отмежевывать къ одной межѣ.*

Дѣйствительно, есть ли возможность перехода къ болѣе интенсивной обработкѣ при разбросанномъ ленточками надѣлѣ? Есть ли возможность двинуть впередъ сельскую культуру, когда обработывающій пашню не увѣренъ, что на слѣдующій годъ она останется въ его пользованіи и быть можетъ плоды трудовъ его по удобренію и обработкѣ достанутся другому? Отстаивая передѣлъ, защитники его видятъ въ немъ непремѣнную принадлежность сельской общины и обезпеченіе противъ перехода земель въ чужія руки; въ этомъ смыслѣ желательно сохраненіе и распространеніе его; но сохранять такія аномаліи, которыя сознаются самими крестьянами, во имя отвлеченной идеи, было-бы непростительно.

Грозящій въ будущемъ недостатокъ надѣла для разросшейся семьи поправимъ и безъ передѣла, такими мѣрами, какъ переселеніе и покупка земель. Нельзя тоже не принять во вниманіе громадное экономическое значеніе многолюдной семьи. Лишнія руки въ крестьянскомъ хозяйствѣ найдутъ себѣ заработокъ, большая, но крѣпко сплоченная семья — это немаловажная сила. При отбываніи воинской повинности однимъ изъ членовъ подобнаго семейства, хозяйство его, если и терпитъ, то далеко не въ такой степени какъ у одиночекъ, при взятіи которыхъ на службу оставшіяся дома жена и дѣти зачастую терпятъ немалую нужду, лишаясь послѣдняго работника. Только выморочные или оставленные хозяевами участки могутъ быть назначены общиной членамъ какой нибудь сильно увеличившейся семьи. Передѣляя же постоянно землю на дѣйствительное число общинныхъ душъ,

скоро можно дойти до такого *minimum'a* надѣла, обработкой котораго будетъ смѣшно заниматься.

Прекращеніе необдуманнаго раздѣла семей принесетъ еще ту великую пользу, что тогда можно будетъ составлять сходъ исключительно изъ домохозяевъ, людей зрѣлыхъ, съ устраненіемъ толпы безшабашныхъ крикуновъ, съ чѣмъ вмѣстѣ возстановится очевидно и прежнее значеніе главы семьи.

4) *Ввести обязательное страхованіе посѣвовъ, скота и построекъ, но при этомъ организовать страхованіе по которому въ случаѣ бѣды крестьянинъ получилъ-бы страховую премію достаточную для того, чтобы вновь подняться на ноги.*

Въ этой формѣ наилучшимъ образомъ осуществится кредитъ, необходимый въ самыя трудныя минуты, переживаемыя крестьянскимъ хозяйствомъ.

5) *По примѣру выкупной операціи 1861 г. Правительство должно придти на помощь крестьянству для покупки земли, сдѣлавши ему на этотъ предметъ ссуду. Средство для этого правительство можетъ найти выпускомъ 6% земельныхъ листовъ. Для того, чтобы они получили большее распространеніе и удобства обращенія, желательно было бы видѣть билеты мелкой стоимости, а не крупные, какъ это практикуется всегда у насъ съ % бумагами. На уѣздныя земскія коммисіи, о которыхъ говорится въ* § 1, *должна быть возложена и провѣрка цѣны, предварительно сторгованной крестьянами земли.*

Если сдѣлка окажется выгодною для послѣднихъ, въ такомъ только случаѣ выдается продавцу квитанція на полученіе упомянутыхъ земельныхъ листовъ, по исполненіи самыхъ необходимыхъ при продажѣ земли формальностей.

Раньше было говорено о томъ, что многія помѣщичьи земли переходятъ теперь въ другія руки; для правительства важно именно, чтобы подобныя имѣнія миновали рукъ кула-

ковъ, которые проходятъ по землѣ подобно саранчѣ и выжавши изъ нея всѣ соки, разоривши окончательно, сбываютъ ее. Чѣмъ скорѣе имѣнія попадутъ въ руки не эксплуататора, а дѣйствительнаго работника хозяина, тѣмъ лучше для благосостоянія страны. Если оцѣнки продаваемыхъ земель будутъ сдѣланы не выше дѣйствительной стоимости, то нѣтъ сомнѣнія, что долгъ правительству погасится во время и безъ недоимокъ. Очень важно чтобы ссуды выдавались полностью, иначе крестьянину придется добывать остальныя деньги у ростовщиковъ и тѣмъ опять таки закабалить себя. Покупка земель должна быть дозволена не только въ своей губерніи, но гдѣ приглянется земля. Понятно, что не можетъ быть рѣчи ни о принудительной продажѣ, ни о такой же покупкѣ.

6) *Въ связи съ покупкою земли не въ окрестностяхъ своей деревни, находится переселеніе на незаселенныя пространства нашихъ обширныхъ юго-восточныхъ окраинъ; для этой-же цѣли могутъ быть отведены и во внутреннихъ губерніяхъ участки земли, находящейся въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ.*

Правильная, наивозможно упрощенная организація переселенія дастъ самыя благія послѣдствія.

7) *Какъ покупка земель, такъ и переселеніе положительно должны быть освобождены отъ той длинной процедуры и тѣхъ формальностей гражданскаго суда, казенной палаты и мѣстнаго управленія государственными имуществами, которыя удерживаютъ отъ сдѣлокъ даже и не крестьянъ.*

Вопросъ объ этихъ затрудненіяхъ достаточно выясненъ въ печати.

8) *Арендованіе земель, находящихся въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, для крестьянскихъ общинъ должно быть облегчено.*

При нынѣ существующей системѣ послѣднія арендуютъ изъ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, переплачивая при этомъ лишнія деньги.

9) *Необходимыя постройки, извѣстная норма скота и другой домашней живности, всѣ земледѣльческія орудія, извѣстное количество запасовъ хлѣба не должны быть продаваемы за недоимки.*

Правило это должно строго соблюдаться. Разорить такимъ путемъ возможно мгновенно, поправлять же придется годами. Слѣдуетъ отказаться отъ поощренія чиновниковъ путемъ наградъ и изъявленія благодарности взыскивать подати во что бы то ни стало, съ рискомъ оставить послѣ такого сбора разоренную деревню. Дѣйствовать такъ, значитъ рѣзать курицу, несущую золотыя яйца.

10) *Не позволять замѣнять хлѣбные запасы въ общественныхъ магазинахъ соотвѣтствующей суммой денегъ.*

Неурожайные годы показывали всю непрактичность этой мѣры. При этомъ запасъ озими, какъ общее правило, долженъ состоять изъ ржи, что же касается яроваго, то родъ его можетъ быть опредѣленъ только мѣстнымъ земствомъ, сообразно съ экономическими условіями даннаго края.

Общій подъемъ уровня благосостоянія сельскихъ обывателей обусловливается какъ принятіемъ чисто-экономическихъ мѣръ, часть которыхъ выше я старался намѣтить, такъ и реформой сельскаго управленія, которое въ настоящемъ своемъ положеніи неудовлетворяетъ самой снисходительной критикѣ.

11) *Все наблюденіе за благоустройствомъ деревни передать въ руки исключительно земства, ограничивъ дѣятельность органовъ полиціи функціями чисто исполнительными.*

Мотивировать подобное предложеніе незачѣмъ.

Связь уѣзднаго земства съ волостнымъ правленіемъ

могла бы быть осуществлена въ лицѣ мировыхъ посредниковъ. Въ настоящее время уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія признаются учрежденіями вполнѣ неудовлетворяющими своему назначенію. Съ большою пользою можно ихъ замѣнить съѣздами мировыхъ посредниковъ, передавъ имъ всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію вышеупомянутыхъ присутствій. Если же принять принципъ раздѣленія административной власти отъ судебной за непремѣнное условіе, то слѣдуетъ послѣдній родъ дѣлъ передать всецѣло мировымъ судьямъ, предоставивъ обывателямъ право подавать къ нимъ аппелляціонныя и касаціонныя жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ.

Мировые посредники въ количествѣ трехъ или четырехъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, должны быть избираемы уѣздными земскими собраніями. Избираются на три года и притомъ изъ лицъ окончившихъ курсъ по крайней мѣрѣ средняго учебнаго заведенія. Именованіе этихъ лицъ именно мировыми посредниками желательно потому, что многіе изъ послѣднихъ при введеніи реформы 1861 года оставили послѣ себя добрую память; должность эта стала популярна въ народѣ, чего далеко нельзя сказать о непремѣнныхъ членахъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Въ назначенные сроки посредники каждаго уѣзда собираются на съѣздъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ. Съѣздъ мировыхъ посредниковъ представляетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ уѣздному земскому собранію. Кругъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ въ своемъ участкѣ составится изъ дѣлъ лежащихъ теперь: на непремѣнномъ членѣ уѣзднаго присутствія и чинахъ уѣздной полиціи, за исключеніемъ только мѣропріятій строго полицейскихъ. Со введеніемъ института мировыхъ посредниковъ и преобразованіемъ волости (о чемъ сказано ниже) должности становыхъ приставовъ и урядниковъ будутъ подлежать упраздненію. Въ распоряженіе-же исправника, который главнымъ образомъ останется начальникомъ городской полиціи, было бы очень

полезно дать конную стражу, которая въ случаѣ нужды являлась бы въ различныхъ частяхъ уѣзда для поимки воровъ, конокрадовъ, разбойниковъ, и т. п.

Сношенія исправника съ органами намѣченнаго мною земскаго управленія всего лучше организовать черезъ съѣздъ мировыхъ посредниковъ.

Тутъ кстати-же сказать о волостномъ правленіи, которое имѣетъ важное значеніе для развитія деревенской жизни. Въ настоящее время во главѣ волости стоятъ по большей части люди неразвитые, способные только эксплуатировать крестьянъ. Писаря, играющіе роль деревенскихъ оракуловъ во всемъ, что касается законоположеній, за малымъ исключеніемъ люди весьма сомнительной нравственности; при этомъ еще, вслѣдствіе отсутствія подготовки, они даже и при желаніи помочь крестьянину только путаютъ дѣло. Мірскіе приговоры и рѣшенія волостныхъ судовъ подъ вліяніемъ подобнаго волостнаго старшины и подъ перомъ неуча-писаря часто являются верхомъ безобразія. Благодаря этому крестьяне совершенно несознательно, съ помощью различныхъ контрактовъ, отдаютъ себя въ кабалу міроѣдовъ. Нужно другихъ людей. Отсюда ясно, что

12) *Необходимо преобразовать волости во всесословное учрежденіе. Тогда явятся достойные кандидаты на важный постъ волостнаго старшины.*

13) *На должность писаря слѣдовало-бы дозволять выбирать только лицъ съ среднимъ или высшимъ образованіемъ, отнюдь впрочемъ не дѣлая изъ нихъ чиновниковъ министерства.*

Для того-же чтобы пріохотить молодыхъ людей идти на эти, въ сущности довольно выгодныя для начинающей молодежи, должности (такъ какъ содержаніе можетъ быть доведено при готовой квартирѣ до 500 — 600 и болѣе рублей), слѣдуетъ

14) *На службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ принимать только лицъ, успѣвшихъ ознакомиться съ деревней въ теченіи по крайней мѣрѣ 2-хъ лѣтъ, въ качествѣ писаря, волостнаго старшины, мироваго судьи или посредника.* О громадной пользѣ, которую могутъ принести подобныя лица сначала въ деревнѣ, а затѣмъ и въ центральныхъ органахъ управленія, нечего распространяться. Понятно, эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе только исподволь.

XI ПИСЬМО.

Обязанъ дополнить прежнія письма краткимъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ недоразумѣній возбужденныхъ ими. Въ дѣлѣ столь необычномъ недоразумѣніе легко возникаетъ изъ каждаго недоговореннаго предложенія, а я могъ писать не иначе какъ кратко, довольствуясь наброской мыслей, не имѣя возможности развить ни одну изъ нихъ до конца.

Я не считалъ бы себя въ правѣ придавать въ другихъ глазахъ важность личному мнѣнію, но я знаю что въ письмахъ этихъ изложено не одно личное мнѣніе, а сводъ заключеній высказываемыхъ, хотя не совсѣмъ отчетливо, большимъ числомъ людей. Я только свелъ эти заключенія въ связное цѣлое. Въ такомъ трудѣ, взятомъ мною на себя по чувству русскаго человѣка, я не могъ вдаваться въ личныя измышленія и придумывать остроумные исходы въ противность коренной русской пословицы «выше міра не станешь».

Такіе выводы и такія практическія мѣры, которыхъ большинство мыслящихъ людей не предвидитъ, а толпа не предчувствуетъ, могутъ доказать изобрѣтательность своихъ творцовъ, но не принесутъ живаго плода. Исторія не складывается по личному усмотрѣнію, она вызрѣваетъ въ темномъ сознаніи массъ и осуществляется по мѣрѣ того, какъ находятся правители или государственные люди, умѣющіе обратить стремленіе большинства въ дѣйствительность безъ перерыва теченія государственной жизни. Когда такихъ

людей нѣтъ, назрѣвшее стремленіе вторгается въ исторію собственною силой и совершается революція. Потому я считалъ достойнымъ вниманія и изложилъ въ запискѣ лишь тѣ заключенія, въ которыхъ по личному опыту видѣлъ зачатокъ вызрѣвающаго общественнаго мнѣнія, то есть складывающуюся силу, съ которой нельзя не считаться, сколько бы она ни противорѣчила привычнымъ взглядамъ отжаивающей эпохи.

Очевидно что письма такого содержанія не могутъ имѣть значенія въ текущіе дни, дни исключительныхъ и чрезвычайныхъ мѣръ. Всякій понимаетъ что безобразное положеніе дѣлъ, до котораго мы дошли, требовало исключительныхъ внѣшнихъ мѣръ и что прежде всего эти мѣры должны произвести свое дѣйствіе, разсчистить наши трущобы. Но какъ исключительное положеніе, даже по граматическому смыслу слова, не можетъ обратиться въ постоянное, то и чрезвычайнымъ мѣрамъ придетъ конецъ. Я писалъ въ виду этого конца, въ виду предстоящаго намъ новаго переходнаго часа. Едва ли кто повѣритъ въ возможность простаго возвращенія къ прежнему, т. е. къ нынѣшнему государственному и общественному обычному порядку, итогомъ котораго оказываются неслыханно безобразныя явленія, требующія исключительныхъ мѣръ.

Высказавъ съ общаго голоса, на сколько умѣлъ къ нему прислушаться, рядъ причинъ, вызвавшихъ такія явленія, я долженъ былъ изложить и заключеніе, выводимое изъ нихъ тѣмъ множествомъ людей всякаго званія, съ которыми входилъ въ соприкосновеніе. Всякій, не отгороженный отъ современныхъ русскихъ людей своимъ исключительнымъ положеніемъ, знаетъ что у насъ вызрѣли въ этомъ отношеніи два мнѣнія: одно, распространенное преимущественно въ чиновномъ и инородческомъ кругу, хочетъ конституціи, т. е. договора между властію и народомъ: второе, мнѣніе большинства земскихъ и частныхъ людей, выраженіе дѣйствительной почвы, насколько почва можетъ у насъ выразиться,

желаетъ только развитія земскихъ учрежденій до ихъ законнаго предѣла, съ сохраненіемъ единства власти, ищетъ обезпеченія будущаго не въ огражденіи, а въ соглашеніи, основанномъ на полномъ взаимномъ довѣріи. Но ни одна живая душа въ Россіи не вѣритъ, чтобы сдвинувшись въ 1861 году со старыхъ основаній, опиравшихъ весь государственный строй на исключительномъ преобладаніи одного сословія, сдерживавшаго для сохраненія своихъ правъ и себя и всѣхъ прочихъ, можно было бы остаться на воздухѣ, безъ всякой иной общественной опоры, и ограничиться однимъ фактомъ этого перелома, отклоняя или замедляя чрезъ мѣру его естественныя послѣдствія.

Сознательно убѣжденный въ томъ, что конституція, желаемая одною только частію объевропеившагося слоя, который даже въ полномъ объемѣ лишенъ у насъ самостоятельнаго значенія, привела бы къ смутѣ гораздо худшей нынѣшней, я вѣрю и могу сочувствовать только второму исходу. Долженъ сказать болѣе: я считаю его неизбѣжнымъ.

Но каждое живое дѣло содержитъ въ себѣ свои внутреннія условія. Нельзя хотѣть его осуществленія не принимая этихъ условій.

Развитіе земства, какъ основаніе нашего будущаго, ставитъ два условія, и только два. Все остальное не болѣе какъ средство, видоизмѣняемое по волѣ власти на тысячу ладовъ.

Первое условіе: гласный приступъ къ развитію земскихъ учрежденій съ постепенностію, но безъ перерыва, для того чтобы каждая выяснившаяся потребность могла одна за другой облекаться въ соотвѣтствующую ей форму, чтобы русская жизнь могла сложиться естественнымъ порядкомъ, сообразно ея дѣйствительнымъ нуждамъ, съ устраненіемъ всякихъ канцелярскихъ измышленій. Такая цѣль становится достижимой только при искреннемъ сближеніи власти съ землею, при обращеніи къ землѣ, сначала для выясненія желательныхъ правъ мѣстнаго самоуправленія и для пере-

смотра нынѣ дѣйствующихъ уложеній городскихъ, земскихъ и судебныхъ, на что нужно не мало времени, потомъ для опредѣленія постоянныхъ отношеній земли къ правительству, возстановляющихъ основныя преданія русскаго Царствующаго Дома.

Второе условіе: сосредоточеніе прямаго правительственнаго дѣйствія (казенной администраціи) на предметахъ имѣющихъ непосредственное значеніе для самой власти, т. е. возвращеніе заботъ управленія въ предѣлы, изъ которыхъ оно вышло для исключительной и временной задачи, перевоспитанія до-петровскаго общества, нынѣ уже законченной. Безъ сосредоточенія и сокращенія нынѣшняго правительственнаго механизма невозможно достиженіе трехъ цѣлей, рѣшающихъ все наше будущее: 1) Невозможно высвободить изъ подъ мелочнаго гнета и сложить сколько нибудь самостоятельное земство, т. е. живую Россію, на которую власть могла бы опираться, какъ обыденно, такъ и въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. 2) Невозможно образовать подъ рукою верховной власти стройное, единомысленное и вполнѣ владѣющее своими орудіями правительство, безъ чего можно было обходиться въ прежнее патріархальное время, когда опорой государственному порядку служило все помѣстное дворянство, но не теперь. 3) Невозможно положить конецъ безпредѣльному и безотчетному возрастанію расходовъ на администрацію и облегчить рабочій народъ, хотя вопросъ объ этомъ облегченіи колеблется въ предѣлахъ 8—10% съ текущаго бюджета, восполняемыхъ въ теченіи немногихъ лѣтъ возвышеніемъ доходовъ; а въ такое время какъ наше, при обремененномъ сверхъ силъ народѣ довольно трудно спокойно глядѣть на будущее.

Едва ли возможно какое либо предварительное начертаніе размѣра вышеприведенныхъ преобразованій, какъ по времени такъ и по сущности, иначе изъ нихъ вышло бы новое канцелярское измышленіе. Правительство знаетъ чего оно не можетъ выпустить изъ своихъ рукъ никогда, и этого

достаточно для ясности программы; въ отношеніи остальнаго требуется только открыть въ удобное время путь къ преобразованіямъ и вдохнуть этимъ высшимъ рѣшеніемъ новую надежду и иное настроеніе въ русское общество; а затѣмъ для самой прочности воздвигаемаго зданія нужна постепенность, предоставляющая законодательству, въ совѣщаніи съ практически опытными людьми, достаточное время для зрѣлаго обсужденія каждаго послѣдовательнаго шага.

Но и нынѣ ясно уже, что для возстановленія русской жизни потребуется не столько обширность круга дѣйствій, сколько прочность мѣстныхъ самоуправленій. Безъ содѣйствія мнѣнія земли едва ли сбыточно и спокойное исправленіе торжественно данныхъ льготъ, изъ которыхъ многія оказались мало соотвѣтствующими нашей дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ данной имъ формѣ, и упрощеніе хаоса нашихъ административныхъ учрежденій, нагроможденныхъ одно на другое различными эпохами и разростающихся собственною силою, вопреки духу новыхъ узаконеній; конечно не администрація сама упроститъ себя, не она освѣтитъ такой вопросъ передъ властію во всей его полнотѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи пришлось бы гораздо болѣе сокращать безъ остатка (что однакожъ недостижимо безъ содѣйствія земскихъ людей) чѣмъ передавать земству. Размѣры передачи на первый разъ не особенно велики, относятся только къ отраслямъ управленія, лишеннымъ всякаго политическаго значенія, и ограничиваются слѣдующими предѣлами.

1) По сознанію самыхъ либеральныхъ людей и органовъ печати сухопутныя и морскія силы (не говорю о военномъ хозяйствѣ) нельзя сокращать у насъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи настоящаго столѣтія.

2) Министерства иностранныхъ дѣлъ и Императорскаго двора стоятъ внѣ вопроса.

3) Министерства юстиціи и народнаго просвѣщенія требуютъ приращенія, а не обрѣзыванія.

4) Министерство финансовъ (конечно и государственный контроль) несомнѣнно подлежитъ большему сокращенію, но сокращенію простому; передавать изъ него земству почти нечего.

5) Съ министерствомъ путей сообщенія и безъ того идетъ тяжба о желѣзныхъ дорогахъ, управлять которыми, внѣ технической стороны, оно положительно не въ состояніи. Остальные счеты съ нимъ также не велики.

6) Передача въ значительныхъ размѣрахъ распространилась бы только на министерства государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ; другимъ вѣдомствамъ пришлось бы выдѣлить лишь отрасли управленія, о которыхъ и теперь всякій спрашиваетъ, изъ за чего правительство обременяетъ себя хлопотами вовсе для него не нужными и навлекающими на него однѣ нареканія. По естественному закону, всѣ стоки воды возвращаются въ море и всякая опека, выходящая изъ круга чисто правительственнаго дѣйствія, переходитъ со временемъ къ созрѣвающему обществу. Будетъ ли земское завѣдываніе этими отраслями управленія, преимущественно хозяйствами, лучше или хуже казеннаго, — вопросъ не важный для власти, такъ какъ онъ касается однихъ управляемыхъ; но при томъ произойдутъ большія сокращенія, которыхъ нельзя достигнуть практически инымъ путемъ. Этихъ сокращеній оказалось бы достаточно для сильнаго облегченія податныхъ сословій, чѣмъ разъ на всегда враги порядка были бы лишены даже тѣни надежды на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ возстановленіе внутренней мощи, самодѣятельности и общественной жизни въ Россіи, основанное на связности мѣстныхъ населеній и самоуправленіи ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, ставитъ только два существенныя, вышеназванныя условія: сближеніе власти съ землей и сосредоточеніе правительственной администраціи на предметахъ, имѣющихъ для нея прямое значеніе. Все же остальное, кромѣ этихъ двухъ существенныхъ условій, постепенность, сроки и размѣры преобразованій и пере-

уступокъ, на сколько они окажутся пригодными, будутъ зависѣть отъ послѣдовательнаго и неторопливаго освѣщенія этихъ вопросовъ общими силами сверху и снизу, причемъ рѣшающимъ судьей останется конечно единая власть и никто иной. Нѣтъ слѣдовательно никакого опасенія увлечься на пути преобразованій такого рода.

Нельзя не предвидѣть того неизбѣжнаго факта, что съ прекращеніемъ нынѣшняго исключительнаго положенія и сопряженныхъ съ нимъ полномочій, наши внутренніе вопросы возникнутъ съ небывалою напряженностію, вслѣдствіе той причины, что личное пользованіе полномочіями накопитъ такую же массу неудовольствій въ большинствѣ и внизу, какую личное злоупотребленіе либеральными учрежденіями накопило недавно въ меньшинствѣ и вверху. Нашъ сановникъ, за рѣдкими исключеніями, такой же русскій человѣкъ какъ и нашъ мировой судья, и при всѣхъ отличныхъ свойствахъ русской души въ такой же степени лишенъ чувства мѣры, права и законности, что выказалось уже достаточно въ самое короткое время; засвидѣтельствуетъ объ этомъ даже всякій агентъ власти, чистосердечно спрошенный. Возможно еще ужиться съ недовольнымъ меньшинствомъ, хотя не политично пренебрегать имъ; но какъ надѣяться устранить всякія послѣдствія неудовольствія большинства? Я коснулся этого предмета вскользь, насколько онъ относится къ цѣли письма. Выводъ тотъ, что нельзя откладывать обсужденіе окончательныхъ мѣръ до часа прекращенія исключительнаго положенія, такъ какъ первый шагъ, предстоящій въ этотъ затруднительный часъ, опредѣлитъ почти роковымъ образомъ дальнѣйшее направленіе государства. Долженъ чистосердечно досказать свою мысль. Я помню какъ во время моей молодости всякое рѣшеніе власти принималось обществомъ съ полнымъ довѣріемъ и считалось почти безпогрѣшнымъ, въ силу того, что оно правительственное; и вижу съ какимъ недовѣріемъ и съ какою ѣдкою разцѣнкою принимается теперь всякое подобное рѣ-

шеніе, потому только что оно правительственное. Если въ четверть вѣка могло такъ измѣниться общее настроеніе, то значитъ мы идемъ по крутому и скользкому склону и съ нашими домашними дѣлами опасно обращаться произвольно. Между тѣмъ многіе, самые офиціальные люди, полагаютъ возможнымъ успокоиться неопредѣленное время на чрезвычайныхъ мѣрахъ, не заглядывая въ будущее. Они очевидно не отдаютъ себѣ отчета въ томъ всемірномъ фактѣ, что никогда еще не было видано твердаго правительства безъ взаимной поруки съ господствующею въ странѣ организованною общественною силою (временною, какъ національная гвардія при Луи Филиппѣ, или постоянною, какъ плательщики прямыхъ податей въ Англіи, это все равно), — невидано ни одного, кромѣ правительства неаполитанскихъ Бурбоновъ и мелкихъ италіянскихъ владѣній. Тѣ, правда, полагались только на штыки и полицію, но потому что внутренняя опора замѣнялась для нихъ внѣшнею, Австріей, недопускавшею въ Италіи революцій. Какъ только Австрія была вынуждена отшатнуться—ихъ штыки и полиція рухнули прахомъ въ нѣсколько дней.

Надо прибавить къ тому, что неаполитанскіе чиновники и офицеры возростали въ обще европейскомъ преданіи, по которому служащіе люди считаютъ себя принадлежащими исключительно власти, выдѣленными изъ народа, преданіи, котораго положительно нѣтъ въ Россіи, незнающей вообще связныхъ корпорацій. Въ этомъ фактѣ было слишкомъ легко убѣдиться во время нашего умственнаго пожара шестидесятыхъ годовъ, пока не выступили наружу подлинные поджигатели, поляки.

Послѣ упраздненія помѣстнаго дворянства опорная и преобладающая русская сила можетъ заключаться только въ земствѣ и ни въ чемъ иномъ, но конечно въ земствѣ организованномъ, а не въ милліонахъ несвязныхъ единицъ. Всѣ—значитъ никто, всѣ—это общее голосованіе, то косное до омертвѣнія, то переносимое каждымъ вѣтромъ какъ сухой

песокъ изъ одной крайности въ другую, смотря по повѣтрію времени. Наше же правительство имѣетъ дѣло не съ толпой, а съ общественными группами, представляющими устой, свойственный всякой сплоченной группѣ. Эти группы можно и должно сплотить еще крѣпче, придать имъ твердый устой, связать ихъ съ правительствомъ самымъ тѣснымъ образомъ. Нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что между властію и земствомъ нѣтъ мѣста круговой порукѣ, основанной на вещественномъ интересѣ, какая существовала между нею и дворянствомъ; новая круговая порука должна возникнуть изъ интереса исключительно нравственнаго, группирующаго около правительства всѣ охранительныя силы страны, что требуетъ полнаго взаимнаго довѣрія. Земства, сплоченныя и властныя въ своей мѣстности, при должной связи между собою и открытомъ общеніи ихъ съ верховною властію, составляютъ силу неодолимую; а какъ огромное большинство русскихъ людей искренно вѣруетъ въ Царскую власть, то земство, непосредственно погруженное въ это большинство, есть вмѣстѣ сила самая благонадежная. Въ нашихъ понятіяхъ существуетъ до сихъ поръ странная сбивчивость: администрацію смѣшиваютъ съ источникомъ власти и все, что ограничиваетъ бюрократическій произволъ, считаютъ ограниченіемъ правительства, какъ будто земскія и всякія выборныя учрежденія, правильно поставленныя, не имѣютъ того же значенія прямаго истеченія Царской власти, не могутъ быть руководимы ею въ такой же степени какъ и учрежденія административныя, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ ея опору, чего въ послѣднихъ не заключается. Но если такъ, то слѣдуетъ гласно признать значеніе земства, обращаться съ нимъ и его органами какъ съ опорною силою государства, какъ обращались съ прежнимъ дворянствомъ; оказывать ему полное довѣріе, не опасаться расширенія его правъ и не отказывать ему въ способностяхъ, признаваемыхъ за каждымъ начальникомъ отдѣленія. Всякій знаетъ пред-

меты, которые не могутъ подлежать вѣденію земства, объ этомъ нечего и говорить.

Зная нынѣшнее русское общество, нельзя надѣяться чтобы какія бы ни было новыя права скоро обратили Россію въ земной рай, чего недостигло и казенное управленіе, чтобы они искоренили скоро наши наслѣдственные недостатки; но дѣло идетъ не о всеобщемъ благополучіи, а о чисто государственномъ вопросѣ, о правительственномъ устоѣ, не о насажденіи земнаго рая, а о томъ чтобъ Россія не обратилась въ адъ, что становится довольно возможнымъ. Упроченіе на долгое будущее Россіи исторической, съ привычною цѣльностію власти, съ нашими домашними преданіями и внѣшними стремленіями, оживленными внутреннею самодѣятельностію, кажется многимъ дѣломъ вовсе не мудренымъ при вѣрной оцѣнкѣ современнаго положенія, но нѣсколько сомнительнымъ при томъ нежеланіи додумываться до сущности текущихъ явленій, какое замѣчается въ значительной части нашей офиціальной среды.

Многія высокія лица, напримѣръ начинаютъ опасаться у насъ чего либо въ родѣ революціи 1789 г. и не скрываютъ своего опасенія, между тѣмъ какъ ни одинъ смышленый мѣщанинъ не считаетъ того возможнымъ. Дѣйствительно, возстаніе черни въ 1789 г., безъ котораго свѣтскія и литературныя утопіи того времени не имѣли бы существеннаго значенія, было направлено противъ своевольнаго гнета феодальнаго дворянства и духовенства, а на короля попало только рикошетомъ, какъ на наслѣдственнаго главу привилегированныхъ сословій; но мыслимо ли у насъ, при монархическомъ настроеніи освобожденнаго народа, насиліе снизу противъ власти всесословнаго и земскаго Царя? Намъ дѣйствительно грозитъ опасность, но совсѣмъ инаго рода, въ случаѣ если затянется еще на долго переходное состояніе между государственнымъ переломомъ 1861 года и осуществленіемъ его естественныхъ послѣдствій, если мы не скоро еще осядемся,—опасность невозможности законнаго управ-

ленія и постоянной необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ; но опасность такого рода наводитъ на память не французскую, а англійскую революцію, искусственно и добровольно вызванную властію. Прошу позволенія высказать свою мысль откровенно. Правительство Стюартовъ не имѣло въ началѣ никакихъ личныхъ династическихъ интересовъ, какъ не имѣетъ ихъ и наше, что чрезвычайно облегчаетъ согласіе со страной; оно внесло смуту въ государство не въ спорѣ за какія либо исключительныя цѣли, которыхъ при Карлѣ I-мъ совсѣмъ не было, а за способы и пріемы управленія, изъ за недовѣрія къ странѣ, вслѣдствіе чего между верхомъ и низомъ возникъ рядъ недоразумѣній, всякій день все болѣе спутывавшихся. Общественная опорная сила Англіи отшатнулась отъ правительства, которое оперлось тогда, сначала даже охотно, на внѣшнюю силу—исключительно, на офицеровъ и чиновниковъ, чего многіе желали бы и у насъ. Дошло до управленія посредствомъ насильственныхъ мѣръ, становившихся поневолѣ все круче, и которымъ не предвидѣлось конца. Одинъ изъ самыхъ монархическихъ народовъ въ свѣтѣ, англійскій, не выдержалъ и совершилъ двукратную революцію, а какъ только прекратилась для него причина опасаться насилія, сталъ снова самымъ монархическимъ народомъ. Россія разумѣется не похожа на Англію и я привелъ этотъ примѣръ не въ видѣ примѣненія къ намъ; но онъ рисуетъ наглядно безвыходное положеніе, къ которому приводятъ недоразумѣнія между властію и землею, не выясненныя во время.

Но если не возможенъ слишкомъ долгій роздыхъ въ нынѣшнемъ переходномъ состояніи и если очевидно, что конституція на французскій ладъ, чиновничья опека подъ надзоромъ представительныхъ собраній, дала бы у насъ навѣрное тѣже плоды, какіе она постоянно приноситъ во Франціи (не говоря уже о томъ, что конституція есть не болѣе какъ форма, ничего не рѣшающая въ отношеніи сущности, вопросъ же идетъ объ опорной силѣ государства въ замѣнъ прежняго

дворянства), если оба эти исхода, *status quo* и конституція одинаково не годятся, то что же остается кромѣ организованнаго и тѣсно связаннаго съ правительствомъ земства? Мысль эта такая древняя въ Россіи, что еще Иванъ Грозный началъ было переносить въ земство центръ государственнаго тяготѣнія и остановился только потому, что Сильвестръ и Адашевъ замѣнились Малютой Скуратовымъ. Значеніе земскихъ соборовъ при первыхъ государяхъ нынѣ Царствующаго дома достаточно извѣстно.

Опорной силы нельзя искать, выбирая между нѣсколькими. Та сила, которую приходится отыскивать, не есть сила. Общее народное чувство, хотя бы несомнѣнное, также не составляетъ политическаго обезпеченія; имъ нельзя управлять, съ нимъ нельзя объясняться. Значеніе русскаго земства въ настоящемъ и будущемъ, какъ единственной силы органической, ясно всякому, а потому естественно что громадное большинство людей, желающихъ спокойнаго развитія отечеству, видятъ въ поставленномъ на ноги и устроенномъ земствѣ единственное основаніе, на которомъ наша историческая верховная власть можетъ стоять незыблемо до скончанія вѣка.

При такомъ условіи, налагаемомъ на насъ не случайными обстоятельствами а историческою послѣдовательностью, вопросъ о способности русскаго земства къ задачѣ, удачно исполняемой нѣсколькими другими земствами на свѣтѣ, становится, смѣю думать, безцѣльнымъ. Дѣла пойдутъ для разныхъ частныхъ лицъ, вообще не избалованныхъ отличнымъ управленіемъ, немного лучше или немного хуже, пока сами они пріучатся заботиться о себѣ—вотъ и все. Когда дѣла, интересующія власть, удержаны ею въ своихъ рукахъ, къ чему остальная опека? Вообще же вопросъ идетъ только о времени, такъ какъ ранѣе или позже нашей государственной власти придется основаться на земствѣ, по неимѣнію инаго выбора. Опасность заключается для насъ въ томъ, чтобъ это рѣшеніе не состоялось слишкомъ поздно.

Въ нашей государственной средѣ высказывается еще такое мнѣніе, что ослаблять прямое правительственное дѣйствіе въ какомъ либо отношеніи опасно въ томъ смыслѣ, что новосозданное общество, предоставленное собственнымъ силамъ, не устоитъ противъ революціоннаго напора; но въ подобномъ мнѣніи каждое слово есть не иное что какъ недоразумѣніе. Ни о какихъ собственныхъ силахъ нѣтъ рѣчи. Развѣ новосозданное общество будетъ стоять особнякомъ, а не подъ рукой и ежечаснымъ надзоромъ власти? Развѣ предоставятъ въ его распоряженіе политическую полицію? Развѣ правительственное дѣйствіе не усилится, напротивъ, вслѣдствіе сосредоточенія на предметахъ, имѣющихъ для него прямое значеніе? Развѣ наше революціонное броженіе есть нѣчто существенное и самостоятельное, есть выраженіе стремленій какихъ либо общественныхъ силъ, сословій, сектъ, областей или городовъ, которые имѣли бы въ виду злоупотребить своими правами для ниспроверженія существующаго порядка? Развѣ это броженіе выкидышей и школьниковъ не истекаетъ изъ нынѣшней нашей несвязности частной и изъ безсилія казенной администраціи, развѣ оно возникло бы и удержалось при обществѣ сплоченномъ для самозащиты, и развѣ оно могло бы выказаться въ дѣйствіи и возбуждать опасенія, еслибъ власть покоилась у насъ, какъ прежде, на организованной, преобладающей силѣ страны?

Исторія не останавливается ни передъ какими затрудненіями. Если люди живущаго поколѣнія не соотвѣтствуютъ налагаемой ею задачѣ, она топчетъ ихъ и замѣняетъ иными, возникающими неизвѣстно откуда. Я же сужу по примѣрамъ нашей исторіи, по перелому Петра великаго и по послѣднему, совершенному нынѣшнимъ Царствованіемъ, что русская самодержавная власть можетъ рѣшиться на все и сломить всякое препятствіе, при ясно сознанной потребности. Весь современный вопросъ сводится, стало быть, на сознаніе необходимости новыхъ основаній, и ни на что иное.

XII ПИСЬМО.

6-го АПРѢЛЯ 1880 г.

Еслибъ можно было перечислить всѣ явныя и тайныя недоразумѣнія, возникающія между официальной средой и русскимъ чувствомъ, то чаша далеко не была бы еще исчерпана; еслибъ можно было даже разомъ устранить ихъ, то единодушіе не было бы еще тѣмъ возстановлено. Слѣдующій день принесъ бы опять кучу недоразумѣній того же рода, какія вчера были устранены. Пока не изсякнетъ источникъ недоразумѣній, послѣдствія его будутъ постоянно обнаруживаться; источникъ же тотъ, что большинство нашихъ властныхъ людей не знаетъ или не хочетъ знать современной Россіи, что они продолжаютъ смотрѣть на нее (и это еще въ наилучшемъ случаѣ) взглядомъ начала шестидесятыхъ годовъ. Не говоря о людяхъ старыхъ порядковъ, взявшихъ верхъ вскорѣ послѣ упраздненія крѣпостнаго права и отступившихъ только на дняхъ (не складывая однакожъ оружія), большая часть облеченныхъ властію людей, даже изъ числа искренно сочувствующихъ преобразованіямъ царствованія, не замѣчаютъ что Россія совсѣмъ уже не та, въ которой они проводили свою молодость, прежде чѣмъ высокое положеніе отгородило ихъ толпы. Несомнѣнно однакожъ что съ Россіей произошли съ тѣхъ поръ три крупныя перемѣны съ которыми надобно считаться, чтобы не завести власть и всѣхъ насъ въ безвыходное положеніе.

Во первыхъ, прежняя опорная сила правительства, стоявшая за него для своихъ собственныхъ интересовъ, при которой никакія враждебныя обществу попытки не могли проявляться въ широкомъ размѣрѣ—помѣстное дворянство—рухнула и не замѣнилась ничѣмъ, оставляя между правительствомъ и подданными пустое поле, какъ пріютъ для всякихъ злоумышленій.

Во вторыхъ, несмотря на твердую органическую связь между верховною властію и землею, прежнее общественное довѣріе къ правительству въ его совокупности, какъ органу власти, пошатнулось до крайности еще съ крымской войны и послѣдовавшаго за ней умственнаго разброда. Всякій пятидесятилѣтній человѣкъ хорошо знаетъ глубокую разницу въ настроеніи, съ которымъ принимаются и принимались правительственныя рѣшенія теперь и четверть вѣка тому назадъ. Крутой наклонъ, по которому мы идемъ съ тѣхъ поръ, мало замѣтенъ на ходу, но крутизна его поражаетъ когда оглянешься назадъ.

Въ третьихъ, въ послѣднія двадцать лѣтъ произошла та перемѣна, что за это время Россія обрусѣла, правительственная же среда осталась на прежней переходной почвѣ, — явленіе обнаружившееся особенно ярко со времени послѣдняго поднятія восточнаго вопроса. Русскій складъ понятій, уцѣлѣвшій отъ иноземной закваски воспитательной эпохи въ одномъ простомъ народѣ, снова проросъ вверхъ. Чуткіе люди давно уже ожидали наступленія этого поворотнаго и неизбѣжнаго часа, но обнаружился онъ въявь только съ наступленіемъ послѣдняго десятилѣтія. Хотя стремленія къ заноснымъ, вычитаннымъ политическимъ идеаламъ и до сихъ поръ держутся упорно въ нѣкоторыхъ слояхъ и группахъ населенія, но вѣрно то, что громадная часть людей, непосредственно соприкасающихся съ земскою жизнію, не вѣритъ больше въ пригодность для насъ готовыхъ выводовъ чужой исторіи, а какъ этотъ второй разрядъ людей составляетъ прямой плодъ русской жизни и народнаго сознанія,

и какъ весь приростъ идетъ въ эту сторону, то будущее очевидно принадлежитъ ему. Въ офиціальной средѣ нѣтъ до сихъ поръ отзыва новому запросу жизни, но въ этой косности виновата еще болѣе ея обстановка, чѣмъ ея вѣрностъ преданіямъ. Всѣ виды власти сосредоточены въ Петербургѣ, который самъ есть исключительное произведеніе переходной эпохи и естественно проникнутъ ея духомъ. Пестрое столпленіе людей, привлеченныхъ въ эту искуственную столицу, не только наименѣе русское изъ городскихъ населеній, разрозненное съ общей почвой и воспитанное исключительно въ книжномъ духѣ, но кромѣ того оно въ полномъ составѣ своемъ живетъ подъ казенною крышею, связано съ отживающими порядками безчисленными личными интересами, а потому въ большинствѣ желаетъ не замѣщенія этихъ устарѣвшихъ порядковъ инымъ, русскимъ складомъ государства, а напротивъ, увѣнчанія ихъ на западный образецъ бюрократической конституціей. О степени русской закваски Петербурга можно судить по тому наглядному примѣру, что даже ближайшее сельское населеніе окрестностей столицы до сихъ поръ нисколько не обрусѣло, до сихъ поръ остается такимъ же чухонскимъ, какимъ засталъ его Петръ Великій. Въ глухихъ областяхъ финскія населенія растворились въ нѣдрахъ владычествующаго народа, подъ Петербургомъ — нѣтъ. Этотъ городъ совершенно лишенъ силы русскаго притяженія, потому что русскій духъ замѣняется въ немъ духомъ казеннымъ. Но это казенное населеніе стоитъ передъ глазами властной среды и заслоняетъ Россію. Однакожъ Россія не Петербургъ, она просыпается. Въ наши дни повторяется явленіе, знаменовавшее петровскую эпоху, только въ обратномъ смыслѣ: теперь какъ и тогда, направленіе большинства офиціальной среды встрѣчаетъ отпоръ въ русскомъ чувствѣ, но тогда жизнь была въ первой, косность во второмъ, теперь на оборотъ. Изъ такого раздвоенія истекаетъ то послѣдствіе, что между органами власти и мнѣніемъ земли (котораго надо сказать,

эти органы не признаютъ) все болѣе усиливается взаимное непониманіе, точно между турками и болгарами, то есть, говоря образно, раздвигается бездна. Въ темнотѣ трудно ходить большими шагами.

Современное настроеніе тѣмъ болѣе серьозно, что долгій опытъ открылъ наконецъ глаза всѣмъ поголовно, что ни одна душа не вѣритъ, какъ вѣрили прежде, возможности улучшить тягостное положеніе посредствомъ какихъ бы ни было передѣлокъ въ административныхъ порядкахъ, перестановокъ казенныхъ органовъ. Исчезла вѣра въ самые эти органы.

Въ виду будущаго опасенъ не нашъ безмысленный нигилизмъ—явленіе далеко не самостоятельное—опасно недоразумѣніе, проникающее всю современную русскую жизнь и его причина. Мы видвинуты изъ прежняго связнаго государственнаго порядка, при которомъ худо ли, хорошо ли, всякая подробность соотвѣтствовала духу цѣлаго и теперь, въ ожиданіи чего либо окончательнаго, ни одна изъ наружныхъ формъ нашего устройства не прилажена къ лежащей подъ нею сущности. Кромѣ того отчужденная отъ почвы казенная среда въ большинствѣ остается проникнутой космополитскимъ духомъ отжившей эпохи, идущимъ прямо враздрѣзъ возникающимъ стремленіямъ земли. Въ итогѣ оказывается безвыходный кругъ. Всѣ уродливыя явленія текущаго времени, вся дерзость горсти общественныхъ поддонковъ, мечтающихъ о передѣлкѣ государства, выростаютъ изъ общаго чувства неудовлетворенности, перетолковываемаго на извѣстный ладъ. Ни власти, ни намъ всѣмъ невозможно выбраться на свѣтъ, на путь дѣйствительно спокойнаго развитія, не отрекшись отъ привычныхъ взглядовъ и преданій воспитательной эпохи, не покончивъ съ двухъ-вѣковымъ неуваженіемъ къ самимъ себѣ. Нельзя указать ни одного изъ нынѣшнихъ неудовольствій на власть, источникъ которыхъ не коренился бы въ искуственной оцѣнкѣ явленій нашей жизни, глубоко въѣвшейся въ официальный слой и среду, въ которой онъ погруженъ.

Я не раздѣляю ни въ какой степени мнѣнія повторяемаго многими, что петровское преобразованіе принесло намъ столько же зла какъ добра; я думаю что единственная ошибка великаго Преобразователя заключается въ церковномъ вопросѣ, все же остальное едва ли могло быть совершено иначе какъ онъ сдѣлалъ; но думаю также что всему на свѣтѣ есть мѣра и срокъ. Мы не могли стать великимъ историческимъ народомъ не пріобщившись къ преемственному обще-человѣческому просвѣщенію, знавшему до сихъ поръ только прямыхъ наслѣдниковъ, не видавшему ни одного пріемыша, ни одного народа, который, не бывши воспитанъ имъ съ колыбели, съ безсознательныхъ своихъ годовъ, захотѣлъ бы вдругъ стать просвѣщеннымъ. Мы явились первымъ въ свѣтѣ пріемышемъ такого рода, а потому должны были подчинить временно свой природный складъ иноземному, прожить періодъ обезличенія и космополитства, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность сознательно заявить передъ міромъ свою народную личность. Дѣло шло не объ однихъ технических знаніяхъ, намъ не доставшихъ, а о всестороннемъ воспитаніи русской мысли въ общемъ источникѣ просвѣщенія. Губернская барышня, ломавшая всю жизнь французскій языкъ на саратовскій ладъ, была смѣшнымъ образцомъ перевоспитанія, но являлась неизбѣжнымъ звеномъ между одностороннимъ, хотя и крѣпко закаленнымъ москвичемъ 17-го вѣка, и русскимъ европейцемъ нашего времени. Но трудный переломъ пройденъ, воспитательная задача нынѣ очевидно исчерпана, новая задача состоитъ не въ пріобрѣтеніи знаній изъ чужаго источника, а въ приложеніи ихъ къ родной почвѣ, мало сходной съ европейскою. Въ существенныхъ предметахъ нѣтъ больше мѣста подражательности, какъ явно доказывается подъемомъ самороднаго русскаго мнѣнія. Но по свойству переходныхъ эпохъ отжившее направленіе, отрицаемое духомъ времени, упорно держится въ средѣ, служившей ему первымъ и главнымъ проводникомъ, и вслѣдствіе того глубоко имъ проникнутой. Надо

прибавить еще рядъ иностранныхъ вліяній, для которыхъ возникновеніе русскаго духа гораздо страшнѣе ветлянской чумы. Но казенная среда, по самой сущности своей почти двухъ-вѣковой задачи, не знала въ Россіи ничего кромѣ себя одной, а потому у нея не оказывается теперь ни орудій, ни умѣнья для пригоднаго обращенія съ общественными силами, начинающими складываться внѣ ея; она видитъ въ нихъ нѣчто чуждое своимъ преданіямъ, и не умѣя направлять ихъ, старается не давать имъ ходу. Въ нашей народной жизни очевидно произошло, или правильнѣе сказать, теперь только выказалось раздвоеніе, источникъ всѣхъ современныхъ затрудненій. Задача текущаго времени заключается въ возстановленіи цѣльности нашего внутренняго быта. Понятно почему все непріязненное намъ въ Европѣ боится возстановленія такой цѣльности сто-милліоннаго народа пуще всего на свѣтѣ.

Надо сказать прямо: упроченіе нашего будущаго зависитъ отъ одного главнаго условія, начинающаго отчетливо выясняться въ умахъ большинства, отъ того условія, что бы русское правительство въ полномъ своемъ объемѣ стало вполнѣ русскимъ, чтобы оно невынужденно, по внутреннему чувству, шло въ ту же сторону, куда растетъ русское мнѣніе. Можно показать практическое значеніе этихъ словъ двумя наглядными примѣрами изъ нашей внѣшней и внутренней дѣятельности.

Первый примѣръ международный.

Послѣ долгой слѣпой вѣры во все европейское, послѣ заговоровъ и бунтовъ для пересадки къ намъ западной конституціи, у насъ стали выясняться наконецъ свои народные политическіе идеалы. Никто ихъ не сочиняетъ, они выливаются сами собою изъ историческаго склада русскаго человѣка, смутно помнятся ему, присущи всей славянской породѣ, развивались своеобразно, но въ томъ же общемъ духѣ, во всякомъ славянскомъ племени достигавшемъ самобытности, отъ древнихъ Кіева и Новгорода, отъ старой

Чехіи и старой Польши, не исказившей еще родовыхъ основъ, до нынѣшнихъ Сербіи и Черногоріи. Нашъ племенный государственный идеалъ, начинающій очерчиваться довольно отчетливо въ современныхъ русскихъ умахъ какъ цѣль будущаго, хотя бы отдаленнаго, есть — полновластный Государь въ свободномъ народѣ, выдѣленіе земскаго самоуправленія со всѣми его мѣстными интересами — порядка и нравственности, торговыми, промышленными, сельско-хозяйственными, просвѣтительными, церковными и прочее, изъ функцій обще-государственной власти, остающейся всецѣло въ рукахъ главы народа; взаимное довѣріе, установленное привычкою и силою мнѣнія, вмѣсто искуственнаго, обратно переплетеннаго контроля на западный ладъ между правительствомъ и подданными, связывающаго руки обѣимъ сторонамъ вмѣстѣ. Иными словами: Государь для государства, свободно располагающій средствами, выдѣленными на общее дѣло; граждане съ своими частными дѣлами невступно для самихъ себя. Вмѣсто одновременнаго и обоюднаго вмѣшательства верха и низа во всякое, даже самомалѣйшее отправленіе общественныхъ дѣлъ, какъ при конституціонномъ порядкѣ, раздѣленіе ихъ по природѣ каждаго между обѣими сторонами. Конечно, и при такомъ разверстаніи народной жизни вліяніе власти и мнѣнія, правительства и мѣстныхъ самоуправленій, будутъ на каждомъ шагу проникать себя взаимно, связываться въ одно цѣлое; но вліяніе это съ той и другой стороны станетъ въ концѣ концовъ нравственнымъ а не формальнымъ. Мы видимъ слабый образчикъ такого выдѣленія функцій общественной дѣятельности въ нашемъ сельскомъ самоуправленіи, при которомъ, какъ бы оно ни шло покуда, простой народъ, въ отличіе отъ другихъ сословій, не заявляетъ неудовольствій на власть по своему управленію, оставаясь самъ себѣ судьей: при прежнемъ чиновничьемъ руководительствѣ было бы теперь совсѣмъ иное. Видимъ то же самое, въ болѣе полномъ объемѣ, въ нововоскресшихъ славянскихъ княжествахъ,

устроившихся внѣ нашего руководства и начинающихъ понемногу устанавливать у себя этотъ порядокъ почти безсознательно. Въ плохенькой Сербіи, напримѣръ, возникшей изъ возстанія мужиковъ, между которыми не было даже народныхъ учителей, какихъ мы нашли между болгарами, въ настоящее время внѣ столицы почти не видно чиновниковъ. Не смотря на сочиненную по западному образцу, но не входящую въ народные нравы конституцію, собирающаяся на короткій срокъ скупщина блюдетъ тамъ права и интересы населеній, не мѣшая князю править государственными дѣлами по своей мысли и не навязывая ему министровъ изъ краснобаевъ большинства; а между тѣмъ общественное мнѣніе достаточно вліятельно для того чтобы министръ, вызвавшій положительное неудовольствіе, могъ удержаться на мѣстѣ. При такомъ дѣленіи правъ и обязанностей народный сеймъ нуженъ лишь на нѣсколько дней въ году; онъ не направляетъ рѣшеній власти, а только повѣряетъ въ важныхъ случаяхъ ихъ цѣлесообразность, утверждаетъ налоги и выражаетъ желанія страны; отношенія его къ Государю совсѣмъ иныя чѣмъ европейскаго парламента. Главное же, при этомъ полюбовномъ размежеваніи, государственная власть сохраняетъ свою цѣльность неприкосновенной, не въ теоріи только, а на практикѣ, что при парламентарныхъ формахъ мы видимъ въ одной лишь Англіи, потому что тамъ и контролируетъ, и управляетъ одна и таже общественная сила; на материкѣ же эта спорная и всегда шаткая цѣльность достигается — или обращеніемъ конституціонныхъ учрежденій въ праздное зрѣлище, или временнымъ насиліемъ одной партіи надъ всѣми прочими, за которымъ неизбѣжно слѣдуетъ ожесточенная реакція.

Надо имѣть въ виду еще слѣдующее: при нынѣшнемъ нашемъ складѣ вызвать дѣйствительное русское мнѣніе можно не сословными выборами, по старинному, и не чуждымъ общинному устройству всенароднымъ голосованіемъ, по западному; его можно добыть только отъ земствъ, по-

ставленныхъ въ правильныя отношенія къ крестьянскому населенію. — Кромѣ того, въ одномъ земскомъ самоуправленіи можетъ заключаться впредь опорная сила государства, а потому нельзя будетъ обращаться къ землѣ иначе какъ черезъ него. — Но въ земствахъ, какъ въ тѣсно сплоченныхъ группахъ, непремѣнно сложится заранѣе опредѣленное мнѣніе по каждому выдвигаемому вопросу и онѣ не пошлютъ представителемъ иначе какъ члена своего большинства; а потому обязательное мнѣніе выборнаго (mandat impératif), не допускаемое на западѣ, станетъ у насъ основнымъ правиломъ. Но по нашимъ условіямъ это послѣдствіе приведетъ не къ затрудненію, а къ вящей прочности общаго устоя. Нельзя конечно допустить сбродную толпу избирателей навязывать депутату свое проходящее увлеченіе; наши-же земскія собранія представляютъ узаконенную власть, истеченіе и продолженіе власти обще-государственной, каждое рѣшеніе ихъ и безъ того требуетъ полной обдуманности; при должной постановкѣ онѣ будутъ вѣрно отражать мнѣніе и интересы своей мѣстности. — Очевидно, что обязательное мнѣніе выборнаго (во всякомъ случаѣ обязательное только нравственно) послужитъ при такой обстановкѣ залогомъ двойной обдуманности, предохраненіемъ отъ случайнаго увлеченія партіями и личными интересами. Въ основаніе нашихъ совѣщательныхъ соборовъ, какъ то было и прежде, ляжетъ задатокъ той особенности, что онѣ представляютъ гораздо болѣе дѣловой характеръ чѣмъ западные парламенты (въ буквальномъ переводѣ — говорильни), занимающіеся въ девяти случаяхъ на десять пустымъ болтаніемъ обо всемъ на свѣтѣ; тѣмъ болѣе, что наши соборы должны быть непремѣнно краткосрочными и, кромѣ разсмотрѣнія бюджета, созываться не иначе какъ по предустановленнымъ вопросамъ; а кромѣ того, выдѣленіе мѣстнымъ самоуправленіямъ всѣхъ заботъ, лишенныхъ прямо—политическаго характера, поставитъ вопросы, возникающіе между землею и властію, въ болѣе тѣсный и опредѣленный кругъ чѣмъ на

западѣ. — Нѣтъ повода ожидать столкновеній тамъ, гдѣ вѣковое, укорененное въ народномъ сознаніи правительство, совѣщается съ собраніемъ, подчиняющимъ, по сущности своей задачи личныя стремленія вызрѣвшимъ и заранѣе взвѣшеннымъ желаніямъ страны, гдѣ выборный долженъ отчитываться въ своихъ дѣйствіяхъ, и гдѣ столько взаимныхъ *мѣстныхъ* интересовъ и взглядовъ будутъ уравновѣшиваться взаимно. Политическое собраніе такого рода невозможно тамъ гдѣ населеніе не сгруппировано органически по мѣстностямъ, а потому Европа его не знаетъ; но нельзя не видѣть, что развитіе народнаго представительства на этомъ основаніи дастъ новый залогъ прочности намъ свойственный.

Никакое земное учрежденіе не можетъ конечно обладать ненарушимостію математической формулы, всякое находится подъ вліяніемъ такого измѣнчиваго фактора какъ людское настроеніе; но хотя мы видѣли до сихъ поръ типъ славянскаго государства лишь въ его зародышныхъ формахъ, нельзя не признать однакожъ что въ немъ гораздо болѣе правды, простоты и прочности чѣмъ въ европейскомъ конституціонномъ, особенно же пересаженномъ на материкѣ. Одинъ Богъ знаетъ когда племенной идеалъ государства осуществится въ Россіи въ своей полнотѣ, но складывающееся народное сознаніе ведетъ постепенно къ нему, не можетъ вести ни къ чему иному, хотя бы потому что въ немъ одномъ выражается наша дѣйствительность, подлинное и укоренившееся, а не сочиненное отношеніе народа къ власти.

Въ то время когда московскій фабрикантъ, поволожскій купецъ и дѣльный земецъ начинаютъ сознавать болѣе или менѣе ясно наше естественное направленіе, Русская имперія даетъ конституцію освобожденной ею Болгаріи. По этой конституціи иностранцы судятъ теперь о нашихъ политическихъ идеалахъ; но есть ли въ ней хоть тѣнь возникающаго на нашихъ глазахъ русскаго сознанія? Вмѣсто учреж-

деній, выростающихъ безъ посѣва на всякой предоставленной себѣ славянской почвѣ — владыки или князя и краткосрочной скупщины, каждаго по своей части, Болгаріи даютъ ту самую конституцію, которую офранцуженные заговорщики 14 Декабря 1825 года хотѣли навязать нашему правительству, и отъ которой, къ счастію будущихъ поколѣній, оно отбилось картечью.

Второй примѣръ, изъ внутренной жизни.

Съ тѣхъ поръ какъ переломъ 19 Февраля 1861 года привелъ офиціальную среду въ непосредственное соприкосновеніе съ почвою, оказывается что взаимное пониманіе между правящими и управляемыми, въ томъ видѣ какъ оно существовало недавно между тою же средою и дворянствомъ, положительно у насъ порвалось. Въ правительственныхъ кругахъ перестали понимать съ достаточною ясностію значеніе новыхъ общественныхъ стремленій; тамъ переводятъ ихъ на европейскія понятія и изъ бѣлаго выходитъ черное. Все, чего желаетъ современная Россія и чѣмъ она будетъ довольствоваться очень долго, можетъ быть всегда, все что нужно для устраненія нынѣшней смуты въ умахъ, до такой степени не умаляетъ обаянія верховной власти, что желанія эти навѣрное не встрѣтили бы, не могли бы встрѣтить отпора свыше въ московской Руси, еслибъ до нихъ отчетливо додумались въ тѣ времена. Мало того, самая власть стремилась въ старину къ тому, чего хочетъ нынѣ большинство; Иванъ Грозный приступалъ къ устройству земли на коренныхъ русскихъ началахъ, онъ же созывалъ земскихъ людей для писанія законовъ, первые вѣнценосцы дома Романовыхъ собирали вокругъ себя народъ какъ свою семью. Взаимность была полная. Со временъ Петра изчезли формы, въ которыхъ проявлялась взаимная связь, съ царствованія же императора Павла исчезъ самый духъ прежнихъ отношеній, хотя перемѣна обнаружилась въявь только съ упраздненіемъ помѣстнаго дворянства, разъединявшаго до тѣхъ поръ власть съ почвою непроницаемой

перегородкой. Но именно съ тѣхъ поръ коренная Россія стала явно проростать сквозь наслойку воспитательной эпохи и естественнымъ образомъ возвращается къ своимъ основнымъ преданіямъ, хочетъ примѣнять учрежденія къ народному духу болѣе отчетливо чѣмъ прежде, въ силу высшей сознательности. Офиціальная же среда смотритъ на это проростаніе иными глазами и объясняетъ его примѣрами западнаго революціоннаго движенія. Надо сказать: у насъ дѣйствительно возникаетъ великая распря, но не между духомъ вѣка и историческою властію, отстаивающею свои наслѣдственныя права, какъ думаютъ, кажется, въ большинствѣ чиновныхъ кружковъ, а между самыми вѣрноподданными *русскими* стремленіями и *нерусскою* закваскою казенной среды, чуждой духу нашей исторіи, видящей революцію тамъ, гдѣ русскіе люди ищутъ только самоустройства подъ покровомъ вѣковой власти. У насъ до сихъ поръ не мало вліятельныхъ людей, считающихъ все русское въ Россіи контрабандою и заговоромъ, людей о которыхъ покойный Самаринъ сказалъ, что любители европеизма и покровители противо-государственныхъ интересовъ на окраинахъ всегда оказываются душителями всякаго проявленія жизни на непосредственно русской почвѣ. Умомъ и чутьемъ страна начинаетъ понимать эту суть дѣла, начинаетъ подмѣчать въ средѣ правительства и администраціи многочисленныхъ противниковъ народнаго духа, стоящихъ вразрѣзъ самымъ естественнымъ и законнымъ ея стремленіямъ, — убѣжденіе, въ которомъ несомнѣнно заключается великая опасность, но опасность, отъ которой можно погибнуть только по доброй волѣ.

Очевидно что главное побужденіе нашихъ офиціальныхъ западниковъ, старающихся затормозить развитіе народной жизни, заключается въ желаніи удержать въ своихъ рукахъ бюрократическій произволъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ несомнѣнно, что они именно пошли бы охотнѣе всѣхъ на конституцію, что весьма понятно, такъ какъ она нигдѣ не препятствуетъ

бюрократическому преобладанію и затѣмъ, одна только эта форма окончательнаго исхода понятна людямъ, оторвавшимся отъ русской почвы. Очевидно однакожь что въ понятіи большинства (которое при нынѣшнихъ порядкахъ не имѣетъ возможности ясно высказаться), нашъ основной вопросъ идетъ не о самодержавіи, ограждаемомъ положительною народною волею, а о формахъ самодержавія, о замѣнѣ пріемовъ воспитательной эпохи коренными русскими отношеніями верха съ низомъ. Ежедневный опытъ заодно съ здравымъ смысломъ убѣждаютъ, что съ истеченіемъ подражательнаго вѣка нашей исторіи, въ виду зачинающагося самостоятельнаго развитія, правительство не можетъ больше вести русскаго человѣка къ неизвѣстнымъ цѣлямъ безъ его вѣдома, ни предрѣшать этихъ цѣлей въ кружкѣ должностныхъ лицъ, какъ не считало того возможнымъ и прежде, до Петра Великаго; что оно не въ силахъ опекать болѣе безчисленныя, постоянно усложняющіяся мѣстныя потребности, посредствомъ своей бюрократіи, не въ состояніи даже сдерживать наружный порядокъ, безъ опоры связной и признанной общественной силы; но во всемъ этомъ не заключается вопроса о самодержавіи, какъ источникѣ власти. Самодержавная власть, какъ и конституціонная, можетъ выражаться весьма различнымъ образомъ. Со времени миѳологическихъ династій боговъ никакой Государь не управляетъ и не можетъ управлять всѣмъ лично; онъ стоитъ въ главѣ даннаго государственнаго устройства и рѣшаетъ общее направленіе дѣлъ, предварительно подготовленное въ духѣ установленныхъ порядковъ, господствующей и правящей средой; вся сила стало быть въ этихъ порядкахъ и этой средѣ. Государственная власть въ полномъ своемъ объемѣ вездѣ необходимо самодержавна и умѣряется только нравами. По коренной англійской поговоркѣ «король въ парламентѣ» неможетъ лишь одного: сдѣлать изъ мужчины женщину и изъ женщины мужчину. Все остальное зависитъ вездѣ отъ склада и предѣловъ правительственнаго дѣйствія, отъ взаим-

ности его съ общественной средой и объема принимаемой имъ на себя задачи. Личное самодержавіе въ тѣсномъ единеніи съ землею представляетъ совершенно иной образъ правительства чѣмъ самодержавіе бюрократическое, руководящее, или правильнѣе руководимое отрѣзаннымъ отъ земли чиновнымъ сословіемъ. При нынѣшнихъ нравахъ никто не считаетъ возможнымъ личнаго насилія со стороны Государя, какъ бывало прежде; а въ общихъ дѣлахъ правительство, не отгороженное отъ населенія всевластной бюрократіей, преслѣдующей свои личные интересы, стоящее передъ страной лицомъ къ лицу, не можетъ имѣть никакого побужденія противодѣйствовать сознательнымъ стремленіямъ народа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ что земство, ставшее опорною силою государства, будетъ пользоваться по необходимости полнымъ довѣріемъ власти, а земство — это Россія. По духу основнаго начала, къ которому ведетъ насъ исторія, «полновластный Государь въ свободномъ народѣ» облеченъ самодержавіемъ для обще-государственнаго дѣла, не стѣсняя правъ ни общества, ни отдѣльныхъ лицъ.

Послѣдовательный ходъ исторіи ставитъ передъ Россіей вопросъ не объ источникѣ власти, а о перенесеніи центра государственнаго тяготѣнія съ обветшалой табели о рангахъ на самую почву, въ земство. Россія сдвинута уже властію съ прежнихъ основаній, дѣло это безповоротное, такъ какъ сломанъ самый фундаментъ, на которомъ стояли старые порядки. Слишкомъ долгая остановка на пути ведетъ къ тому лишь, что вмѣсто послѣдствій одинаково желательныхъ для блага народа и спокойствія власти, являются несвойственныя народному духу анархическія попытки, раздвоеніе и рядъ недоразумѣній, грозящихъ окончательно сбить насъ съ вѣковаго пути на путь вовсе намъ не свойственный. Мы не установимся вновь пока не будетъ положено видимое для всѣхъ начало новому порядку, выдвигаемому не людскою волею, и исторіей, пока Россія, не утрачивая привычной цѣльности верховной власти, не

начнетъ обращаться изъ государства чиновничьяго въ государство земское.

Въ жизни народовъ главное зло времени становится почти всегда источникомъ и причиною всѣхъ золъ второстепенныхъ; они излечиваются не иначе какъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Первый шагъ приведетъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ къ разрѣшенію всѣхъ нашихъ затрудненій. Раздѣленіе съ землею нынѣшнихъ непосильныхъ правительственныхъ заботъ возвращаетъ власть въ свойственный и подобающій ей кругъ дѣйствій, ведетъ къ сокращенію казеннаго управленія до предѣловъ указываемыхъ дѣйствительною потребностію, позволяетъ очистить его составъ отъ неподходящихъ примѣсей, сосредоточиваетъ его въ рукахъ власти; рядомъ съ тѣмъ станетъ уменьшаться непроизводительный расходъ государства, вслѣдствіе чего откроется возможность облегчить рабочій народъ отъ подавляющей его тяготы. Всѣ запросы русской жизни, исчисленныя въ предъидущихъ письмахъ, въ томъ числѣ и церковный, укладываются въ однѣ и тѣже рамки, осуществленіе всѣхъ ихъ зависитъ отъ однаго и того же рѣшенія, возстановляющаго цѣльность нашего народнаго развитія.

По моему твердому убѣжденію, согласному съ убѣжденіемъ очень многихъ, исправленіе настоящаго и упроченіе будущаго зависитъ у насъ главнѣйше отъ одного условія: ничего не сочинять, чѣмъ исключается въ основаніи всякое помышленіе о сочиненной конституціи. Это условіе поставитъ явную грань между нашимъ грядущимъ и пережитою воспитательною эпохою, которая только сочиняла, не оставляя мѣста никакому органическому развитію. Я думаю, какъ высказался еще ранѣе, что «Россіи нужно покуда не окончательное рѣшеніе, а достаточный просторъ общественной дѣятельности и мысли, и достаточное сближеніе ея съ властію, для того чтобы назрѣвающія потребности могли свободно облекаться, одна за другою, соотвѣтствующими формами, выдерживая повѣрку опыта и дополняя себя взаимно,

пока изъ нихъ сложится постепенно нѣчто цѣлое; что намъ нужны учрежденія выработанныя жизнію а не измышленныя канцеляріями».

Независимо отъ сущности, никакія внезапныя а тѣмъ болѣе отвлеченныя постройки общественныхъ порядковъ не годятся намъ по той уже причинѣ, что для нихъ не оказывается покуда соотвѣтствующаго личнаго состава. Вслѣдствіе многовѣковыхъ усилій сверху, русская почва возвращаетъ покуда однихъ чиновниковъ, какимъ названіемъ ихъ ни окрещивай. Легко создать суды безъ судейскаго сословія и земства, отъ которыхъ бѣгутъ лучшіе земцы, но всякій видитъ что теперь не это уже нужно. Ничто не препятствуетъ правительству призвать для совѣта, хоть завтра, благонадежныхъ людей русской земли, это даже принесетъ большую пользу, но во всякомъ случаѣ плодотворное дѣло, прочная закладка нашихъ народныхъ учрежденій, возникнетъ не изъ петербургскихъ совѣщаній. Въ государствѣ, стоящемъ на 82-хъ процентахъ крестьянъ собственниковъ, все что существуетъ на верху обусловливается правильною постановкою народнаго быта въ органической связи съ мѣстными просвѣщенными силами; при разнообразіи нашихъ бытовыхъ условій такіе вопросы не рѣшаются обще-государственною програмою; когда же они будутъ рѣшены на мѣстѣ, тогда возникнутъ и суды, и земства, и соборы, удовлетворяющіе запросамъ русской жизни, а вмѣстѣ съ ними явятся люди соотвѣтствующіе учрежденіямъ, тѣ люди, которые добросовѣстнымъ трудомъ, на мѣстѣ, подготовятъ для нихъ почву. Русская Россія можетъ сложиться только въ уѣздѣ и области.

По этому поводу надо прибавить еще слѣдующее:

Какъ ни странно доказывать, что Россіи предстоитъ развиваться въ русскомъ духѣ, но привычка думать по чужой указкѣ, усвоенная въ теченіи воспитательнаго періода, до того внѣдрилась во многихъ изъ насъ, что эту первоначальную истину приходится выяснять вовсе не узкимъ

умамъ и не своекорыстнымъ людамъ, а вообще людямъ не привыкшимъ провѣрять всякую мысль собственною головою.

Такіе люди часто серьозно повторяютъ: проведеніе коренныхъ русскихъ началъ въ нашу политическую жизнь, стоящую почти два вѣка на началахъ обще-государственныхъ (читай космополитскихъ), можетъ повліять крайне невыгодно на нерусскія окраины. Какъ поступить въ такомъ случаѣ съ окраинами?

По здравому разсудку такое разсужденіе примѣняется, изо всѣхъ европейскихъ державъ, къ одной только Австріи.

Легко высчитать изъ статистики, что на осьмидесятимилліонное населеніе европейской Россіи (въ настоящее время никакъ не менѣе) мѣстности, называемыя окраинами, то-есть привислянскій край, остзейскія губерніи и Финляндія, составляютъ не болѣе 10% всего числа жителей. — За исключеніемъ Италіи въ Европѣ нѣтъ ни одного большаго государства, заключающаго въ себѣ меньшую пропорцію сплошнаго инородческаго населенія; даже во Франціи наберется такой же процентъ кельтовъ и басковъ, а недавно еще вмѣстѣ съ эльзасцами, было больше. Азіатскія окраины очевидно не идутъ въ разсчетъ, мы представляемъ тамъ высшее просвѣщеніе, и никому вѣроятно не приходило въ голову видоизмѣнять учрежденія коренной Россіи для сближенія ихъ съ потребностями туркестанскаго управленія. Далѣе. Всякій, даже изъ числа тѣхъ, у которыхъ наиболѣе болитъ сердце объ окраинахъ, засмѣется если у него спросить: могло ли бы наше правительство, сдерживающее окраины русскою силою, устоять при поддержкѣ этихъ окраинъ противъ владычествующаго народа, который естественно хочетъ прежде всего жить для себя и никакъ не пожелаетъ подчинить свою судьбу удобствамъ немногихъ инородцевъ? Взрывъ смѣха рѣшаетъ такой вопросъ лучше всякихъ разсужденій. — Но за тѣмъ слѣдуетъ еще спросить: въ виду какой именно окраины наше народное развитіе оказывается особенно неудобнымъ? Конечно не въ виду

Финляндіи. При своемъ самоуправленіи эта страна остается довольною нами, какъ мы остаемся довольными ею; наши внутренніе вопросы до нея не касаются. — Тоже, хотя по другой причинѣ, и съ царствомъ Польскимъ. Для людей, необольщающихся несбыточною мечтою объ обрусеніи этого края, единственное возможное разрѣшеніе польскаго вопроса, удовлетворяющее обѣ стороны, принадлежитъ къ области внѣшней, а не внутренней русской политики; покуда же остается только пріисканіе временнаго, сноснаго modus vivendi съ поляками. — Слишкомъ очевидно что пригонять наши основныя учрежденія къ временнымъ мѣрамъ, потребнымъ въ этомъ отношеніи, было-бы нелѣпицей. Остаются три прибалтійскія губерніи. Но кто не понимаетъ, что прочность владѣнія этими губерніями основывается до сихъ поръ исключительно на русской силѣ и потому все, укрѣпляющее насъ внутри, усиливаетъ эту прочность, все ослабляющее насъ ослабляетъ и её. — Еслибъ по мѣстнымъ условіямъ оказалось необходимымъ видоизмѣненіе обще-государственныхъ установленій въ примѣненіи къ остзейскому краю, то никто, конечно, не станетъ особенно торговаться изъ-за него и обрекать Россію на неподвижность или ложное направленіе ради единобразія губернскихъ учрежденій въ Казани и Ригѣ.

Окраина, тормозящая развитіе русской жизни, существуетъ несомнѣнно, мы слишкомъ хорошо это чувствуемъ; но она находится не тамъ гдѣ на нее указываютъ, она лежитъ въ Петербургѣ и заключается въ обезличенной, на половину инородческой, фрачной и вицъ-мундирной средѣ, пріютившейся прямо или косвенно подъ казенною крышею, и ратующей изо всѣхъ силъ за увѣковѣченіе формъ воспитательнаго періода, который произвелъ её на свѣтъ и порядками котораго она живетъ почти исключительно.

Среда эта очень сильна. Она составляетъ, можно сказать, домашнюю обстановку всѣхъ правительственныхъ отправленій; она располагаетъ большею половиною петербург-

ской печати. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что сдвинуться съ мѣста по желательному для нея направленію совершенно невозможно, на это не послѣдуетъ согласія ни сверху, ни снизу; и нельзя также не видѣть, что пришла пора на что нибудь рѣшиться. — Надобно по этому надѣяться что верховная власть, не поколебавшаяся сломать еще недавно свою явную многовѣковую опору, помѣстное дворянство, не остановится передъ скрытымъ сопротивленіемъ и умышленными отводами, исходящими отъ его собственныхъ орудій.

ПРИПИСКА.

Долженъ сказать въ заключеніе: знаю впередъ что многія офиціальныя лица сочтутъ мысли, проводимыя въ этихъ письмахъ, непозволительнымъ вмѣшательствомъ въ права власти, которыя они считаютъ своими собственными правами. Въ ихъ глазахъ не только дѣйствіе, но даже мнѣніе въ области государственныхъ порядковъ составляетъ неотъемлемую принадлежность правительства и должно быть возбранено частному человѣку; но подобный взглядъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о существующемъ у насъ раздвоеніи. Большинство офиціальной среды до сихъ поръ живетъ всѣми помыслами въ воспитательной эпохѣ, которая ограничивалась одною задачей: пересадкою къ намъ западныхъ формъ по своему выбору, для чего не было надобности въ содѣйствіи народнаго сознанія; оно и устранялось какъ излишнее своеволіе. Но срокъ пересадкѣ кончился и теперь надо забыть не только исторію, но законы природы, чтобы продолжать держаться такого взгляда. Развитіе сознанія и поступательное движеніе въ области мысли возможны лишь для сборнаго разума, для милліоновъ умовъ провѣряющихъ себя взаимно и вырабатывающихъ постепенно этимъ путемъ новые взгляды въ наукѣ, въ общественныхъ дѣлахъ, даже въ вѣрованіяхъ, во всемъ на свѣтѣ. Правительству принадлежитъ только дѣйствіе, оцѣнка вызрѣвшихъ народныхъ воззрѣній и признаніе за ними права на практическое осуществленіе. Внѣ исключительныхъ за-

дачъ, подобныхъ прожитой нами воспитательной задачѣ, правительство не можетъ идти впередъ самостоятельно и разработывать зарождающіеся соціальные вопросы въ своихъ канцеляріяхъ. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы зорко слѣдить за созрѣвающими общественными убѣжденіями и явно выказавшимися потребностями, не отставая отъ народнаго сознанія.

Нашему переходному состоянію и нашему раздвоенію придетъ конецъ въ томъ лишь день, когда не для кого будетъ доказывать такихъ простыхъ истинъ.